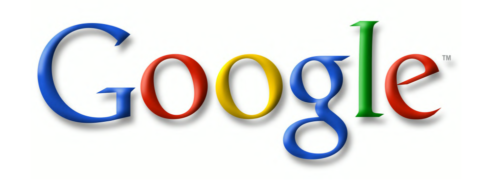
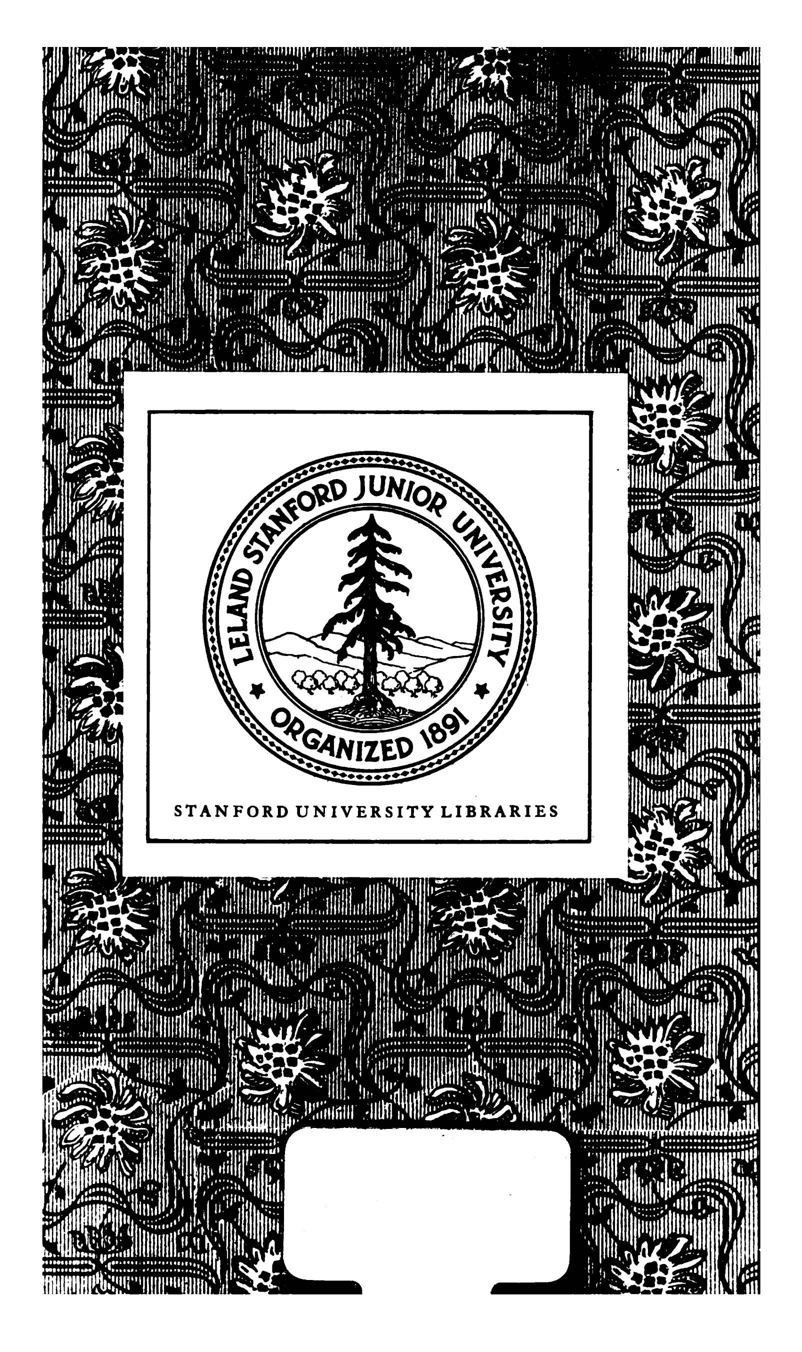
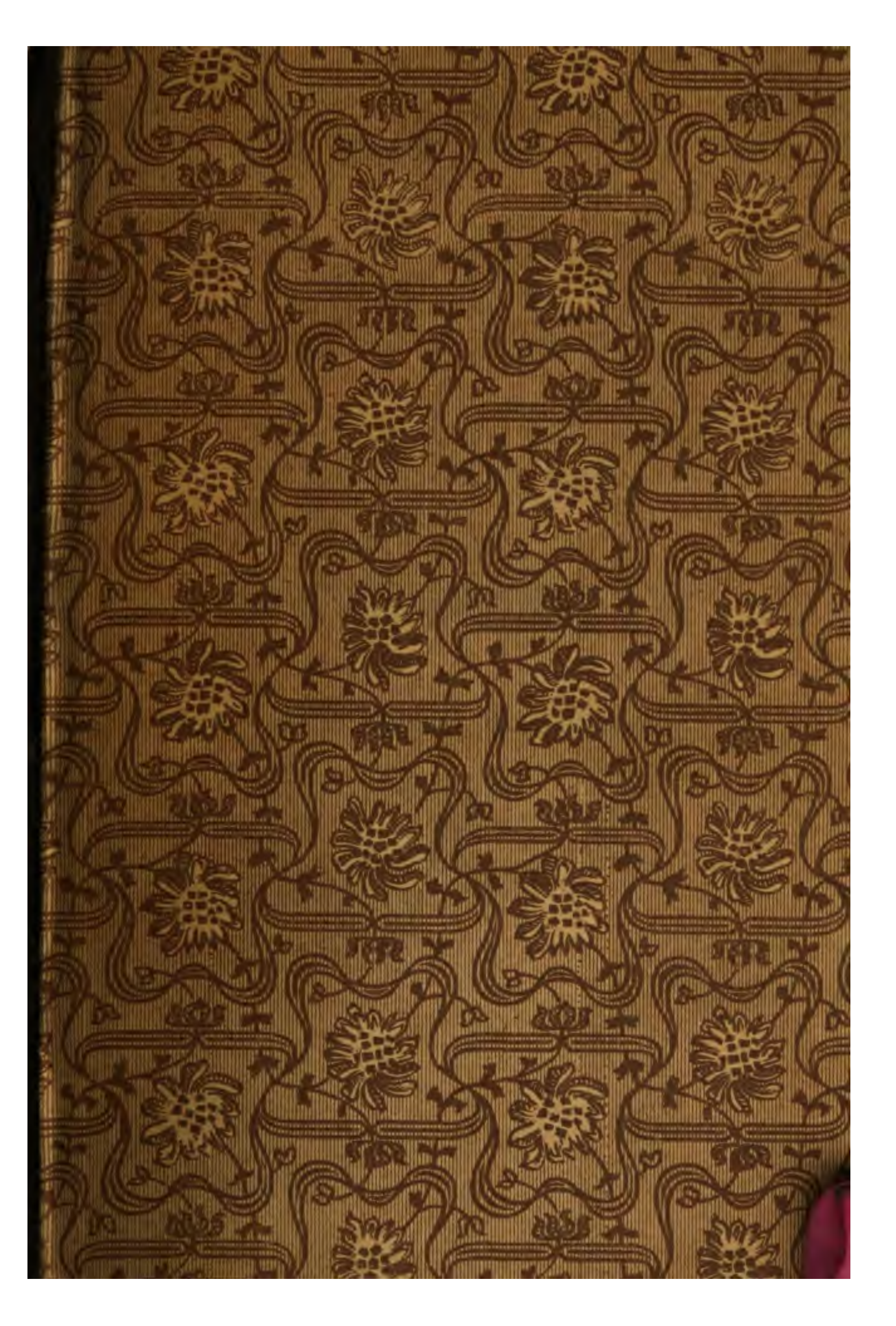

LELAND STANFORD JUNIOR UNIVERSITY
ORGANIZED 1891
STANFORD UNIVERSITY LIBRARIES

ПОЛНОЕ СОБРАНІЕ

СОЧИНЕНІЙ

РУССКИХЪ АВТОРОВЪ.

Печатать позволяется:

съ тѣмъ, чтобы по отпечатаніи представлено было въ Цензурный Комитетъ узаконенное число экземпляровъ. С.-Петербургъ, 6 Декабря 1849 года.

Цензоръ *А. Крыловъ.*

СОЧИНЕНІЯ

НЕЛЕДИНСКАГО-МЕЛЕЦКАГО.

Изданіе Александра Смирдина.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.
ВЪ ТИПОГРАФІИ А. ДМИТРІЕВА.
1850.

Цѣна за соч. Нелединскаго и Дельвига 1 руб. сер.

ОГЛАВЛЕНІЕ

КЪ

СОЧИНЕНІЯМЪ

НЕЛЕДИНСКАГО-МЕЛЕЦКАГО.

ПѢСНИ.

РАЗНЫЯ СТИХОТВОРЕНІЯ.

ПЕРЕВОДЫ.

—

ПѢСНИ.

I.

Выду я на рѣченьку,
Погляжу на быструю —
Унеси мое ты горе,
Быстра рѣченька, съ собой!

—

Нѣтъ, унесть съ собой не можешь
Лютой горести моей;
Развѣ грусть мою умножишь,
Развѣ пищу дашь ты ей.

—

За струей струя катится
По склоненью твоему:
Мысль за мыслью такъ стремится
Все къ предмету одному.

—

Ноетъ сердце, изнываетъ,
Страсть мучительну тая.
Кѣмъ страдаю, тотъ не знаетъ,
Терпитъ чтó душа моя.

Чѣмъ же злую грусть разсѣю,
Сердце успокою чѣмъ? —
Не хочу и не умѣю
Въ сердцѣ быть властна моемъ.

Милой мой имъ обладаетъ,
Взглядъ его — мой весь законъ.
Томный духъ пусть вѣкъ страдаетъ,
Лишь бы милъ всегда былъ онъ.

Лучше вѣкъ въ тоскѣ пребуду,
Чѣмъ его мнѣ позабыть.
Ахъ! коль милова забуду,
Кѣмъ же стану, кѣмъ же жить?

Каждое души движенье —
Жертва другу моему.
Сердца каждое біенье
Посвящаю я ему.

Ты, ково не называю,
А въ душѣ всегда ношу!
Ты, кѣмъ вижу, кѣмъ внимаю,
Кѣмъ я мыслю — кѣмъ дышу!

Не почувствуй ты досады,
Какъ дойдётъ мой стонъ къ тебѣ.
Я за страсть не жду награды,
Злой покорствуя судьбѣ.

Если жъ то найдешь возможнымъ,
Силу чувствъ моихъ измѣрь —
Словомъ ласковымъ—хоть ложнымъ,
Адъ души моей умѣрь.

II.

НА ГОЛОСЪ: ДѢВЧИНА МОЯ.

Охъ! тошно мнѣ
На чужой сторонѣ;
Всё постыло,
Всё уныло:
Друга милова нѣтъ.

Милова нѣтъ;
Не глядѣла бъ на свѣтъ
Что, бывало,
Утѣшало,
О томъ плачу теперь.

Въ ближнемъ лѣску
Лишь питаю тоску.

Всѣ кусточки,
Всѣ листочки,
Тамъ о миломъ твердятъ.

Будто со мной
Тамъ сидитъ милой мой,
Забываюсь;
Откликаюсь
Часто на голосъ свой.

Милова нѣтъ!
Ахъ, пойду за нимъ вслѣдъ:
Гдѣ бъ ни крылся,
Ни таился,
Сердце скажетъ мнѣ путь.

Охъ, тошно мнѣ
На чужой сторонѣ!
Слёзы льются,
Не уймутся:
Въ нихъ отрада моя.

III.

Если бъ ты была на свѣтѣ
Не милѣе мнѣ всего,
Я бъ нашолъ въ твоёмъ совѣтѣ
Пользу сердца моево.
Сталъ бы думать о свободѣ,
Кою потерялъ любя;
Но скажи мнѣ, что въ природѣ
Можетъ замѣнить тебя?

Свѣта ль ложнымъ мнѣ блистаньемъ,
Златомъ ли себя плѣнять?
Иль, наполня умъ мечтаньемъ,
Славы, почестей желать?
Но съ дарами счастья сими
Сердце праздно и мертво.—
Подъ законами твоими
Я хоть чувствую ево.

Мнѣ ль плѣниться не тобою?
Мнѣ ль инымъ заняться чѣмъ?
Сердцемъ, разумомъ; душою...
Ты владѣешь мною всѣмъ.
Вѣчно у тебя въ неволѣ,
Радъ я муки всѣ сносить.
Бѣдъ, мученій всѣхъ мнѣ болѣ
Перестать тебя любить.

IV.

Написана за ужиномъ у Кн. Влад. Ив. Щерб.

Нѣтъ минутъ тѣхъ веселѣе,
Какъ сижу я за столомъ.
Я на свѣтѣ всѣхъ умнѣе,
Какъ бесѣдую съ виномъ.
Свѣтски суеты, напасти,
Все считаю, все, за вздоръ.

Преданъ лишь одной я страсти,
И люблю бутылкинъ взоръ.

Весь свой вѣкъ иной проводитъ
Въ попеченіяхъ, въ трудахъ.—
Тотъ утѣху всю находитъ
У красавицы въ глазахъ.—
Я съ бутылочкой дражайшей
Смѣючись на нихъ гляжу,
И ко счастью путь ближайшій
Выпивъ рюмку нахожу.

Рюмка рюмку погоняя,
Взвеселятъ какъ мысль мою;
На Парнассъ тогда взлетая,
Въ честь вина, любви—пою.
Хмѣль, моимъ тутъ Аполлономъ;
Винный погребъ—мой Парнасъ;
Рюмокъ стукъ чту лирнымъ звономъ;
И ну!—мчи меня Пегасъ!

V.

Дни счастливы миновались,
Дни прелестнѣйшей мечты,
Коей чувства услаждались
Какъ меня любила ты!
Прошлыхъ дней воспоминанье
Мукой стало выше силъ...
Тѣмъ несноснѣе страданье,
Чѣмъ я счастливѣе былъ.

Ты клялася быть мнѣ вѣрной.—
Я съ восторгомъ то внималъ,
И въ любви нелицемѣрной
Беззаботно утопалъ.
Зрю теперь, но безполезно,
Что вовлекъ себя въ напасть.—
Пролетай, о время слезно!
Унеси мою ты страсть.

Какъ ты сладость находила
Въ томъ, чтобъ я тебя любилъ;
Дорогой! — мнѣ говорила:
Ты по смерть мнѣ будешь милъ;
Прежде міръ весь premѣнится,
Чѣмъ любовница твоя;
Прежде солнца свѣтъ затмится,
Чѣмъ тебя забуду я.

Вся природа вспоминаетъ
Мнѣ къ мученью клятвы тѣ!
Вся природа упрекаетъ
Вѣроломностью тебѣ...
Все въ порядкѣ сохранилось;
Нѣтъ премѣны никакой.
Ясно солнце не затмилось,
А ужъ я забытъ тобой.

VI.

Полно льститься мнѣ слезами
Непреклонный рокъ тронуть.
Строгими навѣкъ судьбами
Загражденъ мнѣ къ счастью путь!
Безъ надежды, безъ отрады
Томну жизнь влача въ бѣдахъ,
Отъ небесъ не жду пощады:
Гнѣвъ ихъ въ милыхъ зрю глазахъ!

Смерть, прибѣжище несчастныхъ!
Часъ послѣдній, милый часъ!
Ты отъ бремя золъ ужасныхъ
Не спѣшишь избавить насъ.
Ты средь счастья жизнь отъемлешь;
Средь надеждъ, средь благъ разишь.
Стону страждущихъ не внемлешь,
Смерть! — отъ нихъ и ты бѣжишь

Издыхая услаждуся,
Вспомня взоръ, Темира, твой!
Съ свѣтомъ, съ жизнью разлучуся,
Лишь не съ милой мнѣ мечтой.
Пламень, что въ себѣ вмѣщаю,
Онъ душа, онъ жизнь моя:
Имъ я вѣчность постигаю,
Имъ безсмертенъ буду я.

Въ безпечальное селенье
Съ жаромъ страсти преселясь;
Обнаружу упоенье;
Коимъ жилъ, тобой плѣнясь.
Въ царствѣ тѣней ту прославлю,
Жизни кто была милѣй,
И подземный міръ заставлю
Радость чтить души моей.

VII.

Свидѣтели тоски моей,
Лѣса, безмолвью посвященны!
Утѣхами прошедшихъ дней
Въ глазахъ моихъ вы украшенны.
Понынѣ счастливой мечтой
Всегда средь васъ я наслаждаюсь,
И чувствомъ радостнымъ питаюсь,
Анюту мысля зрѣть съ собой!

Нѣтъ мѣста въ темныхъ сихъ лѣсахъ,
Гдѣ бъ не мечтался зракъ мнѣ милой:
Всечасно онъ въ моихъ глазахъ,
Всегда живётъ въ душѣ унылой.
Отъ мѣста къ мѣсту я спѣшу,
Гдѣ быть любезной воображаю;
Ее отвсюду ожидаю;
У твари всей ее прошу.

Что вправду милой нѣтъ со мной,
Повѣрить самъ себѣ не смѣю—
Вотъ тамъ она... вотъ за горой...
По этой тропкѣ встрѣчусь съ нею...
Ищу вкругъ каждаго куста,
Гдѣ съ милой мы бывали прежде;
Внимаю въ смутной я надеждѣ
И шуму каждаго листа.

Журчащіе вокругъ ручьи!
Всего мнѣ болѣ въ васъ отрады;
Анюта прелести свои
Ввѣряла вамъ, ища прохлады.
Въ полдневны лѣтніе часы,
Какъ птички при кустахъ таятся,
Струи, бывало, къ ней тѣснятся,
Спѣша ласкать ея красы.

Лишенному утѣхъ прямыхъ,
Отрада мнѣ въ ихъ воображеньи,
Для чувствій пламенныхъ моихъ,
Во всемъ я вижу наслажденьи.

Какъ послѣ солнца теплоту
Хранитъ земля средь знойна лѣта:
Огнёмъ такъ милыхъ глазъ нагрѣта,
Душа хранитъ объ нихъ мечту.

О время! быстротой своей
Яви услугу мнѣ полезну!
Скорѣе достигай тѣхъ дней,
Въ которы мнѣ узрѣть любезну!
На медленность твою впервой
Ты жалобы мои внимаешь...
Но, время! ты того не знаешь,
Что нѣтъ души моей со мной.

VIII.

Старанья всѣ мои напрасны
Волненье мыслей усмирить!
Въ комъ чувства съ долгомъ не согласны,
Тому нельзя покойну быть.

Гдѣ время—время то дѣвалось,
Какъ сердце дружбою одной
Въ невинности своей питалось,
Когда вкушала я покой?

—

Рушитель счастья и свободы!
Въ тебѣ, какъ друга зрѣла я;
Казалось, всѣ красы природы
Блистали для одной меня.
Я дни пріятны провождала
Въ любезной, сладкой тишинѣ.
Съ зарёй утѣхи я встрѣчала;
Мигъ каждый приносилъ ихъ мнѣ.

—

Теперь бѣгу дневнова свѣта;
Мнѣ вѣкъ мой тягостенъ, постылъ;
Кляну мои цвѣтущи лѣта...
Страшусь узрѣть тово, кто милъ!
Страшусь—и повседневно видя,
Всё болѣ пламенѣя имъ,
Всё болѣ долгъ мой ненавидя,
Къ напастямъ лишь влекусь однимъ.

—

Летятъ часы, и дни и годы,
Неся премѣнъ съ собою тму;
По буряхъ тихи зримъ погоды:
Есть время, есть предѣлъ всему.
Лѣса вновь зеленью одѣты;
Свободно вновь текутъ ручьи...
Часы проходятъ, дни и лѣты;
Мученья тѣ же всё мои!

IX.

Милая вечоръ сидѣла
Подъ кустомъ у ручейка.
Пѣсенку она запѣла;
Я внималъ издалека.
Будто съ ней перекликался,
Ближней рощи соловей.—
Голосъ милой раздавался:
Отдался въ душѣ моей.

Мнѣ зефиры приносили
Иногда ея слова.
Иногда слова глушили
Вкругъ шумящи дерева.
Смолкни всё! престань мѣшаться
Ты, завистный соловей!
Пусть одинъ въ душѣ раздается
Голосъ милой лишь моей.

X.

Милая вечоръ сидѣла
Подъ кустомъ у ручейка.
Пѣсенку она запѣла,
Я внималъ издалека.

Съ милою перекликался
Ближней рощи соловей.
Голосъ милой раздавался:
Раздался въ душѣ моей.

Часто милая твердила:
Сердце ноетъ у неё.
Я услышалъ,—и заныло
Сердце тотчасъ и моё.

О, души моей отрада!
Твоему ли сердцу ныть?
Твоего всё ищетъ взгляда;
Все готово угодить.

Всё любуется тобою;
Всей природѣ ты мила.
Всякъ разстаться радъ съ душою,
Лишь твоя бы жизнь цвѣла.

Пѣвши, милая вздыхала:
Вся во мнѣ кипѣла кровь!
Знать, я думалъ, знать, спознала
Милая моя любовь.

Знать, природа, въ награжденье
Что её всѣ славятъ въ ней;
Всѣхъ пріятнѣй наслажденье
Дорогой даритъ моей.

Ахъ! люби, люби Темира!
Рви мнѣ душу—лишь люби!
Блага всѣ, все счастье міра,
Ты найдёшь въ одной любви.

Радостямъ твоимъ помѣхи
Не увидишь отъ меня!
Святы мнѣ твои утѣхи:
Не нарушу ихъ стеня.

Жертвами давно питаюсь;
Не въ себѣ живу давно.—
Я ужъ счастьемъ не ласкаюсь:
Мнѣ отказано оно.

XI.

Ты велишь мнѣ равнодушнымъ
Быть, прекрасная, къ себѣ.
Если хочешь зрѣть послушнымъ,
Дай другое сердце мнѣ.
Дай мнѣ сердце, чтобъ умѣло,
Знавъ тебя, свободнымъ быть;
Дай такое, чтобъ хотѣло
Не одной тобою жить.

То, въ которомъ обитаетъ
Несравненный образъ твой:
Сердце, что̀ тобой страдаетъ,
То и движется тобой.
Въ нёмъ ужъ чувства нѣтъ инова,
Ни другой въ немъ жизни нѣтъ.
Ты во тмѣ мученья злова
Жизнь, отрада мнѣ и свѣтъ.

Вѣрность ли къ тебѣ нарушу?
Вздохъ мой первый ты взяла!
И что я имѣю душу,
Ты мнѣ чувствовать дала.
Ты мнѣ душу, ты вложила;
Твой же даръ несу тебѣ.
Но ты жертвы запретила:
Не дозволю ихъ себѣ.

Лишь не мучь, повелѣвая,
Чтобъ твоимъ престалъ я быть!
Чѣмъ, въ безмолвіи страдая,
Чѣмъ тебя мнѣ оскорбить?
Развѣ чтишь за преступленье
Взоръ небесный твой узрѣть;
Имъ повергнуться въ смущенье
И безъ помощи... терпѣть!

XII.

От пороковъ удаляясь,
Чести давъ надъ сердцемъ власть,
Въ семъ святилищѣ скрываясь,
Ублажаемъ нашу часть.
Добродѣтель правитъ нами;
Властвуетъ одна сердцами:
Средь забвенья всѣхъ суетъ,
Насъ блаженнѣй въ мірѣ нѣтъ!

Свѣтъ, въ порокахъ утопленный,
Бѣдства зритъ въ себѣ одни.
Добродѣтелью спасенны,
Мы вкушаемъ сладки дни.
Какъ корабль между волнами;
Межъ мірскими такъ страстями,
Истины внимая гласъ,
Непороченъ всякъ изъ насъ.

Свѣтъ восточный днесь блистая,
Новый путь являетъ намъ.
Трудъ священный озаряя,
Къ райскимъ насъ ведетъ вратамъ.
Тамо смертныхъ зря судьбину,
Зла начальную причину,
Мы потщимся отвратить
И соблазна не вкусить.

Се усердію награда!
Се столь долгихъ плодъ трудовъ!
Наша общая отрада,
Щитъ, подпора и покровъ:
Добродѣтель намъ явилась;
Въ души скромность водворилась.
Хоръ весь радостно воспой:
Возвратился вѣкъ златой.

XIII.

Мысль мучительна и слезна,
Вспоминанье прежнихъ дней;
Мысль и нынѣ мнѣ любезна!
Не терзай души моей!
Сердцу смертно сокрушенну,
Дай покоя хоть на часъ:
Или мало быть лишенну,
Зрѣнія прелестныхъ глазъ?

Взора убѣгалъ прекрасна,
Обрѣсти спокойство мня;
Но надежда та напрасна:
Отъ себя не скроюсь я.
Не лишуся чувствъ доколѣ,
Каждое изъ нихъ твердитъ.
Что я долженъ по неволѣ
Зрѣть во всемъ Темиринъ видъ.

Равнаго не вображаю
Ничего Темирѣ я,
А къ всему воспоминаю;
Ею мысль полна моя!
Тихой ли зефиръ повѣетъ,
Зашумитъ ли гдѣ ручей...
Все напомнить мнѣ умѣетъ
О владычицѣ моей.

XIV.

1-й КУПЛЕТЪ ПѢСНИ.

Мѣста, гдѣ я внималъ стократно,
Что я невѣрною любимъ,
Мое мученіе вамъ внятно;
Вы стономъ тронуты моимъ.
Кусты всѣ зелени лишились;
Ключи прозрачны помутились

И злакъ полей здѣсь потемнѣлъ.
Превратенъ зрю уставъ природы:
Не вижу ясной тамъ погоды,
Гдѣ прежде мрачныхъ дней не зрѣлъ.

XV.

1-й КУПЛЕТЪ ПѢСНИ.

Исчезай надежда лестна,
Будь утѣхою другимъ.
Участь, мнѣ моя извѣстна:
Муку жребьемъ чту моимъ.
Ты, надежда, отворила
Къ счастью мнѣ златую дверь!
За минуту что польстила
Тмою мукъ плачу теперь.

XVI.

Прости мнѣ дерзкое роптанье,
Владычица судьбы моей!
Мнѣ мило отъ тебя страданье—
Утѣха, рай моихъ ты дней!
Я строгостей, тобой явленныхъ,
Не помню, взоръ увидя твой.
Всѣхъ чувствій, отъ тебя внушенныхъ,
Вмѣщать ужъ духъ не можетъ мой.

Въ бесѣдѣ коль съ тобой бываю,
Тебя одну въ ней вижу я.
Твой каждый шагъ я примѣчаю—
Гдѣ взоръ твой, тамъ душа моя;
И съ кѣмъ ни молвила бъ ты слово.
Читая въ милыхъ мнѣ очахъ,
Тебѣ отвѣтствовать готово,
Мое все сердце на устахъ.

Ты жизнь его... его стихія;
Въ тебѣ, тобой живетъ оно;
И въ самыя минуты злыя
Тебѣ, одной тебѣ дано
Души жестокое волненье
Единымъ взглядомъ усмирять,
И безъ надежды утѣшенье
Въ унылы чувства поселять.

О! если бы могъ смертный льститься
Особый даръ съ небесъ имѣть:
Хотѣлъ бы въ мысль твою вселиться,
Твои желанья всѣ узрѣть;
Для нихъ пожертвовать собою,
И тайну ту хранить въ себѣ—
Чтобъ счастлива была ты мною,
А благодарна лишь судьбѣ.

XVII.

У ково душевны силы
Истощилися тоской;
Въ грусти дни влача постылы,
Кто лишь въ гробѣ зритъ покой:
На лицѣ того проглянетъ
Лучъ веселья въ тотъ лишь часъ,
Какъ терять онъ чувства станетъ,
Какъ вздохнетъ въ послѣдній разъ.

Ты, кѣмъ жизнь во мнѣ хранится!
Казнь... и благо дней моихъ!
Духъ хоть съ тѣломъ разлучится,
Буду живъ безъ связи ихъ.
Душу что̀ во мнѣ питало,
Смерть не въ силахъ то сразить;
Сердцу, что̀ тебя вмѣщало,
Льзя ли не безсмертну быть?

Нѣтъ, нельзя тому быть мертву,
Чтó дышало божествомъ.
Отъ меня ты примешь жертву
И въ семъ мірѣ, и въ другомъ.
Тѣнь моя всегда съ тобою
Неотступно будетъ жить;
Окружать тебя собою;
Вздохъ твой, взоры, мысль ловить...

Насладится, вникнувъ тайно
Въ прелести души твоей.—
Если жъ будешь хоть случайно
Близъ гробницы ты моей:
Самый прахъ мой содрогнется,
Твой приходъ въ немъ жизнь родитъ,
И тотъ камень потрясется,
Подъ которымъ буду скрытъ.

РАЗНЫЯ СТИХОТВОРЕНІЯ.

I.

МОЛИТВА.

Предвѣчный и неизъяснимый!
Всѣмъ славимый, непостижимый
Существъ премудрѣйшихъ Творецъ!

Величіе Твое мой разумъ ужасаетъ;
Но сердцу нѣкій гласъ всечасно повторяетъ:
Не бойся, но люби: твой Богъ—тебѣ отецъ!

Сей гласъ есть Твой, міровъ Создатель!
Сей гласъ, о щедрый благъ Податель
Начало, къ намъ Твоихъ щедротъ.

Мы, въ немощи своей симъ гласомъ ободренны,
Имъ отъ презрѣнія самихъ себя спасенны;
Невкусный безъ того, чтимъ сладкимъ жизни плодъ.

Къ Тебѣ ль въ надеждѣ оскудѣю!
Тебя ль о чемъ просить посмѣю!
Тебя! мнѣ давша бытіе
Безъ просьбы, безъ заслугъ, по благотворной волѣ!
Весь, Боже, Твой я есмь; и жду во всякой долѣ,
Что Давшій жизнь, свершитъ и счастіе мое.

Ты, Господи, мой путь исправишь;
Отъ гибели меня избавишь;
Спасешь созданіе Свое!
Ты ль, Сына Своего, мой Отче, Ты ль отринешь!
Ты ль дѣло рукъ Твоихъ во бездну золъ низринешь!
Залогъ щедротъ Твоихъ—мнѣ бытіе мое.

Ты благъ, когда я существую.—
Отдаться въ власть Твою святую
И умъ и сердце мнѣ велитъ.
Несвѣдущъ я; Ты мудръ.—Я слабъ, а Ты все-
силенъ.
Я нуждами стѣсненъ; Ты милостью обиленъ.
Подверженъ я страстямъ; Ты противъ ихъ мнѣ
щитъ.

Достойное тебя служенье,
Мой долгъ, удѣлъ и наслажденье
Тебя душею всей любить;
Во всемъ Тебѣ, Творецъ, съ надеждой покоряться,
Подъ сильною Твоей десницею смиряться
И сердцемъ пламеннымъ Тебя благодарить.

II.

ХОРЪ,

пѣтый при внесеніи бюста Государыни Императрицы Екатерины II въ залъ Благороднаго Собранія, въ Москвѣ, 1796 года.

Гремитъ немолчная сопутница вѣковъ!
Гремитъ въ подсолнечной едина,
Безсмертныхъ дѣлъ твоихъ, Екатерина,
Стогласна вѣстница, кумиръ твоихъ сыновъ.
Громъ славы твоея потрясъ концы вселенны,
И тмой чудесъ твоихъ родъ смертныхъ изум-
ленный,

Восторга полнъ, забылъ,
Кто Юлій, Александръ, и самый Титъ кто былъ.

Щедрота, каждое воззрѣнье
И каждый шагъ твой — намъ трофей.
Короны царской украшенье —
Блаженство всѣхъ твоихъ людей.

Подъ кровъ твой, ихъ ревнуя долѣ,
Народы чуждые текутъ:
Твоей да внемлютъ мудрой волѣ,
Да въ благоденствѣ поживутъ.

Возсталъ ли врагъ—ты ополчилась...
И, дерзкаго, ужъ нѣтъ его!
Эхидна злобы въ адъ сокрылась
Отъ мановенья твоего.

Ты правишь царствъ земныхъ судьбою;
Цари твои законы чтутъ.

Речетъ—и съ словомъ предъ тобою
Престолы гордые падутъ.

Гремитъ немолчная сопутница вѣковъ!
Гремитъ . . . . и проч.

III.

НАДПИСЬ КЪ БЮСТУ ИМПЕРАТРИЦЫ ЕКАТЕРИНЫ.

Слава вѣка, диво міра,
Честь природы, Россовъ Мать.

IV.

ХОРЪ ДЛЯ ПОЛЬСКАГО,

въ первый разъ пѣтый въ присутствіи Ея Императорскаго Величества, въ домѣ графа Алекс. Никол. Самойлова, августа 26-го 1796 года при королѣ шведскомъ.

Торжествуй! твоя то доля,
Россъ, земныхъ народовъ честь!
Твоея богини воля
До небесъ твой рогъ вознесть.
Чѣмъ воздашь Екатеринѣ?
Чѣмъ воздашь, о, Россъ, ты ей?

Чуждыхъ странъ цари дивятся,
Зря твоихъ блаженство дней.
Править царствами учатся
У Монархини твоей.
Мудрости Екатерины
Вѣнценосцы жаждутъ внять.

Въ храмъ безсмертья за собою,
Россъ, она тебя ввела;
Щедрою къ тебѣ рукою
Рѣки блага пролила:
Чѣмъ воздашь Екатеринѣ?
Чѣмъ воздашь, о, Россъ, ты ей?

Жребій твой ни съ чьимъ не равенъ:
Зависть ты земныхъ племенъ!
Внѣ — ты чтимъ, надъ всѣми славенъ;
Внутрь — спокоенъ и блаженъ.
Чѣмъ воздашь Екатеринѣ?
Чѣмъ воздашь, о, Россъ, ты ей?

Храмы ль въ честь мы ей поставимъ?
Но веществъ нетлѣнныхъ нѣтъ.
Свѣтъ ли пасть предъ ней заставимъ
Но плѣненъ ужъ ею свѣтъ.
Чѣмъ воздашь Екатеринѣ?
Чѣмъ воздашь, о, Россъ, ты ей?

Пѣснь, что̀ сердце намъ внушаетъ,
Пѣснь, что̀ каждый Россъ твердитъ,
Вся земля съ нимъ повторяетъ —
И потомство̀ возгласитъ:
Чѣмъ воздашь Екатеринѣ?
Чѣмъ воздашь, о, Россъ, ты ей.

Смертны, мы богамъ безсильны
За щедроты ихъ платить;
Но усердьемъ къ нимъ обильны,
Можемъ души посвятить.
Ревностью къ Екатеринѣ
Въ Россахъ всѣхъ душа одна.

Зри, Царица, восхищенье
Чтущихъ кроткій скипетръ твой!
Матерь! слыши чадъ моленье,
Чадъ ущедренныхъ тобой:
Молимъ всѣ... Екатеринѣ,
Небо! Ты за̀ насъ воздай!

Да узритъ въ любви взращенныхъ
Марсовъ крови своея;
Въ лаврахъ предъ собой зеленыхъ,
Жатыхъ подъ щитомъ ея.
Отраслямъ Екатерины
Быть героями удѣлъ.

Да украситъ міра троны
Дщерями своихъ сыновъ...
Да успѣхи безъ препоны
Будутъ плодъ всегда трудовъ,
Плодъ трудовъ Екатерины,
Намъ виновницы всѣхъ благъ.

V.

ГОМЕРОВО СЧАСТЬЕ.

Гомеръ прославился—могло ль и быть не такъ?
Умы подобные хоть есть и въ наши вѣки,
Хоть тѣ жъ и въ наши дни родятся человѣки,
Но знатнымъ толь пѣвцомъ нельзя ужъ быть ни-
какъ.
Въ ближайшее къ златому вѣку время,
Какъ пѣлъ Гомеръ,
Піитовъ всѣхъ примѣръ:
Толь славимые имъ герои царска племя,
За городомъ однимъ возились десять лѣтъ,
И если бъ не обманъ — и взяли бы, и нѣтъ.
Пока цари дрались, царицы шерсть сучили,
Смиренно для царей сорочки сами шили
И на плоту съ валькомъ встрѣчали бѣлый свѣтъ...
Такую скрася быль, всю честь несетъ поэтъ.
Въ ней вымыслу вездѣ пространное есть поле,
И мелкія дѣла превозноситъ по волѣ,

Таланту то и кладъ.
А мы, какъ ни хитри—все будетъ не впопадъ;
Какъ мыслью ни взлетай—на дѣлѣ, все лихъ болѣ!

—

Монархиня! тобой, любимицей небесъ,
Россія зритъ себя вмѣстилищемъ чудесъ!
И въ мірѣ всемъ твои разсѣянны трофеи
Въ потомствѣ возгремятъ звучнѣе эпопеи.
Гомеровъ даръ тщета, гдѣ подвигъ ужъ дивитъ.
Твои дѣла глася, газетчикъ всякъ—піитъ.

—

VI.

СТРОФЫ

На миръ съ Турками, 1774 года.

Престаньте страшны браней звуки,
Престаньте слухъ нашъ возмущать.
Цвѣтите ремесла, науки:

Вамъ миръ даруетъ Россовъ Мать.
Подвластны радуйтесь народы!
Спокойствіе въ позднѣйши роды,
И слава, тою вамъ дана,
Кто вѣчной благости рукою
Владычицей надъ сей страною
Ко счастью смертныхъ избрана.

Довольно въ бранѣхъ вы явили,
Россіяне вашъ смѣлый духъ:
Вы гордаго врага смирили;
Промчался славы вашей слухъ.
Плодъ подвиговъ своихъ вкушайте,
И въ сладкомъ мірѣ прославляйте
Вину толикихъ вамъ отрадъ.
Тобой, міровъ благій Содѣтель!
Побѣдоносна добродѣтель,
Стремглавъ низвергла злобу въ адъ.

Падетъ, и въ ярости скрежещетъ;
Реветъ какъ гладный въ дебри левъ.
Уже безвредно ядъ свой мещетъ,

Несытый разверзая зѣвъ.
Очьми кровавыми сверкая,
И въ бѣшенствѣ себя терзая,
Съ отчаяньемъ она гласитъ:
Погибла днесь моя держава!
Безсмертная Россіянъ слава
Во всѣ концы земли гремитъ.

—

Красуйся счастлива Россія
И пѣснь побѣдну воспѣвай:
Въ тебѣ зримъ паки дни златыя;
Земной ты намъ являешь рай!
Куда мой взоръ ни обращаю,
Повсюду радости встрѣчаю;
Разрушена унынья власть.
Народы многи торжествуютъ,
Единодушно всѣ ликуютъ,
Гласяя свою блаженну часть.

—

Здѣсь мать, объемля, лобызаетъ
Къ ней въ лаврахъ возвращенныхъ чадъ,
На нихъ умильно устремляетъ

Слезами отягчённый взглядъ;
Сестра тамъ, съ братомъ съединенна,
Однимъ съ нимъ чувствомъ упоенна,
Природѣ сладку платитъ дань.
Повсюду восклицанье внятно,
Повсюду зрѣлище пріятно
Являетъ окончанну брань.

Благополучная судьбина
Объемлетъ весь Россіянъ родъ.
Великая Екатерина!
Се твоего геройства плодъ.
Блаженствомъ нашимъ возвышайся!
Взирай, внемли — и наслаждайся
Величьемъ славы дѣлъ твоихъ!
Премудро царствуя надъ нами,
Владѣешь нашими сердцами:
Алтарь тебѣ воздвигнутъ въ нихъ.

VII.

ГОСПОДАМЪ КОННЫМЪ АРТИЛЛЕРИСТАМЪ.

Вы громовержцами давно ль центавры стали?
До нынѣ силой мышцъ; меча лишь остріемъ
Противныхъ вы карали.
Днесь, огнеметный рядъ
За вами рыщущихъ громадъ
Настигнетъ, поразитъ, разсыплетъ, уничтожитъ
Враговъ, обманутыхъ въ надѣяньи своемъ:
И кто не палъ мечемъ,
Того, послушный вамъ, крылатый адъ низложитъ.

Дрожи — и знай кто Россу врагъ!
Съ тѣмъ царствомъ, мудрость гдѣ сама даетъ законы,
Гдѣ ей сотрудники Платоны:
Брань—гибель съ царствомъ тѣмъ, союзъ—источникъ благъ.

VIII.

СТРОФЫ НА ДРУЖБУ.

Ты ропщешь, смертный, на судьбину!
Стеня подъ игомъ лютыхъ бѣдъ,
Ты жизни своея кончину
За первый ставишь свой предметъ.
Но что жъ?... Или, всего лишенной,
Не видишь въ цѣлой ты вселенной
Себѣ утѣхи?... Говори.
Иль духъ твой дружества не знаетъ?...
Сего, коль рокъ тебя лишаетъ:
Ты выше рока будь... умри.

Но часть твоя сколь ни сурова;
Когда еще остался другъ,
Котораго вся мысль готова
Къ явленію тебѣ услугъ;

Коль скорбь твою онъ раздѣляетъ,
Съ тобою слезы проливаетъ...
Тебѣ ль о смерти помышлять?
И ты ль къ отчаянью способенъ?
Давно ль гласъ дружбы не удобенъ
Печали въ радость премѣнять?

Едина въ бѣдствіяхъ отрада,
Съ небесъ ниспосланный намъ даръ —
Сердецъ чувствительныхъ награда.
Разлей твой жаръ!
Плѣняся благостью твоею,
Да всякъ устами и душею
Законъ признаетъ кроткій твой!
Да въ души искренность вселится,
И лесть коварна истребится
Твоей могучею рукой!

Но что за красоты явились
Внезапно мысленнымъ очамъ?
Всѣ чувства радостью плѣнились!
Я духомъ пренесенъ во храмъ

Издревле дружбѣ посвященный,
Отъ селъ въ пустынѣ удаленный,
Единый путь къ нему ведетъ;
Означенъ рѣдкими слѣдами:
Со всѣхъ сторонъ окопанъ рвами...
Да всякъ измѣнникъ въ нихъ падетъ!

У вратъ сѣдитъ Нелицемѣрность,
Имѣя обнаженну грудь.
Подруги Дружбы, Честь и Вѣрность,
Къ престолу показуютъ путь.
Честь, добродѣтели, геройство,
И твердость, душъ великихъ свойство,
Служа у Дружбы алтарей,
Вѣнцы безсмертія сплетаютъ,
И предъ богинею вѣнчаютъ
Усердно жертвующихъ ей.

Средь храма божество на тронѣ. *
На сердцѣ у себя отверзтомъ,

---

* Римляне такъ богиню Дружбы изображали.

Богиня указуетъ перстомъ
Словесъ сихъ огненны черты:
«Хотя вблизи, хоть отдаленно,
«У Дружбы сердце неизмѣнно
«Средь бѣдъ, и счастья суеты.

Рукой искусства оживленны
Герои дружбы зрятся тамъ.
Дѣла ихъ, славѣ порученны,
Прейдутъ къ позднѣйшимъ временамъ
Одно ихъ здѣсь изображенье
Приводитъ разумъ въ восхищенье,
И новый жаръ родитъ въ сердцахъ.
Пиладовъ подвигъ вспоминая;
Какъ онъ, жизнь другу посвящая,
Еще ли кто познаетъ страхъ?

Лукавство, Правды подъ покровомъ,
Здѣсь иногда дерзаетъ быть;
Надѣется въ семъ видѣ новомъ
Вражду близъ Дружбы поселить.

Злой завистью сопровожденно
И златомъ пагубнымъ снабженно,
Въ сердца пролить свой тщится ядъ:
Но злости ковъ не успѣваетъ
Богиня взглядомъ поражаетъ
Чудовища, и гонитъ въ адъ.

О Дружба! жертвы ты пріемлешь
Отъ непорочныхъ лишь сердецъ.
Единымъ ихъ моленьямъ внемлешь;
Для нихъ единыхъ твой вѣнецъ.
Когда свое богатство числитъ,
Друзей обрѣсть напрасно мыслитъ
Надутый пышностью злодѣй,
Онъ горы злата истощаетъ:
Но что же имъ пріобрѣтаетъ?—
Сообщниковъ, а не друзей.

На цѣлый свѣтъ не промѣняю
Небесныхъ дружества утѣхъ;
И то лишь счастьемъ почитаю,

Въ чемъ съ другомъ общій мнѣ успѣхъ.
Лютѣйшая суровость рока,
Колико бъ ни была жестока,
Меня не въ силахъ устранить.
Друзьямъ отчаянье поносно.
Какое бѣдствіе несносно,
Коль душу есть кому открыть!

IX.

НА КОНЧИНУ

Князя Василія Михайловича Долгорукова-Крымскаго,
1782 года 30 января.

Вѣщаетъ Царь-Пророкъ, въ уставахъ чтяй пред-
вѣчныхъ:
Честна предъ Господемъ смерть праведныхъ
Его.
Такъ!—смерть, начало есть торжествъ имъ без-
конечныхъ;

Но міръ сокровища лишенъ въ нихъ своего.
Создавъ вселенную, премудрый всѣхъ Содѣтель,
Украсити ее, послалъ намъ добродѣтель:
Кто вѣренъ быть возмогъ непреткновенно ей,
Не царства одного—тотъ честь природы всей!

Чрезъ цѣлый вѣкъ, ни въ комъ не чтя себѣ злодѣя,
И правосудія храня уставъ всегда,
Кто могъ, и ни кому не причинилъ вреда:
Тотъ въ нѣдро вѣчности преходитъ не робѣя.
Таковъ, таковъ былъ сей, кого мы зримъ здѣсь прахъ!
Незлобивъ, милостивъ; о пользѣ всѣхъ радѣя,
Утѣху находилъ онъ въ добрыхъ лишь дѣлахъ.
Коль плачущій когда въ пути его встрѣчался,
Уже съ слезами тотъ къ своимъ не возвращался.
Имъ сирый былъ призрѣнъ; томящійся въ бѣдахъ
Блаженство познавалъ, спасенъ его рукою...
Зрю гробъ его стѣсненъ рыдающихъ толпою,
И горькая слеза во всѣхъ блеститъ очахъ.

Дражайша тѣнь! мой гласъ тебя да услаждаетъ,
Признательности долгъ мнѣ стихъ въ уста влагаетъ.
Горю послѣдовать примѣру твоему:
А благодарнымъ быть, не есть ли шагъ къ тому? *

X.

НА КОНЧИНУ

Графа П. Ив. Панина, 1789 года апрѣля 15.

Его ужъ нѣтъ?—Ужъ нѣтъ его межъ нами!
Се прерываемый рыданьемъ общимъ гласъ.
Покрытый лаврами, и мирными вѣнцами,
Отходитъ къ вѣчности—оставилъ Панинъ насъ!
Оставилъ!... Тяжкое для сердца изрѣченье!
Усердный патріотъ; столпъ государства сей;

---

* Сіи стихи, здѣсь внесенные съ нѣкоторою перемѣною, писаны въ Петербургѣ и пересланы были мною къ роднымъ въ Москву по почтѣ.

Въ совѣтахъ—Демосѳенъ, предъ войсками—Арей:
Въ недужной старости соблюлъ лѣтъ юныхъ рвенье
И добродѣтельми украсилъ весь свой вѣкъ.
Не титлы чтили въ немъ, въ немъ чтился человѣкъ.
Въ немъ чтили мужество, души великой свойство
И рѣдкое, прямое то геройство,
Которымъ движимъ онъ и истину любя,
Готовъ былъ за нее не пощадить себя.
Ея поборникомъ отъ всѣхъ онъ признавался,
И симъ добротъ его соборъ увѣнчавался.

Ты, свѣту вновь явить обязанный его,
Умѣрь стенанія ты сердца своего
И мужа твердаго явися сынъ достойный.
Учась хранить, какъ онъ, средь бѣдства духъ спокойный,
Въ отраду, славы звукъ, о немъ гремящъ, внимай,
И ею вѣкъ его—не днями измѣряй. *

---

* Сіи стихи (иначе нежели здѣсь) напечатаны были на особыхъ листахъ, въ самый день погребенія.

XI.

НА КОНЧИНУ

Князя Павла Сергѣевича Гагарина, 1789 года 2-го декабря.

Теки, плачевный стихъ въ слѣдъ чувствiямъ моимъ!
Гагарина друзьямъ, супругѣ и роднымъ
Во услажденье будь!—Къ отрадѣ пусть узнаютъ,
Что съ ними горесть ихъ другiе раздѣляютъ,
Что ихъ достойный другъ, хоть мало въ свѣтѣ жилъ,
Но сожалѣнiе отъ многихъ заслужилъ.
Незлобивый въ немъ духъ ко благу всѣхъ клонился;
Онъ бѣдныхъ къ помощи, казалося, родился,
И ставилъ мѣрою въ щедротахъ къ нимъ своихъ
Не столь избытокъ свой, какъ недостатки ихъ.
Внимая истины спасительну глаголу,

Богатствомъ онъ не чтилъ ни злато, ни сребро;
Его стяжаніе—творимо имъ добро:
Онъ, симъ богатъ, предсталъ къ предвѣчному
Престолу *.

XII.

ОДА

НА ПОБѢДУ, ОДЕРЖАННУЮ НАДЪ ТУРЕЦКИМИ СИЛАМИ ПОДЪ МАЧИНЫМЪ, ЗА ДУНАЕМЪ, 28 ІЮНЯ 1791 ГОДА, ПОДЪ КОМАНДОЮ КНЯЗЯ НИК. ВАСИЛЬЕВИЧА РЕПНИНА.

Чрезъ горы, долъ, лѣса, стрѣмнины;
Священнымъ озаренъ лучемъ,
Послушницу Екатерины,
Летящу славу зрю съ вѣнцемъ.
Стезей надоблачной несется;
Въ концы вселенной раздается

---

* Напечатаны въ Московскихъ Вѣдомостяхъ.

Златой трубы гремящій гласъ:
Ликуй, блаженная Россія!
Попранна сопротивныхъ выя:
Вновь, Россы, Богъ ущедрилъ васъ.

Жестокимъ бывъ смятенъ ударомъ
Врагъ лютый, но не укрощенъ,
Хотѣлъ отмстить во гнѣвѣ яромъ
Паденье Измаильскихъ стѣнъ.
Драконъ свирѣпый, многоглавный,
Облегши Истра брегъ пространный
И славясь крѣпостію силъ,
Металъ на Россовъ взоръ кичливой.
Надежды полонъ горделивой,
Орловъ пожрать какъ агнцевъ мнилъ.

Но къ славѣ Россамъ ли препона
Число, иль дерзость ихъ враговъ?
Не убоятся главъ дракона,
Ни страшныхъ скрежета зубовъ.
Побѣдъ подъ звукомъ вездесущихъ,
Екатериной ополченныхъ,

Кто сдержитъ, кто смиритъ полетъ?
Въ рукѣ ихъ, Росской, мечъ Паллады,
Разитъ враговъ, ихъ рушитъ грады,
Наноситъ страхъ, гдѣ лишь блеснетъ.

Уже пути не заграждаетъ
Иракламъ сѣверныимъ Дунай;
Уже нога ихъ попираетъ
Отважно сопротивный край.
Познавъ недружня близость войска,
Зажглася въ нихъ душа геройска,
Вскипѣла кровь, о, Россы! въ васъ.
Сыны побѣды! потерпите,
Сей день лишь жаръ вашъ удержите:
Настанетъ скоро мести часъ.

И се, лучемъ златымъ Авроры
Земный одушевился шаръ.
Вдали изъ тмы возникли горы;
Восходитъ къ небу тонкій паръ:
Се жертву общу всей природы
Приносятъ и земля и воды

Творцу всѣхъ благъ, отвергшу тѣнь!
Вся тварь, въ безмолвномъ умиленьи,
Возноситъ теплыя моленьи
И славитъ наступившій день.

Полки Россійски, средь долины,
Стадамъ подобны гордыхъ львовъ;
Сложась въ подвижныя твердыни,
Вмѣстилищи огней, громовъ,
Отпоръ отвсюду дать способны,
Отвсюду поражать удобны,
Готовы всюду ходъ простреть:
Какъ тучи въ бурный день ужасны,
Со всѣхъ сторонъ равно опаcны,
Во всѣхъ частяхъ несущи смерть. *

Но кто? кто мужъ сей сановитый?
Отваги огнь въ его очахъ.—

---

* Сею строфою я хотѣлъ описать баталіонъ каре.

Репнинъ, вождь храбрый, знаменитый;
Россія славный во сынахъ.
Со кротостью неустрашимость
И разсмотрительна рѣшимость,
Суть доблести души его.
Онъ трудъ предпочитать покою
И всѣмъ примѣръ являть собою
Чтитъ долгомъ сана своего.

Усердіемъ воспламененный,
Возвелъ онъ очи къ небесамъ,
И, какъ бы свыше вдохновенный,
Орлинымъ тако рекъ полкамъ:
«Въ сей день намъ счастье возсіяло,
«Сей день былъ нашихъ благъ начало: *
«Онъ и побѣды намъ залогъ!
«Въ усердномъ подвигѣ и смѣломъ,
«Россъ, буди самъ себѣ примѣромъ!—
«Дерзайте—намъ сподвижникъ Богъ!

---

* 28-го іюня, восш. на прест. Г. Императрицы Екатерины II.

Вѣщалъ — слова его неслися
Молвы шумящей на крылахъ;
Подобно грому раздалися
Во храбрыхъ воиновъ сердцахъ.
Дѣтей Эоловыхъ какъ силы,
Вмѣстясь въ распущены вѣтрилы
Несутъ корабль поверхъ валовъ:
Такъ рѣчію вождя почтенна
Въ душахъ отважность возбужденна
Стремитъ Россіянъ на враговъ.

Текутъ, летятъ на сѣчь кроваву,
Колеблютъ [illegible] воздухъ;
Забывъ опасность, время, славу
На смерть стремятся какъ на [illegible]
И съ устъ ихъ молніи сверкаютъ
Громовъ [illegible]
Гортани мѣдны страшный ревъ
Смѣсившись съ дымомъ [illegible]
Тамъ всадникъ, [illegible]
Разверзла смерть свой алчный зѣвъ.

Не адъ ли пламень изрыгаетъ,
Отъ тяжкихъ свобождаясь узъ?
Не вышня ль сила разрушаетъ
Между стихіями союзъ?
Въ густомъ дыму лучъ солнца тонетъ,
Земля горитъ, трясется, стонетъ,
Вкругъ воздухъ въ сѣрныхъ сжатъ парахъ;
Средь свѣта тма, средь водъ пожары;
Стонъ, вопль, громовые удары
Гласятъ погибель, множатъ страхъ.

Погибель, ужасъ — достоянье
Вступить дерзнувшихъ съ Россомъ въ бой.
Юсуфъ! гдѣ дерзко упованье?
Гдѣ гордый помыслъ прежній твой?
Хранящъ средь бурь духъ спокойный,
Герой, героевъ вождь достойный,
Твою надменность укротилъ.
Твои движенья наблюдая,
Ударъ ударомъ предваряя,
Злохитрый ковъ въ ничто обратилъ.

Екатеринѣ спобораетъ
Десница Вышняго вездѣ.
Побѣда Россіянъ вѣнчаетъ;
Врагамъ спасенья нѣтъ нигдѣ —
Стыда, отчаянія полны;
О камень какъ разбиты волны
Несутся вспять; — ихъ гонитъ страхъ.
Какъ овцы пастырей лишенны,
Бѣгутъ, тѣснятся, изумленны,
На сушѣ гибнутъ и въ водахъ.

Россіянъ храбрый предводитель,
Почтенный свѣтомъ Князь Репнинъ!
Бывъ славна подвига свершитель,
Отечества какъ вѣрный сынъ,
Соблюлъ ты должности уставы.
Но для тебя сей мало славы!
Сквозь радостный побѣды кликъ
Ты стономъ страждущихъ пронзился —
Герой чувствительный! — явился
Ты благотворностью великъ.

Несчастны жертвы лютой брани
Утѣшены самимъ тобой,
Ты, въ помощь имъ простерши длани,
Живилъ сердца щедротъ росой *
Въ жилище стона внесъ ты радость
Твоихъ рѣчей вкушая сладость,
Лишенный всѣхъ почти ужъ силъ,
Тебѣ вздохъ томный посвящаетъ
Онъ тѣмъ конецъ свой ублажаетъ,
Что ты слезой его почтилъ.

Другъ человѣчества! — войною,
Быть громокъ можетъ и злодѣй,
Но славою блестятъ прямою
Подобны души лишь твоей.
Отечество умѣвъ прославить,
Достоинъ ты и миръ доставить
Столь твердъ соотчичамъ твоимъ,

---

* Послѣ сраженія Кн. Ник. Вас. посѣщалъ неоднократно лазареты.

Сколь человѣчеству полезенъ,
Да будешь и врагамъ любезенъ,
Сколь былъ дотолѣ страшенъ имъ.

Я предъ тобою изливаю
Всѣ чувствія души моей.
Не похвалы тебѣ сплетаю,
Глашу лишь правду въ пѣсни сей.
Пріими мое ты приношенье,
Не баснословныхъ музъ внушенье,
Но сердца чистый зри въ немъ жаръ,
Хоть пѣлъ тебя я недостойно,
Хоть пѣніе мое нестройно: —
Усердіе вмѣни мнѣ въ даръ.

XIII.

ТЕМИРѢ.

Желалъ бы цѣлый міръ во власти я имѣть
На то, чтобы тебя владычицей въ немъ зрѣть.
Всѣ, для главы твоей, сліять въ одну короны,
И кроткіе пріявъ изъ милыхъ устъ законы,
Орудьемъ быть твоихъ ко подданнымъ щедротъ,
И видѣть, что тобой счастливъ весь смертныхъ родъ.
Жила бы тѣмъ душа горящая тобою,
Что счастіе землѣ дано твоей рукою,
Что въ области твоей печальныхъ нѣтъ сердецъ,
Что всѣмъ возлюбленны твой скипетръ и вѣ-
нецъ.
Я рай бы видѣлъ своей въ томъ, что моя Темира,
Моя владычица — любовь всего и міра!
Пускай, плѣнясь души и тѣла красотой,

Всякъ изъ рабовъ твоихъ совмѣстникъ былъ бы
мой.
Любовь къ тебѣ вражды не сѣяла бъ межъ нами;
Любили бъ всѣ тебя согласными сердцами.
Твой жребій есть—къ себѣ всѣхъ души привлекать;
Одной улыбкою ты счастье можешь дать;
Одинъ, одинъ твой взглядъ, твое едино слово,
На всякій разъ—для всѣхъ благодѣянье ново.
Въ присутствіи твоемъ печалямъ мѣста нѣтъ:
Гдѣ ты, тамъ самый мракъ преобратится въ
свѣтъ.
Темира, страждущей души успокоенье,
Пріими всѣхъ чувствъ моихъ усердно приношенье.
Нѣтъ: смертнаго въ тебѣ не вижу ничего,
Я въ образѣ твоемъ зрю бога моего:
Чего бы въ немъ хотѣлъ, въ тебѣ то обрѣтаю,
И съ нимъ въ душѣ моей тебя не различаю.

XIV.

КЪ ТЕМИРѢ.

Гонимый гнѣвною судьбою
От мѣстъ, которыя красуются тобою,
Я бывъ, Темира, отлученъ
И чувствій безъ тебя пріятныхъ я лишенъ,
Во всемъ, что есть прекрасно,
Въ небытность я твою красотъ ищу напрасно.
Ни малой искры нѣтъ, ни въ чемъ того огня,
Которымъ воспламенялъ твой милый взоръ меня.
Что есть прелестнаго, со всѣмъ тебя равняю;
Но токмо то лишь обрѣтаю,
Что... ахъ! — ни съ чѣмъ моя Темира не равна!

Когда восходитъ ночь на сапфирномъ престолѣ
И ей сопутствуетъ спокойная луна:

Сіянья тишиной любезна всѣмъ она;
Но взора кротостью ты всѣмъ любезна болѣ!

Аврора, ясный день, когда предвозвѣститъ,
Струи златыхъ лучей обильно проливая;
Природа вся тогда въ утѣхахъ утопая,
　　Восторгомъ радостнымъ горитъ.
Меня единаго то чувство не коснётся.
Средь общей радости я вымолвлю стеня:
　　Милѣй бывало для меня,
　　Когда Темира усмѣхнётся.

　　Въ пріятны утренни часы,
　　Какъ дня свѣтило на восходѣ,
　　Живитъ въ проснувшейся природѣ,
　　Ея безхитростны красы.
　　Всю тварь увидя обновленну,
Я уподобилъ бы тогдашне торжество,
Тому, какъ грусть твоимъ отсутствомъ нанесен-
ну,
Ты гонишь прелестью прихода твоего.

Какъ солнце, чувствіе ты сладкое вливаешь;
Подобно какъ оно, живишь все украшаешь!
Но звѣзднаго царя въ началѣ кроткій лучь,
Въ полдневные часы несносный намъ безъ тучь;
Искать противъ себя защиты заставляетъ;
И твари всей отецъ бичемъ ея бываетъ;
Въ то время все бѣжитъ его лица.
А ты! пришествіемъ восхитивши сердца:
Всѣхъ взоровъ—мыслей всѣхъ — ставъ цѣлію одною;
Улыбкой ангельской, поступка тишиною,
Мгнове́нно усмиришь волненіе сердецъ.
Присутствіе твое, желаній всѣхъ вѣнецъ!
И въ зрѣніи тебя вкушаема отрада,
Небеснымъ чувствомъ стать, лишь твоего ждетъ взгляда.
Сколь долгобъ ты въ бесѣдѣ ни была:
Гдѣ ты, тамъ всякая бесѣда весела;
Тамъ нѣтъ мгновенія, утѣхъ чтобъ не родило:..
И солнце иногда не мило;
А ты всегда мила!

Не зрящему тебя ни въ чемъ нѣтъ утѣшенья.
Темира! томные, влачу я въ скукѣ, дни:
Мнѣ стали тягостны они,
И по тебѣ тоска мнѣ вмѣсто упражненья.

Стыдяся иногда я праздности моей,
Коль обращаюся къ забытой мною лирѣ,
И духомъ вознесясь превыше твари всей,
Плѣненный красотой, порядкомъ общимъ въ мірѣ,
Хочу воспѣть боговъ…
Хочу!—Но мысль одна всѣ мысли побѣждаетъ.
Безсмертныхъ прославлять не обрѣтаю словъ.
Коснѣя къ похвалѣ строителей міровъ;
За сердцемъ мой языкъ, собою самъ, вѣщаетъ:
Та міра божество—кто міръ сей украшаетъ.

Безъ чувства я къ предметамъ всѣмъ другимъ,
Красы твои въ душѣ имѣя впечатлѣнны.
Нѣтъ пищи чувствамъ здѣсь моимъ;
Во мнѣ и хладенъ духъ, и мысли расточенны.
Темиры гдѣ не зрю, все мертво въ той странѣ;

Воображеніе угасло и простыло;
На что бы ни взглянулъ, все для меня постыло,
И лиры ужъ моей противенъ голосъ мнѣ.
Прости, досель любезна лира!
Не мнѣ тобой владѣть...
Тебя, гдѣ нѣтъ, Темира,
Что стану тамъ я пѣть?

XV.

ОТРЫВОКЪ ПИСЬМА

Къ Ал: Вас: Нарышкину, изъ Петербурга въ Москву, 1782 года.

Покоя мать, ночь темная проходитъ,
И шествуетъ пролить свой благотворный даръ
На часть другую міра.
Вокругъ меня вся тварь еще во власти сна;
Но вскорѣ нѣжный свѣтъ предшественницы солнца,
Проникнетъ до зѣницъ сомкнутыхъ сномъ очей,

И землю озаритъ покоемъ обновленну.
Въ сей мірный часъ къ тебѣ, Нарышкинъ, я пишу!
Ко пробужденію готовяся природы,
Я на тебя склонилъ мою бродящу мысль.
Тебѣ, отъ суеты мірскія отчужденну,
Малѣйши дѣйствія пріятны естества:
Въ сей часъ тебя съ собой сидяща воображаю,
И въ общей тишинѣ вещей порядку внемля;
Я мню, что мой восторгъ со мною ты дѣлишь.
Но истиннаго нѣтъ средь градовъ наслажденья!
Повсюду въ нихъ душѣ и зрѣнію предѣлъ.
Взоръ алчущій вотще нагой природы ищетъ,
Во всѣхъ мѣстахъ ее насильствуему зритъ,
И утомляется не ощутивъ отрады.
Такія ль чувствія имѣетъ житель селъ?
Душей чувствительной, разсудкомъ одаренный:
Сей цѣну познаетъ естественныхъ красотъ.
　　Но нѣтъ—ввѣряяся стремленію сердечну,
Картиной счастія, намъ чуждаго съ тобой,
Не стану отравлять твоихъ я наслажденій.

———

XVI.

О СЛАВѢ.

Ты, коею нашъ умъ толико восхищенъ,
О ты, которой весь родъ смертныхъ покоренъ!
Хотя бываешь ты и добрыхъ дѣлъ виною,
Но чаще къ крайностямъ влечемся мы тобою.
Когда твой ложный блескъ чей разумъ ослѣпитъ;
Того уже ничто — ничто не устрашитъ.
Къ являемой тобой мы цѣли поспѣшая
И счастье истинно для тѣни покидая,
Зримъ часто пагубу и всѣхъ надеждъ конецъ,
Гдѣ чаяли пріять твой льстящій намъ вѣнецъ.
Блистательный призракъ играющъ токмо нами!
Стремимся всѣ къ тебѣ различными путями:
Тебѣ порабощенъ писатель, воинъ...;
Курится предъ тобой во всѣхъ сердцахъ алтарь,
И прелестей твоихъ не испытавъ отравы,
Всякъ презря для тебя спокойствіе, забавы,

И жизни не щадя, гоняясь за тобой,
Всегда готовъ мѣнять родъ жизни на другой.
Подобно какъ дитя, что̀ куклою играетъ,
Пока еще его другая не прельщаетъ;
Но издали едва лишь новую узрѣлъ;
То брося первую, послѣдней захотѣлъ.
О смертные! не всѣ ль такіе жъ мы ребяты!
Премудры числимся, умны, замысловаты:
Но всѣ играемъ мы!—Счастливъ тотъ человѣкъ,
Безвредный кто сыгралъ себѣ и ближнимъ вѣкъ.

XVII.

ВЪ ПАВЛОВСКОЙ ФЕРМѢ, 1810 ГОДА.

Велѣно было написать стихи на сіявшую тогда луну.

Въ вечерній мирный часъ, когда природа дремлетъ;
Какъ царствуетъ вездѣ любезна тишина:
Безмолвный твой глаголъ душа и сердце внемлетъ,
Другъ меланхоліи! сребристая луна!

Лучемъ волшебнымъ ты смиряешь чувствъ волненье:
Надежды сладкое питаешь упоенье;
Стенящему несешь отраду въ злой судьбѣ,
И образъ кротости являешь намъ въ себѣ...

Краса величія и благости подруга!
О кротость! первое сокровище царей!
Бесѣды избранной средь счастливаго круга,
Ты все животворишь въ странѣ прелестной сей.
Въ ней, геній благости, тобою къ намъ сіяя,
Благоговѣнье въ насъ воззрѣньемъ осмѣляя,
Къ пристойной вольности здѣсь каждаго зоветъ,
И чистыхъ намъ утѣхъ примѣръ въ себѣ даетъ.

Свѣтило милое! Цинтія дорогая!
Свой дѣвственный къ намъ взоръ умильно обращая,
Когда среди небесъ являешься безъ тучь:
Утѣхамъ здѣшнимъ твой тогда подобенъ лучь.

XVIII.

НАДПИСЬ

Къ гравированному портрету Кн: П. А. Зубова.

Среди цвѣтущихъ лѣтъ, сей, нравами Катонъ,
Въ замѣну всѣхъ забавъ избралъ труды едины.
Ходатаемъ за всѣхъ его зритъ россійской тронъ,
Въ дни счастья Россіянъ — во дни Екатерины.*

---

* Сіи весьма незатѣйные четыре стишка сдѣланы мной въ 1796 году, *прежде ноября.* Я ихъ въ 1803 году сюда вписываю, на то, чтобъ они были мнѣ навсегда напоминовеніемъ того правила: *что на похвалу людей случайныхъ вызываться не надобно.* — Для чего же? — По той же причинѣ, по которой не должно бить лежачаго, — *и тѣмъ и другимъ себя унизишь.* — Впрочемъ, въ стишкахъ сихъ нѣтъ лести; всѣ знаютъ, что онъ жилъ скромно, и что ни чье ходатайство, кромѣ его, не было дѣйствительно.

XIX.

СЛОВА

пѣтыя на праздникѣ, бывшимъ въ Павловскѣ въ 1797 году, по возвращеніи Государя Павла Петровича изъ перваго вояжа. Музыка Бортнянскаго.

МАРШЪ.

Отроки.

Власти мудрой мы подъ сѣнью,
Музъ любовію горимъ.
Посвятясь трудамъ, ученью;
Возмужаемъ—плодъ явимъ.
О! когда усердью равны
Силы мы въ себѣ найдемъ!
Всѣ мы, въ Павловы дни славны,
Нашихъ предковъ превзойдемъ.

Юноши.

Отроковъ и старцевъ болѣ
Суждено намъ въ счастьи жить.
Всѣ ревнуйте нашей долѣ;
Мы готовѣй всѣхъ служить.
Въ благѣ нашемъ нѣтъ препоны,
И съ душей уста рекутъ:
Павловъ мечь, Его законы,
Къ славѣ истинной ведутъ.

Воины.

Къ брани Павломъ ополченны
Выю гордыхъ сокрушимъ.
Повелитъ! — и въ край вселенны
Знамена Его промчимъ.
Царской воли исполненье,
Цѣль желаній нашихъ всѣхъ.
Гласъ Его, Его воззрѣнье,
Знакъ для насъ побѣдъ, утѣхъ.

Старики.

Въ счастливой минуемъ долѣ,
Позабывъ преклонность лѣтъ.
Зримъ щедроту на престолѣ,
И нашъ снова вѣкъ цвѣтетъ.
Времяни намъ бѣгъ не страшенъ;
Каждый шагъ намъ къ счастью шагъ.
Вечеръ нашихъ дней украшенъ
Утромъ новыхъ Россамъ благъ.

Общій хоръ.

Россы! изъявимъ согласно,
Общій нашъ къ Монарху жаръ!
Всѣ воскликнемъ велегласно:
Онъ небесъ намъ щедрый даръ.

Старики

Судъ имъ праведный хранится.

Отроки.

Сирый въ немъ защиту зритъ.

Юноши.

Слабый сильнымъ не тѣснится.

Воины.

Павловъ взоръ на всѣхъ открытъ.

Куплеты.

Въ войскѣ и въ судахъ устройство;
Процвѣтенiе наукъ;
Изобилiе, спокойство —
Даръ то Павловыхъ рукъ.

Павла небеса храните,
Свѣту въ пользу—въ честь себѣ!

*
* *

Къ мiру простирая длани,
Изощренный мечъ несетъ;

Да врагу коварну въ брани,
Судъ и милость изречетъ.
Павла небеса храните,
Свѣту въ пользу — въ честь себѣ!

*
* *

Сладкій міръ предпочитаетъ
Славѣ звучныхъ онъ побѣдъ.
Духъ геройскъ въ себѣ смиряетъ,
Чтобъ спасти людей отъ бѣдъ.
Павла небеса храните,
Свѣту въ пользу — въ честь себѣ!

XX.

СТРОФЫ НА ПАВЛОВСКЪ, 1805 ГОДА.

1.

Духъ робкій, ободрись, дерзай!
Охотѣ слѣдуй сокровенной,
Въ тебѣ издавна поселенной,
Воспѣть прелестный здѣшній край.
Богиня родомъ и душою,
Богиня тѣла красотою,
Создавшая страну сію,
Сама мнѣ пѣть повелѣваетъ,
Безсмертныхъ воля укрѣпляетъ
И духъ и силы въ насъ — пою

2.

Тебя, сынъ вкуса и природы,
Тебя, пою, о Павловскъ я!
Святилище утѣхъ, свободы,
И красота страны всея;
Къ тебѣ и долгомъ, и желаньемъ,
И прошлыхъ дней воспоминаньемъ
Влекусь, восторгомъ я горя.
Здѣсь нѣкогда средь мирной доли
Я былъ блюститель воли,
Мнѣ благодѣюща Царя.

3.

Здѣсь, здѣсь, не разъ бывалъ свидѣтель
Движеніямъ души я сей,
Гдѣ страсть порядка, добродѣтель,
Блистали въ полнотѣ своей.
Свидѣтель былъ благотвореньямъ!
Его небеснымъ восхищеньямъ
При изліяніи щедротъ! —
Кто счастливъ счастіемъ другаго,
Кто чуждое своимъ чтитъ благо:
О! благъ воистинну есть тотъ!

4.

Но чтò! Какое упоенье
Внезапно овладѣло мной!
Невольно мыслей устремленье
Влекло и духъ и разумъ мой.
Прости, Царица благотворна!
Коль мысль желанью не покорна...
Коль я тебѣ напомнить смѣлъ...
Мнѣ пѣть страну, гдѣ обитаешь;
Собою въ небо претворяешь;
Я чувства лишь мои воспѣлъ.

5.

Страну сiю ты оживила;
Дала ей ново бытiе.
Пустыню, дебри, превратила
Въ прелестно-райско житiе.
Очаровательны вкругъ виды;
Сады явились тамъ Армиды,
Гдѣ былъ непроходимый боръ;
Гдѣ эхо лишь стенало томно, —
И чтò за зданiе огромно
Вдали мой поражаетъ взоръ!

6.

Гряду... Безмолвіе священно
Край здѣшній наполняетъ весь.
Колѣно преклони смиренно
О! странникъ, мѣсто свято здѣсь!
Благочестивая Марія,
Величія забывъ земныя,
Паря здѣсь духомъ къ небесамъ,
О рождшихъ слезы проливаетъ,
И нѣжнымъ вздохомъ возсылаетъ
Любви къ нимъ чистый фиміамъ.

7.

Объятъ восторгомъ продолжаю
Среди прохладныхъ рощей ходъ;
И се предметъ еще встрѣчаю,
Еще любви скорбящей плодъ,
На мраморѣ изображенный,
Свѣтильникъ брака погашенный,
И сѣтующихъ зрю птенцовъ.
Судьба ихъ матери лишила,
Ни младости не пощадила,
Ни всѣхъ природы въ ней даровъ.

8.

И такъ, ни Царска часть высока,
Ни благодѣтельность сама,
Отъ злобы непреклонна рока,
Сокрыть, избавить не сильна!
Тебѣ—ль, въ женахъ благословенна,
Въ благотвореньяхъ несравненна!
Тебѣ-ль отъ злой судьбы терпѣть!
Тебѣ-ль дающей всѣмъ блаженства,
Знать благъ земныхъ несовершенства,
Всѣхъ радуя, Тебѣ—ль скорбѣть!

9.

Умолкну. — Дара не имѣю
О Павловскъ пѣть красотъ твоихъ.
Я только чувствовать умѣю;
Другой пускай прославитъ ихъ.
Твои сады, долины злачны,
Каскады и ключи прозрачны
Другимъ достойно воспѣвать!
Я съ восхищенною душею,
Лишь благодарною слезою
Тебѣ мой долгъ могу воздать.

XXI.

ПОЛЬСКОЙ,

для праздника, даннаго В: К: Константину Павловичу въ Павловскѣ, на случай прибытія Его съ извѣстіемъ о мирѣ, 1814 года.

От̀ъ побѣды лавръ пріявый,
Вождь крылатыхъ брани тучь;
Александра свѣтлой славы
Отдѣлившійся къ намъ лучь:
Гость драгой, всевождѣленный,
Мужественный Константинъ!

Отрасль царска, сынъ героевъ;
Ты породой ужъ герой!
Но среди кровавыхъ боевъ,
Самъ стяжалъ вѣнецъ ты свой.
Павла кровь, Екатерины:
Кровь Петра ты оправдалъ.

Храбрость оказалъ ты дивну
Въ битвахъ противъ вражьихъ силъ.
Нынѣ первый вѣтвь оливну,
Нашимъ ты очамъ явилъ.
Подвиговъ твоихъ награда,
Вѣстникомъ блаженства быть. —

Душъ великихъ наслажденьемъ
Насыщай геройскій духъ.
Въ кликахъ общимъ восхищеньемъ
Всюду твой разится слухъ.
Всюду къ небу взносятъ длани;
Имя славятъ всѣ твое.

Добродѣтели вѣнчанной,
Рождшей намъ тебя на свѣтъ,
Твой приходъ, давно желанный,
Нѣжну радость въ сердце льетъ:
Лаврами главу покрыту,
Къ персямъ ты ея склони.

После бурь, о вѣстникъ мира!
Ты вкуси при ней покой.
Нравомъ тише въ ней зефира,
Усладится отдыхъ твой.
Пусть у ногъ ея почіетъ
Твой врагамъ ужасный мечь.

XXII.

ХОРЪ,

пѣтый въ Павловскѣ 27 іюля 1814 года, у первыхъ воротъ, ведущихъ къ Розовому Павилюну.

Гряди, гряди благословенный!
Оливой вѣнчанный Герой,
Побѣдой славой утружденный,
Вкуси пріятный здѣсь покой.

Въ объятьяхъ Матери нѣжнѣйшей
Забудь труды и шумну брань;
Отрадѣ вдайся всѣхъ живѣйшей,
Ея любви пріемля дань.

Она въ разлукѣ утѣшала
Духъ скорбный славою твоей;
Смущенной мыслью пребывала,
Съ тобой средь вражескихъ мечей.

Днесь вняли небеса благія,
О сынѣ матерней мольбѣ!
Ты возвращенъ, и вся Россія
Въ восторгѣ съ нею о тебѣ.

XXIII.

ПОЛЬСКОЙ,

ПѢТЫЙ НА БАЛѢ, 27-ГО ІЮЛЯ 1814 ГОДА.

Твердь небесну потрясайте
Клики радостныхъ сердецъ!
Долы, горы, повторяйте:
Съ нами, съ нами нашъ Отецъ;
Нашъ Монархъ благословенный,
Нашъ безсмертный Александръ!

Отъ бреговъ Москвы до Тага,
Звукъ гремитъ его побѣдъ.
Общаго виновникъ блага,
Онъ Европу спасъ отъ бѣдъ.

Вѣры, доблести исполненъ,
Всѣхъ героевъ онъ затмилъ.

Сынъ крамолы, другъ измѣны,
Имъ сраженъ, со трона палъ.
Родъ піющій воды Сены,
Онъ прощеньемъ наказалъ.
Твердъ, могущественъ и кротокъ
Онъ монархамъ образецъ.

Въ слѣдъ о немъ гремящей славы,
Всюду нашъ восторгъ промчись;
Счастье Россія державы
Въ край вселенной разнесись:
Александръ, се паки съ нами;
Паки съ нами нашъ Отецъ!

Александръ! О ангелъ мира!
Щедрый даръ благихъ небесъ!
Щитъ царей — твоя порфира.
Мечъ — орудіе чудесъ!

Ты возставилъ падши троны;
Ты Европу воскресилъ;

Возвеличилъ насъ, прославилъ
Днесь и въ будущихъ вѣкахъ.
Памятникъ себѣ поставилъ,
Вѣрныхъ Россіянъ въ сердцахъ.
Дышетъ Россъ къ тебѣ любовью:
Ею счастливъ,—ею живъ.

XXIV.

ОТВѢТЪ В: Л-ЧУ М.......МУ, въ 1778 г.,

НА ПИСЬМО БЕЗЪ ПОДПИСИ, КОТОРЫМЪ ОНЪ ВЫЗЫВАЛЪ МЕНЯ НА ДУЕЛЬ ЗА ТО, ЧТО Я ЕМУ НЕ ОТВѢЧАЛЪ НА ПРЕЖНЕЕ ЕГО ПИСЬМО.

Смотри-ко хватъ какой! — Онъ ладитъ хоть по-
драться
Нѣтъ!—Чрезъ полицію кто сносится со мной,

Нелёгкая-ль велитъ на вызовъ съ тѣмъ податься;
А взявшися за умъ, да стихъ послѣдній твой
Какъ въ Съѣзжей объявлю — и не въ Осьмой *
уже Части!
Какъ справитесь тогда вы съ музою своей?
Увидимъ, нашъ піитъ съ какой подойдетъ масти;
Какой дастъ оборотъ строкѣ сварливой сей,
Въ которой у меня онъ жизнь отнять грозится!
Не будетъ ли ему трудненько изъясниться,
Съ какимъ онъ умысломъ стишокъ сей тутъ
приткнулъ;
Съ какими мыслями его онъ подчеркнулъ,
Къ чему?—Однако жъ, нѣтъ, я убѣгаю ссоры.
Престану угрожать, оставлю всѣ укоры,
И вспомня, что ты мнѣ по вкусу къ рифмамъ
братъ,
Безъ сердца вопрошу: за что́ ты осердился?
Что мой отвѣтъ не скоръ?—Да чѣмъ я виноватъ?
Не всякъ вѣдь съ музами по твоему сдружился;
Не всякъ по твоему способностьми богатъ;

* Письмо М-го принесено мнѣ было съ Съѣзжей 8-й Части.

Не всякъ, лишь за перо—такъ и стихи поспѣли!
Писать къ тебѣ сбираюсь двѣ недѣли;
А если бъ вновь еще меня ты не поджогъ,
Такъ, можетъ-быть, и въ годъ собраться бы не могъ.

. . . .
. . . .
. . . .

Всего бы лучше намъ съ вами увидѣться. Я даю вамъ слово не спрашивать, кто вы таковы.

Вы можете спокойны быть;
Чтò кроютъ отъ меня, того не тщусь я вѣдать.
Прошу, назнача день, пріѣхать отобѣдать,
О вашихъ и моихъ стихахъ поговорить,
Поспорить, почитать, межь дѣла подрюнить,
И межь собой пріязнь взаимну заключить...
Увы! Лѣтъ пять назадъ, я бъ позвалъ и попить.

XXV.

ПИСЬМО КЪ А. В. СОЛ.....У.

Писано изъ Нѣжина въ Москву, 1783 года, въ апрѣлѣ.

Влюбленъ ты С. — Я слышалъ не на шутку.
Въ Климену ль знатную, въ простую ли Машутку,
Мнѣ все равно: тому я только радъ,
Что тотъ, который мнѣ, пять мѣсяцевъ назадъ,
Такъ много насмѣхался;
Теперь со мной равенъ, и въ туже сѣть попался.
Я вѣрю, что въ любви различна участь намъ;
Что болѣе меня имѣешь ты успѣха:
Но хоть казался я тебѣ достойнымъ смѣха;
Пускай со стороны насъ судятъ по дѣламъ.
Какъ велъ себя прошедшаго я лѣта
Отчетъ мнѣ въ томъ подробный трудно дать;
Но вотъ что̀ я могу сказать,
На мѣсто точнаго отвѣта.

*
* *

Пять мѣсяцевъ назадъ,
Колибъ за триста верстъ пріятель мой женился,
На свадьбу, можетъ быть, я бъ ѣхать не рѣшился.
Рѣшась,—безъ овощей ужъ я бъ не воротился,
И съ тѣмъ въ Москву не торопился,
Чтобы поспѣть на маскарадъ *.

* * *

Пять мѣсяцевъ назадъ,
Но ты, я слышу, рѣчь мою перебиваешь;
Кричишь:—пустое все, Нелединскій, болтаешь!
Коль хочешь сравнивать себя въ дѣлахъ со мною,
На что̀ жъ обиняки!—Ты рѣчью мнѣ простою,
Скажи, какъ велъ себя пять мѣсяцевъ назадъ!
Оно то, С....ъ, оно то мнѣ и трудно.
Отъ упоеннаго ждать толку безразсудно!
Пять мѣсяцевъ назадъ, увы! я бѣдный пилъ,
Пилъ чашу горести, безумствомъ поднесенну,

---

* В. В. Нащ... женился тогда въ Курскѣ, куда А. В. ѣздилъ нарочно, чтобъ быть на свадьбѣ, разсчелъ, что поспѣетъ воротиться въ маскарадъ.—Свадьба была отложена на сутки—онъ уѣхалъ.

Надеждой никогда отнюдь не подслащенну...
Но старыхъ взбалтывать не надобно дрожжей.

Попей-ко ты, мой другъ, попей
Теперь изъ чаши сей;

Увидимъ мы тогда... Нѣтъ, нѣтъ, я заблуждаю!
Отъ слова своего охотно отступаю,
Лишь толькобъ ты мою простилъ мнѣ простоту,
Что жолчи я поднесъ тому, кто пьетъ сыту!
Красавицынъ причотъ, игры, забавы, смѣхи;
Малѣйшу отъ тебя печали гонятъ тѣнь:

Тебѣ приноситъ каждый день
И счастье новое, и новыя утѣхи.
Въ присутствѣ красота, плѣненъ который духъ,
Всѣмъ обольщаются и зрѣніе и слухъ.
Ты обращенны зришь къ себѣ прелестны взоры;
Съ владычицей души вступаешь въ разговоры;
То внемлешь голосу, стыдящу соловья,
То въ танцахъ легкостью ты восхищенъ ея.
Всѣ словомъ прелести, и всѣ дары природы,
Себѣ къ отрадѣ зришь ты собранныя въ ней,

И наслажденій разны роды,
Вмѣщаешь ты въ душѣ своей,

А я средь скучныя свободы,
Картиной участи твоей,
Мысль расточенную пріятно упражняю,
И отъ твоей пріязни ожидаю,
Чтó не оставишь ты иль прозой иль стихомъ
Увѣдомить меня о томъ,
Что свѣдать въ точности я о тебѣ желаю.

Про нову страсть твою и люди говорятъ;
И самъ о ней сужу я много наугадъ:
Но ты мое рѣшишь и прочихъ толкованьи,
Сказавъ мнѣ о себѣ, въ подробномъ описаньи,
За подлинноль ты все то дѣлать въ состояньи,
Чего бъ не сталъ и я, пять мѣсяцевъ назадъ.

XXVI.

ПИСЬМО КЪ ДАРЬИ ИВАНОВНѢ ГОЛОВИНОЙ, ИЗЪ ВИТЕБСКА.

Ужъ матка ты мнѣ уши прожузжала!
Твердишь все:—равнаго нѣтъ счастью моему!
Чтò жъ?—Подразнить меня ты этимъ загадала?
Анъ лихъ не быть по твоему.—
Ты думаешь досадно мнѣ ужасно,
Что весь опричь меня переженился свѣтъ;
Такъ нѣтъ, сударыня, такъ нѣтъ:
Подсмѣивать меня изволите напрасно.
Я право хвастать не люблю:
Да полно, то откроется и само;
Такъ лучше я скажу вамъ прямо,
Что отъ толпы невѣстъ ужъ скуку я терплю.
И съ черными, и съ сѣрыми глазами,
Гоняются за мной стадами.
Однако жъ я все твердъ,—на грѣхъ не поступлю

И многихъ для одной тирански не сгублю.
Да вамъ что̀ сдѣлалось? Лобановъ, К...ева,
Нашъ прапорщикъ Блахинъ, еще забылъ другово..
Всѣ женятся, и за мужъ всѣ бредутъ!
Ну! въ этотъ годъ попы машонки понабьютъ.
Что̀ говоритъ теперь А......а графиня?
Молчитъ! — Да что̀ жъ, вѣдь городъ не пустыня;
Въ немъ жениховъ всегда крутится рой.
Я ей давно твердилъ, что выдетъ годъ такой,
Что женихи крѣпиться перестанутъ,
И сами къ хомутамъ головушки протянутъ.—
Схватила мать моя себѣ ты молодца!
Да какъ подкралася!—И онъ знать воръ дѣтина:
Онъ Дарью поймалъ:—вѣдь экой молодчина!
Вели ему меня любить;
А тамъ мое ужъ будетъ дѣло,
Его къ себѣ любовь и дружбу заслужить.—
За то ручаюсь смѣло,
Что Дарьинъ мужъ всегда найдётъ во мнѣ
Слугу, каковъ я былъ и есмь его женѣ.

XXVII.

ЭПИТАЛАМА НА СВАДЬБУ Д. И. ГОЛОВИНОЙ.

Воспой, о муза ты со мною,
Уварова съ Головиною —
Или Уварова съ женою.
Не знаю, свадьба ихъ была ужъ или нѣтъ:
Да все равно; лишь былъ бы стихъ пропѣтъ.

*
* *

Дарья выйдетъ за Семена;
Имъ во здравье пустимъ тостъ.
До сихъ поръ была препона,
Свадьбѣ ихъ Успенскій постъ;
А теперь какъ миновался,
Чай Семенъ ужъ обвѣнчался.—
Братцы! Выпьемъ за него!
Онъ бывало славно тянетъ;

А теперь пить перестанетъ.
Жаль мнѣ истинно его!

*
* *

Женится Семенъ на Дарьѣ!
Дай гудокъ мой лирный тонъ...
Колибъ былъ женатъ на Марьѣ;
Дарьѣ бъ мужемъ не былъ онъ.
Дарьи радостны зря взоры,
Запляшите рощи, горы;
Засвищите соловьи;
Птички нѣжно воспѣвайте,
И летая, разглашайте
Счастье новой вы семьи.

*
* *

Дарья и Семенъ счастливы:
Станемъ пѣснями гремѣть
Оба, оба не спѣсивы;
Станутъ пѣсню нашу пѣть!
Хоть Семенъ и заикнётся
Пѣсня Дарьей допоётся:
Та подхватитъ за него.

Хоть фальшиво и затянетъ,
Но заслуживать то станетъ
Взглядомъ, что̀ милѣй всего.

*
* *

Будь всегда благополучна,
Мнѣ любезная чета!
Будь съ любовью не разлучна;
Вѣрь: другое все мечта!
Я теперь болтать уймуся,
До того, когда дождуся
Нову зрѣть семью твою.
Для Уваровыхъ малютокъ,
Я изъ новыхъ прибаутокъ
Нову пѣсенку спою.

*
* *

Воспѣли, муза, мы съ тобою
Уварова съ Головиною.
Не знаю, свадьба ихъ была ужъ, или нѣтъ;
Бѣды нѣтъ, хоть впередъ нашъ стихъ имъ былъ пропѣтъ.

XXVIII.

НАБОРЪ АНТИТЕЗЪ.

Довольно ли терзаешь
Меня, жестока страсть?
Гдѣ счастье обѣщаешь,
Тамъ ждетъ меня напасть.
Сулишь всегда, къ отрадѣ,
Мнѣ милаго узрѣть: —
Узрю — но лишь къ досадѣ,
Болѣе чтобъ терпѣть!

Въ очахъ его напрасно
Ищу себѣ отрадъ. —
Сколь сердце въ немъ безстрастно,
Столь холоденъ и взглядъ.
Себя сколь не ласкаю
Найти премѣну въ немъ...

Ни въ немъ не обрѣтаю—
Ни въ пламени моемъ.

Хотя бъ я той утѣхи
Лишенна не была,
Предъ нимъ чтобъ безъ помѣхи
Я воздыхать могла!
Но должность по неволѣ
Смиряетъ страсть мою.
Въ толико тяжкой долѣ,
Чѣмъ мучусь, то таю.

Отраду коль имѣю,
То въ мысли лишь одной,
Что тронутъ онъ ничьею
Не будетъ красотой.—
Но и сія къ напасти
Надежда мнѣ одна:
Питая въ лютой страсти,
Меня губитъ она.

XXIX.

ЗАГАДКА АКРОСТИЧЕСКАЯ.

Довольно именемъ извѣстна я своимъ;
Равно клянется плутъ и непорочный имъ;
Утѣхой въ бѣдствіяхъ всего бываю болѣ;
Жизнь сладостнѣй при мнѣ и въ самой лучшей долѣ.
Блаженству чистыхъ душъ могу служить одна;
А межъ злодѣями—не быть я создана.

XXX.

СТИХИ НА ЗАДАННЫЯ РИФМЫ.

Бывалъ я молодецъ: сталъ мокрая — тряпица!
Чтò прежде было медъ, теперь мнѣ то — горчица.
Бывало, поясомъ свой сдѣлавши — платокъ,
Пуститься въ плясуны, и въ зубы взять — свистокъ;
Довольно, чтобъ забыть большее — огорченье,
А нынѣ!..грусть пришла... и тщетно все — раченье.
Ко счастью человѣкъ ползетъ какъ будто — ракъ:
Ему бы все впередъ — онъ пятится — дуракъ!
Играетъ съ молоду, какъ въ чистой рѣчкѣ — щука;
А съ лѣтами придутъ заботы, грусть и — скука.

XXXI.

ОТВѢТЪ

на стихи Князя Фед. Ник. Голицына, который не задолго предъ тѣмъ написалъ торжеств. оду.

Пріятно похвалу принять мнѣ отъ того,
Кто самъ ее отъ всѣхъ достойно получаетъ.
Изъ первыхъ опытовъ таланта твоего
Любимица музъ въ тебѣ здѣсь всякой признаваетъ.
Монарховъ пѣть * онѣ избрали голосъ твой.—
Съ парнасской высоты, бесѣдуешь гдѣ съ ними,
Воспламеняй лучами ты своими,
Меня, сидящаго смиренно подъ горой.

---

* Имъ написана ода, помнится, на рожденіе Вел: Кн: Александра Павловича; напеч: въ Академ: того года Извѣстіяхъ.

XXXII.

ГР: А: С: С......Й.

За ужиномъ, при ожидании полуночи, наканунѣ новаго 1781 года.

Гдѣ не знаютъ скуки бремя;
Гдѣ веселье на лицахъ;
Нужно-ль замѣчать тамъ время?
Нужно-ль думать о часахъ?
Старый годъ пускай проходитъ:
Изъ твоихъ вѣдь не уводитъ
Никого онъ за собой!
Спутники твои, утѣхи,
Радости, игры и смѣхи,
Въ вѣкъ останутся съ тобой.

XXXIII.

СИЛА ДРУЖБЫ.

Еслибъ мнѣ когда сказала
Та, кто жизни мнѣ милѣй:
Ты другъ розѣ, я слыхала,
Не терплю я дружбы съ ней!
Ты мнѣ милъ, ты мной пылаешь,
Коль руки моей желаешь;
Съ розой дружбу разорви:
Вотъ цѣна моей любви!—
Я скажу въ отвѣтъ любезной:
Коль не буду твой супругъ,
Я умру съ тоски конечно,
Но умру я — розѣ другъ.

XXXIV.

ОТВѢТЪ

НА СТИХИ ПАВЛА ИВАНОВИЧА КУТУЗОВА.

Ты правъ, Кутузовъ... въ томъ; тѣ двѣ Елисаветы,
Которыхъ описалъ толь ясно ты примѣты,
Повсюду славятся въ достоинствахъ своихъ.—
Но какъ ты могъ, скажи, при той Елисаветѣ,
Которой посвятилъ внушенный ею стихъ,
Которой нѣтъ милѣй, прелестнѣе на свѣтѣ:
Какъ могъ, скажи, при ней ты думать о другихъ?
Возможно ли хотѣть и мыслью съ ней разстаться?
А ты, чтобы составить ей
Не нужный для нея трофей,
Былъ долженъ въ прошлый вѣкъ и въ дальный
край пускаться!
Не всѣ ль вѣка затмитъ минута съ ней одна,
И цѣлый міръ не тамъ ли, гдѣ она!

XXXV.

СТИХИ,

НАПИСАННЫЕ ВЪ ЛОЖѢ, ВО ВРЕМЯ ПРЕДСТАВЛЕНІЯ ТАНКРЕДА, ВЪ ДЕНЬ БЕНЕФИСА Г-ЖИ СЕМЕНОВОЙ, ФЕВРАЛЯ 7-ГО 1812 ГОДА.

Не сомнѣвайся въ томъ, предстали бы толпою,
Семенова! защитники твои,
Когда бы критикой завистною и злою
Твои мрачилися талантомъ славны дни...
Аменаиду намъ явя собой на сценѣ,
Органа сладостью, плѣнительной игрой,
И чувствомъ движима, лица ты красотой,
О! музъ питомица, любезна Мельпоменѣ,
Всѣхъ привела въ восторгъ! — Твоихъ страшася бѣдъ,
Всякъ, чувствами къ тебѣ, всякъ зритель былъ Танкредъ.

XXXVI.

КЪ ПОРТРЕТУ.

Въ портретѣ семъ чего не достаетъ?
Души въ немъ нѣтъ...
Но всякъ ему свою, лишь взглянетъ, отдаетъ.

XXXVII.

НАДПИСИ КЪ ПОРТРЕТАМЪ:

I.

Для глазъ довольно, для сердца мало.

II.

Лучшій у меня въ сердцѣ.

III.

Душа въ ней еще лучше.

IV.

Узнай ее — полюбишь...

XXXVIII.

ЕЛИСАВЕТѢ СЕМЕНОВНѢ ОБРѢЗКОВОЙ.

Въ деревнѣ, 1806 г. Іюля 17.

Природа здѣсь свою суровость намъ явила;
Одни со всѣхъ сторонъ болоты, камни, лѣсъ;
Все будто для себя устроивалъ самъ бѣсъ;
И съ тѣмъ-то знать судьба тебя здѣсь поселила,
Чтобъ свѣту показать, что самый дикій край,
Твоимъ присутствіемъ преобратится въ рай.

XXXIX.

ЕЙ ЖЕ, ДЛЯ АЛЬБОМА.

Мой слабый стихъ ее достойно не прославитъ;
Она отъ всѣхъ похвалъ, сравненій, далека.
Художникъ, зря ее, рѣзецъ и кисть оставитъ,
И риторъ и піитъ при ней безъ языка.

XL.

ЕЙ ЖЕ.

Красавицъ тьма для глазъ!
Для сердца нѣтъ и двухъ на свѣтѣ.
Глаза тебя найдутъ межъ всѣми въ первый разъ;
А тамъ... ужъ ты на вѣкъ у сердца на примѣтѣ.

XLI.

ОДНОЙ ДѢВИЦѢ.

Велѣла первымъ быть ты въ книгѣ мнѣ своей.
Ириса! я могу вѣдь этимъ возгордиться.—
Ахъ нѣтъ! Судьбою тотъ лишь можетъ похвалиться,
Кто мѣсто первое займетъ въ душѣ твоей.

XLII.

СТИХИ

Елисаветѣ Семеновнѣ Обрѣзковой. Написанныя при прочтенiи стиховъ похвальныхъ.

Нѣтъ, ни тебя, ни чувствъ, тобой внушенныхъ,
Талантъ, ни самъ восторгъ не въ силахъ описать.
Нельзя всѣхъ прелестей, въ тебѣ совокупленныхъ,

Обыкновенными словами изъяснять.
Потребенъ бы на то языкъ отъ всѣхъ отличный,
Тебѣ присвоенный, одной тебѣ приличный:
Такой, какъ ты сама, небесный, не земной...
Но знаетъ тотъ языкъ лишь кто любимъ тобой.

XLIII.

ЕПИГРАММА.

Тотъ пишетъ прозою, въ другомъ піиты жаръ;
Успѣха ищетъ всякъ, пріявъ особый даръ;
Но свойственно умамъ, отличностію славнымъ,
И въ прозѣ и въ стихахъ писать съ успѣхомъ равнымъ.
Здѣсь рѣдкій сей примѣръ намъ Тимонъ подаетъ.
Онъ въ прозѣ и въ стихахъ съ успѣхомъ равнымъ вретъ.

ПЕРЕВОДЫ.

Quiconque ne fait que traduire ne sera jamais traduit.

I.

О ДОЛЖНОСТЯХЪ ОБЩЕСТВА

(*Соч. Томаса*).

Надписана человѣку, хотящему жить въ уединении.

1.

Проснися, отложи губительну безпечность,
О смертный! и потщись полезнымъ свѣту быть.
Не медли, близокъ часъ! Глубокій мракъ на вѣчность
Готовъ тебя покрыть.

2.

Гдѣ мудрость, разумъ твой? Ты-ль ими могъ хвалиться?
Позорной праздности объялъ ихъ тяжкій сонъ.
Родимся мы къ трудамъ: кто въ лѣности томится,
Не живъ, а мертвъ ужъ онъ.

3.

Кинь взоры вкругъ себя. — Въ обширности все-
ленной
Все проповѣдуетъ Творца премудру власть;
Все въ дѣйствѣ, все хранитъ уставъ опредѣленной;
Все—цѣлаго есть часть.

4.

Колеблетъ волны вѣтръ; вихрь воздухъ очищаетъ;
Вода съ прохладой жизнь разноситъ всѣмъ стра-
намъ;
Плодятся сѣмена; огонь міры питаетъ;
И всѣмъ питаемъ самъ.

5.

А ты, безсмертною душою одаренный,
Слѣпому–ль случаю, мнишь, отданъ быть въ удѣлъ;
На то, чтобъ въ вѣчну цѣпь одинъ непомѣщенный,
Ты жизнь въ бездѣйствѣ велъ?

6.

Родъ смертныхъ, предваривъ твое на свѣтъ рожденье,
Законы далъ тебѣ; стѣнами оградилъ.

Столѣтій многихъ трудъ, тебѣ во облегченье,
Къ искусствамъ путь открылъ.

7.

Насущный хлѣбъ твой, домъ, гдѣ міръ тебя срѣтаетъ,
Твоихъ забавъ и нуждъ нераздѣлима связь—
Все сердцу твоему долгъ общій налагаетъ,
Полезнымъ быть трудясь.

8.

Творишь ли ты, что́ долгъ велитъ отчизны сыну?
Вострепещи, внушивъ названіе сіе!
Иль впредь оплакивать ей не твою кончину,
Но бытіе твое?

9.

Стыдъ вѣка нашего и цѣлыя вселенны!
Любви къ отечеству отринуть долгъ святой!
Славнѣйшихъ подвиговъ источникъ драгоцѣнный,
Что̀ сталося съ тобой!

10.

Отчизна съ дѣтства корнь добротъ въ тебѣ питаетъ;
Законовъ стражъ блюдетъ блаженство дней твоихъ;
Въ защиту за тебя кровь воинъ проливаетъ.—
Ты что́ творишь для нихъ?

11.

Иль связи кровныя, надъ сердцемъ всемогущи,
Твоихъ, о смертный, чувствъ не въ силахъ воз-
буждать?
Ихъ сладость и Гуронъ, среди кровавой кущи,
Умѣетъ познавать.

12.

Подруги на него примѣть ты взглядъ нѣжнѣйшій;
Отецъ въ сѣдыхъ власахъ покоится при немъ.
И къ персямъ преклонясь, жметъ сынъ его юнѣйшій
Въ объятіи своемъ.

13.

А ты, уединёнъ и чуждъ въ природѣ цѣлой!
Ты бытіемъ своимъ несопряженный съ ней:

Унылость, пустоту въ душѣ оледенѣлой
Ты чувствуешь своей.

14.

Хотя бы дружества небесны восхищенья
Твой духъ могли воспламенить!
Или умрешь, не знавъ душевна наслажденья
Любиму другомъ быть.

15.

Долгъ дружбы есть заботъ священныхъ намъ содѣ-
тель:
Покой свой дружеству поносно предпочесть.
Пустыня гробъ его, и праздна добродѣтель
Не добродѣтель есть.

16.

Ты спишь, а смертныхъ вопль вокругъ тебя несется;
Окровавленный міръ въ пучинѣ золъ погрязъ!
Ты спишь, а мы въ слезахъ; повсюду раздается
Страданья скорбный гласъ.

17.

О, сколько старцевъ есть, отъ глада смерти жду-
щихъ!
Сиротъ безродныхъ, вдовъ, томящихся въ бѣдахъ;
Семействъ, пристанища, ни хлѣба неимущихъ;
Невинныхъ во цѣпяхъ!

18.

Брегись! брегись ты внять стонъ тѣней раздра-
женныхъ,
Пришедшихъ, въ казнь тебѣ, ихъ смертью упрекать;
Страшись, чтобъ ужасъ сей, душъ совѣстью смущен-
ныхъ,
Не сталъ за нихъ отмщать!

19.

«Мнѣ жертвовать собой для тѣхъ неблагодарныхъ,
«Въ комъ можетъ лишь корысть усердіе родить,—
«И благодѣтеля, средь замысловъ коварныхъ,
«Готовыхъ не щадить?

20.

«Иль притѣснителя зримъ въ мірѣ семъ, иль
жертву.
«Невиннаго гнететъ удачливый злодѣй!
«Несносно видѣть мнѣ и честь предъ златомъ
мертву,
«И счастье злыхъ людей.

21.

«Такъ дай мнѣ вѣкъ дожить въ безвѣстной всѣмъ
судьбинѣ.»
Къ пороку ненависть отъ злыхъ тебя влечетъ;
Но если добрые сокроются въ пустынѣ,
Тогда чтò-жъ будетъ свѣтъ?

22.

И непорочности ль удѣлъ уединенье,
Въ кичащійся своимъ злочестіемъ нашъ вѣкъ?
Не первое ли есть вселенной украшенье
Правдивый человѣкъ?

23.

Героевъ древнихъ зримъ и мудрецовъ мы славныхъ,
Служившихъ обществу, отнюдь не чтя его.
Знай лучше тьму людей себѣ неблагодарныхъ,
Чѣмъ въ нуждѣ одного.

24.

Признательности дань лестна ль тебѣ быть может?
Твоя надежда—Богъ; мзда—въ совѣсти твоей;
Величіе твое неблагодарный множитъ;
Твой подвигъ тѣмъ славнѣй.

25.

Громъ на главу свою безбожный призываетъ,
Ругаясь будтобы Владыкѣ своему:
Но Всеблагій Творецъ и пищу посылаетъ,
И дневный свѣтъ ему.

II.

НА ВРЕМЯ

(*Соч. Томаса*).

1.

Пространство смѣряно Ураніи рукою;
Но, время! ты душей объемлешься одною!
Незримый, быстрый токъ вѣковъ, и дней, и лѣтъ!
Доколь еще не палъ я въ земную утробу,
Влекомъ тобой ко гробу,
Дерзну, остановясь, воззрѣть на твой полетъ

2.

Кто скажетъ мнѣ, когда ты бытность воспріяло?
Теченью твоему познаетъ кто начало?
Знать смежно съ вѣчностью зачатіе твое:
Въ незрѣломъ сѣмени средь мрака погребенно,
Хоть дѣйствія лишенно,
Но предваряло ты всей твари бытіе.

3

Хаоса нѣкогда врата поколебались,
И солнцъ возженныхъ вдругъ огнями осіялись!
Родилось ты:—чреда предписана твоя.
Движенье, рекъ Творецъ, пусть время измѣряетъ.
Природѣ Онъ вѣщаетъ:
Се, время, твой удѣлъ—единый вѣченъ Я.

4.

Таковъ Всевышній Ты! Такъ океанъ пространный
Временъ, объемлющихъ міры, Тобой созданны,
Въ вѣкъ не приближится къ престолу Твоему.
Преемно тмящихся дней многи милліоны,
Вѣковъ несчетны сонмы,
Равны въ очахъ Твоихъ ничтожеству самому.

5.

Но мнѣ, живущему средь праха сей громады,
Противу времени вотще искать преграды!
Преслѣдуемъ, гонимъ его я быстротой,
Едину точку лишь въ пространствѣ занимаю,

И въ страхѣ ту теряю,
Зря исчезающу подъ трепетной стеной.

6.

Мнѣ представляется повсюду разрушенье;
Смущенно око зритъ вездѣ опустошенье.
Се мхомъ обросшія гробницы давнихъ лѣтъ;
Обломки тамъ столповъ; тамъ падшія ограды;
Подъ пепломъ цѣлы грады…
Повсюду время свой напечатлѣло слѣдъ.

7.

Небесъ, земли, стихій оно властитель мощный.
Но пусть рука его союзъ міровъ непрочный
Средь тьмы безмолвія ко тлѣнію стремитъ:
Мысль пламенна моя, восторгомъ окриленна,
Отъ міра удаленна,
Развалинъ—жертвъ вѣковъ—надъ грудами паритъ.

8.

Минувшіе вѣка!—и вы, съ собой несущи
Судьбу вселенныя,—столѣтія грядущи:

Всѣхъ вкупѣ предъ собой предстать я васъ зову!
Временъ безмѣрный кругъ отважно облетаю;
Въ премѣны всѣ вникаю;
Текущимъ властвую, въ предбудущемъ живу.

9.

Палящимъ бѣгомъ дня свѣтило истощенно,
Узритъ огней своихъ утрату постепенно,
И ветхія міровъ пружины согніютъ.
Какъ камни съ скалъ крутыхъ свергаются въ до-
лины:
Въ день общія кончины
Обрушась тысячьми, такъ звѣзды ниспадутъ.

10.

Все поглотившая тутъ вѣчность воцарится,
И время, какъ ручей малѣйшій, погрузится
Въ сей страшный океанъ, невѣдущій бреговъ.
Въ вѣкахъ невмѣстная моя душа нетлѣнна,
Пребывъ непораженна,
Безстрашно подъ собой зрѣть будетъ гробъ міровъ.

11.

Всесильный! Ты морей остановилъ стремленье;
Подобно прекратишь и времени теченье.
Но грозный свѣдомъ часъ единому Тебѣ!
Речешь: и въ вѣчну мглу вселенна погружаясь,
Внезапно разрушаясь,
Тогда лишь о своей увѣдаетъ судьбѣ.

12.

Дрожащей мѣди звонъ какъ слухъ вашъ поражаетъ,
И невозвратный бѣгъ часовъ напоминаетъ:
Сей звукъ да поселитъ, о смертны, ужасъ въ васъ!
Душа моя отъ сна симъ звукомъ пробужденна,
Трепещетъ изумленна,
И смерти, мнитъ, самой внимаетъ страшный гласъ.

13.

Въ какое, смертные, вы впали заблужденье!
Единый мигъ лишь данъ на жизнь, на размышленье;
И тотъ летящій мигъ есть тяжко бремя вамъ!
Стяжанія храня, а вѣкъ свой расточая,
Себя едва познная,
Безумный смерть зоветъ, и гробъ свой роетъ самъ.

14.

Сей старостью согбенъ, бывъ отъ рожденья мертвой;
Другой, корысти радъ, весь вѣкъ ея былъ жертвой.
Тотъ жизнь губитъ, въ играхъ терпя безплодный
трудъ.
Богатый, чтобъ избыть тоски гнетущей бремя,
Съ имѣньемъ тратитъ время...
Всѣ мыслятъ, не живя, что счастливо живутъ.

15.

Престаньте, смертные, мечтой питаться сею!
Душей живите вы, и мыслите душею;
Она, она должна вамъ время размѣрять.
Внявъ мудрости, съ собой жить мирно научитесь:
Тогда не убоитесь,
Протекшихъ вашихъ дней мигъ каждый вспоминать.

16.

Когдабъ корысти могъ плѣниться я отравой,
И ей пожертвовать свободой, доброй славой;
Соблазнамъ чувствъ мой духъ ослабшій покорить...
О время! рекъ бы я, приближь мою кончину,

Сверши мою судьбину!
Пусть лучше буду мертвъ, чѣмъ въ посрамленьи
жить!

17.

Но если отъ моихъ писаній возрожденный,
Огнь добродѣтели взрастетъ распространенный;
Иль друга суждено печали мнѣ развлечь;
Иль гдѣ несчастные, терпящи безъ защиты,
Невинны и забыты,
Ждутъ слабыхъ рукъ моихъ, чтобъ слезы ихъ пре–
сѣчь:

18.

О время! не стремись! почти мою ты младость!
Пусть нѣжной матери надолго дастся сладость,
Свидѣтельницей быть сыновней къ ней любви!
И добродѣтель пусть съ блестящей славой купно
Почіютъ неотступно
На сѣдинахъ моихъ въ преклонна вѣка дни!

III.

КЪ БЮСТУ ГОСУДАРЫНИ ИМПЕРАТРИЦЫ ЕКАТЕРИНЫ II.

Съ франц. переведено для К. Н. С. Волконской.

Сія Владычица Россійскаго Престола,
Являя въ себѣ всё то, чѣмъ міръ гордится сей.
Прекраснѣйши черты прекраснѣйшаго пола,
И дарованія отличнѣйшихъ мужей.

IV.

Dans sa demeure inebranlable Assise sur l'eternité	Dythyr: de l'abbé Delille sur l'immortalité

Въ странѣ, гдѣ чуждо разрушенье,
На вѣчности утверждено,
Средь мирной тишины въ себѣ погружено,

Безсмертіе—злымъ казнь, а добрымъ утѣшенье,
Гигантскій время бѣгъ, свершаемый предъ нимъ,
От правыхъ сердцемъ отклоняетъ,
А изверга надеждѣ возбраняетъ,
Ничтожность страшную спасеньемъ чтитъ своимъ.

*
* *

Такъ, грома Вышняго, ты дерзкій похититель,
Низвергшій олтари Предвѣчной правоты!
Презрѣнный міра притѣснитель,
Дрожи!—безсмертенъ ты!
И вы, игралища, на время лютой доли;
Чьи взоромъ отческимъ Господь блюдетъ главы,
Мгновенны странники въ безвѣстной слезъ юдоли!
Утѣшьтеся!—безсмертны вы!

———

V.

Le sombre hiver va disparâitre etc. De-la-Harpe.

Зимы дни мрачны наступаютъ,
Весны отъ свѣтлаго лица.
Но прелести весны вкушаютъ
Однѣ счастливыя сердца.

*
* *

Мое,—страданьемъ отягченно,
Вездѣ все зритъ въ глубокой тьмѣ.
Какъ все въ природѣ обновленно,
Тогда нѣтъ силъ къ утѣхамъ мнѣ.

*
* *

Къ нимъ нѣтъ безъ той, кѣмъ духъ пылаетъ,
Нѣтъ счастья сердцу моему.
Для всѣхъ цвѣсти все начинаетъ;
А для меня конецъ всему.

*
* *

Воспоминанія мнѣ люты
Я въ сердцѣ завсегда ношу,
И у протекшія минуты,
Утѣхъ потерянныхъ прошу.

*
* *

Теки скорѣй, несносно время,
Умчи съ собою жизнь мою.
Медлительность твоя мнѣ бремя;
Отрадъ въ тебѣ ужъ я не зрю.

*
* *

Ужъ мысли нѣтъ, чтó представлялась
Съ утра, всѣ чувства веселя;
И къ вечеру возобновлялась,
На завтра счастье же суля.

*
* *

Вновь зеленѣющи вершины
Деревъ, я вижу въ сей странѣ,
И птицъ вокругъ сея долины,
Начальны пѣсни внятны мнѣ.

*
* *

Ахъ! въ это время насладился
Темиры зрѣньемъ я въ—первой!
Улыбкой милою плѣнился,
И слышалъ голосъ дорогой.

*
* *

Тотъ голосъ, кой въ кустахъ зеленыхъ,
Гдѣ я у ногъ ея внималъ,
Завидующихъ и прельщенныхъ
Къ ней птицъ отвсюду привлекалъ.

*
* *

Ахъ! что̀ ту сладость замѣняетъ,
Что̀ прелести любви даютъ!
Нѣтъ! слава также обольщаетъ,
Но нѣтъ у ней такихъ минутъ.

*
* *

Къ чему, взявъ мысли величавы,
Хотѣть снискать мнѣ титловъ честь?
На что̀ желать я стану славы,
Коль въ жертву некому принесть!

*
* *

Смятенье невзначай душевно,
Не рѣдко возвѣщаетъ мнѣ,
Что близко мѣсто, гдѣ вседневно,
Я милу зрѣлъ наединѣ.

*
* *

Случалось часто дожидаться
Мнѣ милой тамъ, и нѐ видать...
Ахъ! пусть опять бы не видаться,
Да только бъ могъ ее̇ я ждать!

*
* *

Душа лишенна всѣхъ желаній,
Пустымъ себѣ зря цѣлый свѣтъ,
Полна о будущемъ мечтаній;
Но цѣли никакой имъ нѣтъ.

*
* *

Подобно птица надъ снѣгами,
Какъ видъ полей ее страшитъ,
Порхаетъ томными крылами,
И гдѣ спокоится не зритъ.

*
* *

На что̀ жъ напрасно размножаю,
Въ угодность сердцу моему,
Тѣ жалобы, о коихъ знаю,
Что нужны мнѣ лишь одному!

*
* *

Но что́ мнѣ въ томъ, чтобъ уважали
Бѣдой безпомощной моей!
Ищу, кто бъ внялъ моей печали,
Хоть не бралъ бы участья въ ней.

VI.

Toi, dont les accords enchanteurs etc. Le Negre comme il'y a peu les blancs.

Согласна лира, на тебѣ
Пѣвалъ я дружбы упоенье.
Служи теперь мнѣ въ злой судьбѣ;
Изобрази души смятенье.
Хоть имя друга повторять,
Научена ты, лира, мною:
Смолчи, его не тѣшь мечтою;
Онъ не придетъ тебѣ внимать.

*
* *

Но лира, что̀-жъ! твой скорбный тонъ
Въ душѣ моей — въ душѣ раздался!
Умолкни — твой плачевный стонъ
Твердитъ мнѣ: съ милымъ ты разстался.
Престань, престань меня терзать;
Ты множить лишь тоску способна!

Дражайша лира, будь безмолвна!
Онъ не придетъ тебѣ внимать.

*
* *

Подъ тѣнью кипарисныхъ лозъ,
Безвѣстна будь и удаленна.
Тамъ жалобамъ, потокамъ слезъ,
Отъ дружбы будь мной посвященна.
Ахъ! прежде, отъ тебя отстать,
Сколь тяжко для меня бывало!
Но время ужъ не то настало:
Онъ не придетъ тебѣ внимать.

*
* *

Нѣтъ, будь со мной—пусть слезъ ручьи,
Что̀ изъ очей моихъ катятся,
Всѣ струны окропя твои,
Моихъ страданій въ знакъ явятся.
Онъ, возвратясь, черезъ тебя
Увѣдаетъ мои мученья:
Тогда слезъ горькихъ впечатлѣнья,
Воспѣвъ его, изглажу я.

VII.

Quand sur les âiles des plaisirs, etc.

Когда веселій на крылахъ
Утекши дни воспоминаемъ,
Платя имъ чувства дань, въ слезахъ
Еще отраду мы вкушаемъ.
Укрась, о лютня! голосъ мой
Твоей гармоніей унылой,
И съ сердцемъ вмѣстѣ ты воспой,
Что я живу въ разлукѣ съ милой!

Два сердца за одно имѣть;
Свое тѣмъ бытіе удвоить;
Другъ друга молча разумѣть,
И милой мысль себѣ присвоить;

Сноснѣе находить бѣды;
Счастливѣй быть въ пріятной долѣ:
Сихъ благъ я всѣ вкушалъ плоды...
Но нѣтъ со мной—нѣтъ милой болѣ!

Любилъ я тѣ луга, кусты,
Гдѣ милая со мной гуляла;
Для насъ природа красоты
И въ дни ненастны не теряла.
Ужъ лугъ цвѣтами не блеститъ,
Чтò устилали путь предъ нею:
Постылъ тому природы видъ,
Кто съ милой разлученъ своею!

Ничто не замѣнитъ ужъ той,
Которой сердце имя дало!
Пріятства могутъ быть въ другой,
Но милой слыть лишь ей пристало.
Разъ въ жизни сладость намъ дана,

Всѣ блага зрѣть въ одномъ предметѣ:
Въ году одна живетъ весна,
Одна и милая на свѣтѣ.

Въ предѣлы дальни ты несешь,
О нѣжная луна, сіянье!
И мнѣ въ смущенно сердце льешь
Надежды сладкое мечтанье!
Сей даръ въ лучахъ своихъ сошли
Теперь же къ той, съ кѣмъ я разстался,
И мысли ей о томъ всели,
Кто слезы лить по ней остался!

VIII.

Ruisseau, qui baigne cette plaine, etc.

Ручей, текущій въ сей долинѣ,
Во многомъ сходенъ я съ тобой:
Течёшь по той же все стремнинѣ;
Я страстью все влекусь одной.

Твой ропотъ нѣжный и пріятный,
Съ зефиромъ скромностью вровнѣ.
Любовною тоской объятый,
Стеню и я лишь въ тишинѣ.

Сребристыхъ струекъ чистотою
Межь водъ ты славишься, ручей.
Не менѣ чистъ — равенъ съ тобою,
Тотъ пламень, что̀ въ душѣ моей

Свирѣпый вѣтръ тебя не можетъ,
Смутивъ, извлечь на берега.
Меня подобно не тревожитъ
Превратна счастія игра.

Я къ милой тоже привлеченье,
Любовь храню такую жъ къ ней,
Какая и твое теченье
Всегда стремитъ къ долинѣ сей.

Темира коль вблизи случится,
Вмѣщаешь ты черты ея.
И мною образъ сей хранится:
Точь въ точь онъ въ сердцѣ у меня.

Въ тебѣ нѣтъ омутовъ опасныхъ;
Во мнѣ коварства нѣтъ никакъ.
Ты кажешь дно сквозь струекъ ясныхъ;
Въ моей душѣ читаетъ всякъ.

От цѣли, данной отъ природы,
Твой вѣрный токъ не отстаетъ,
Пока твои прозрачны воды
Не превратятся стужей въ ледъ.

Я безъ Темиры жить не въ силахъ;
Душа ея мнѣ цѣль одна.
Какъ кровь оледѣнѣетъ въ жилахъ,
Ее покину лишь тогда

IX.

Adieu bergère cherie, etc.
Florian.

Ты! въ комъ душу полагаю,
Милая моя, прости!
Я долину покидаю,
Гдѣ всегда бываешь ты.

За рѣкою удаленный,
Горестью займусь одной;
Но ужъ голосъ мой плачевный
Не услышится тобой.

Милая! умѣрь стенанья!
Мнѣ въ тоскѣ недолго быть.
Смерть уноситъ всѣ страданья:
А тебя гдѣ нѣтъ... какъ жить.

X.

Lise, entends tu l'orage.

Гроза насъ, Лиза, гонитъ;
Укроемся въ кустахъ.
Отъ грома воздухъ стонетъ;
Объемлетъ Лизу страхъ.
Сколь муки тѣ ужасны,
Что терпитъ нѣжный духъ;
Какъ оба вдругъ опасны,
И буря и пастухъ!

На чемъ же ей рѣшиться?
Ужъ сталъ сильнѣе громъ.
Отъ бури чтобъ укрыться,
Идти-ль за пастухомъ?
То въ робости уходитъ;
То прибѣгаетъ вновь.
То страхъ къ кустамъ приводитъ;
То къ нимъ влечетъ любовь.

У входа Лиза стоя,
Войти не смѣетъ въ лѣсъ.
Стремленье вихрь удвоя,
Ее туда занесъ.
Громъ удалясь слабѣетъ;
Онъ не всегда разитъ.
Стрѣлъ, что̀ любовь имѣетъ,
Никто не избѣжитъ.

Любовь изъ тучь взираетъ
На плѣнниковъ своихъ.
Въ часъ бурный обращаетъ
Минуты въ пользу ихъ.
Лизета стыдъ являла,
Изъ рощи вышедъ той.
Ужъ буря перестала;
Но въ ней исчезъ покой.

XI.

Viendras tu pas, toi que mon coeur adore, etc.

Мы свидимся ль, мой милый другъ, съ тобою!
Я ждать тебя пришла передъ зарею:
Близка ужъ и ночь,
Все жду тебя съ тоскою.
И утро придетъ;
Все здѣсь меня найдетъ.

Ты милую, жестокій, покидаешь;
Утѣхъ любви меня съ собой лишаешь:
А жить не тобой,
Могу ли я?—ты знаешь.
Помучусь, пожду —
А тамъ... а тамъ умру.

Не все въ тоскѣ, не все въ такой печали,
Кусточки здѣсь не все меня видали.
Любовь, ты, да я,
Здѣсь тьму утѣхъ вкушали.
Теперь безъ тебя,
Одна съ любовью я.

—

XII.

Une grenouille vit un boeuf.
La Fontaine.

БЫКЪ И ЛЯГУШКА.

Увидѣвши быка,
Лягушка завистью вскипѣла;
И бывши вся не толще кулака,
Съ быкомъ сравняться захотѣла.

Ну дуться, мучиться, крехтѣть...
Прошу васъ, говоритъ, сестрицы посмотрѣть:
Довольно ли?—Нѣтъ.—Какъ еще я не сравнялась?
Далеко!—А теперь? ужли все толще онъ?...
И нѣтъ похожаго!—До тѣхъ поръ надувалась,
Что дура лопнула—и духъ изъ тѣла вонъ.
Лягушки не умнѣй людей есть много въ свѣтѣ:
Страсть общая, себя стараться все вознесть.—
У всякаго князька хоть рота войска есть;
И ктó какъ ни голъ, а чванится въ каретѣ.

—

XIII.

La cigale ayant chantè
Tout l'été.
La Fontaine.

СТРЕКОЗА.

Лѣто цѣлое жужжала
Стрекоза, не знавъ заботъ;
А зима когда настала,
Такъ и нечего взять въ ротъ.
Нѣтъ въ запасѣ, нѣтъ ни крошки;
Нѣтъ ни червячка, ни мошки.
Что́ жъ?—Къ сосѣду муравью
Вздумала идти съ прошеньемъ.
Разказавъ напасть свою,
Такъ какъ должно съ умиленьемъ,
Проситъ, чтобъ въ займы ей далъ

Чѣмъ до лѣта прокормиться.
Совѣстью притомъ божится,
Что и ростъ и капиталъ
Возвратитъ она не далѣ,
Какъ лишь августа въ началѣ.
Тупо муравей ссужалъ:
Скупость въ немъ порокъ природной.
«А какъ въ полѣ хлѣбъ стоялъ,
Что жъ ты дѣлала?» сказалъ
Онъ заемщицѣ голодной.
Днемъ и ночью, безъ души,
Пѣла все я цѣло лѣто.
«Пѣла! весело и это.
«Ну поди жъ теперь пляши.

—

XIV.

Socrat un jour faisant batir.
(*La Fontaine*).

Сократъ себѣ застроилъ домъ.
Всѣ въ домѣ семъ пороки находили.
Иные, внутренній порядокъ въ немъ хулили;
Другіе внѣшній видъ.—О томъ и о другомъ
Различно хоть судили,
Однакожъ всѣ согласно заключили,-
Что слишкомъ въ домѣ семъ покои малы были.
Сократу ли, кричатъ, такой приличенъ домъ!
Въ немъ не повéрнешься.—Подобными рѣчами
Сократа довели, что онъ сказалъ: Дай богъ!
Чтобъ домъ мой, пусть хоть малъ, но быть на—
полненъ могъ
Мнѣ вѣрными друзьями.
Онъ дѣльно говорилъ, и правду познаемъ
Мы изъ его навѣтки.
Друзей названіемъ мы множество найдемъ;
Но дружбы истинной примѣры въ свѣтѣ рѣдки.

XV.

Un lievre en son gite langiait.
La Fontaine.

ЗАЯЦЪ И ЛЯГУШКИ.

Въ норѣ своей разъ заяцъ размышлялъ:
Нора хоть бы кого такъ размышлять научитъ!
Томяся скукою, мой заяцъ тосковалъ;
Вѣдь родомъ грустенъ онъ, и страхъ его все мучитъ.
Онъ думаетъ: Куда тотъ несчастливъ,
Кто родился труслив;
Вѣдь въ прокъ себѣ куска бѣдняжка не съѣдаетъ;
Отрады нѣтъ ему; отвсюду лишь гроза!
А такъ-то я живу: проклятый страхъ мѣшаетъ
И спать мнѣ иначе, какъ растворя глаза.
Перемоги себя, мудрецъ сказать мнѣ можетъ!
Ну вотъ! кто трусость переможетъ?
По правдѣ, чай и у людей
Не меньше трусости моей.
Такъ заяцъ изъявлялъ догадку,

Дозоромъ обходя вкругъ жила своего;
Отъ тѣни, отъ мечты, ну словомъ, отъ всего,
Его бросало въ лихорадку.
Задумчивой звѣрекъ,
Такъ въ мысляхъ разсуждая,
Вдали услышалъ шумъ, и тотчасъ на утекъ
Пустился, какъ стрѣла, къ норѣ онъ поспѣшая.
Случись ему бѣжать близь самаго пруда:
Вдругъ видитъ, что его лягушки испугались;
Лягушки вспрыгались и въ воду побросались.
«Ба! ба! онъ думаетъ, такая же бѣда
И отъ меня другимъ! я не одинъ робѣю!
Откуда удальство такое я имѣю,
Что въ ужасъ привожу собой?
Такъ знать прегрозной я герой?» —
Нѣтъ! видно на землѣ трусливца нѣтъ такого,
Трусливѣе себя чтобъ не нашелъ другаго!

———

XVI.

Le chêne un jour dit au roseau.—La Font.

Когда-то дубъ съ тростинкой рѣчь завелъ:
Какъ ты обижена,—сказалъ онъ,—отъ природы!
Вѣдь для тебя и чижикъ ужъ тяжелъ;
Малѣйшій вѣтерокъ чуть чуть лишь тронетъ воды,
Чуть мелкая струя покажется на нихъ,
Ужъ ты и гнешься въ мигъ:—
А я, равняяся Кавказу высотою,
Чело взнеся до самыхъ тучь,
И солнца пресѣкаю лучь,
И противъ бурь стою недвижною ногою.
Тебѣ все аквилонъ; зефиръ все предо мною.
Хотя бъ ужъ ты вблизи при мнѣ росла;
Подъ сѣнію моей укрыта,
Не столько—бъ ты тревожена была,
И я бъ тебѣ отъ бури былъ защита.
Но жребій твой, большею частью ростъ
По топкимъ берегамъ водъ области бурливой.

Жестоко гонитъ рокъ тебя несправедливый!—
Ты очень жалостливъ, отвѣтствовала трость,
И нохвалы за то достоинъ;
Однако будь о мнѣ спокоенъ;
Мнѣ менѣ, чѣмъ тебѣ, опасна вѣтровъ злость.
Я гнусь, и все цѣла.—Понынѣ ты держался
Противъ жестокихъ бурь, и отъ порывовъ ихъ
Еще не наклонялся:
Но подождемъ конца.—При разговорахъ сихъ
Отъ дальныхъ неба странъ вдругъ съ яростью примчался,
Изшедшій сѣвера изъ нѣдръ
Лютѣйшій самый вѣтръ.
Трость пала—дубъ не уступаетъ.
Но вихрь стремленье удвояетъ,
И ринувшись, вверхъ корнемъ повергаетъ
Того, кто небесамъ касаяся главой,
Зрѣлъ царство мертвыхъ подъ пятой.

XVII.

Grazie agl'inganni tuoi... (Métastase)

Наконецъ твои обманы,
Нравъ притворный, Ниса, твой,
Излечили сердца раны,
Возвратили мнѣ покой.

Я свободенъ сталъ неложно;
Усмирилась буйна кровь;
И ужъ чувствую, что можно
Не носить твоихъ оковъ.

Сердцу томному къ отрадѣ,
Не терзаюсь грустью я,
И въ притворной ужъ досадѣ
Не таится страсть моя.

Имя ли твое помянетъ
Кто въ присутствіи моемъ;
Иль хвалить тебя кто станетъ:
Не тревожусь я ничѣмъ.

Я спокойно засыпаю,
Не видавшися съ тобой;
И не первый вображаю,
Пробуждаясь, образъ твой.

Отъ тебя не жду смущенья;
Зрѣть тебя я не ищу;
Зрю тебя безъ восхищенья,
И разставшись не грущу.

Не волнуюся душою,
Вспомня красоту твою.
О слезахъ, пролитыхъ мною,
Помышляя, слезъ не лью.

Ты сама о томъ посудишь,
Въ правду ль страсть я побѣдилъ:
Даже съ тѣмъ, кого ты любишь,
О тебѣ я говорилъ.

Какъ со мной ни обходись;
Будь хоть ласкова ко мнѣ,
Хоть попрежнему гордись:
Ставлю все я наровнѣ.

Ужъ не могутъ разговоры,
Голосъ твой меня тронуть,
И твои ужъ нынѣ взоры
Потеряли къ сердцу путь.

Ты красотъ не потеряла.
И теперь все хороша;
Но не та ужъ Ниса стала,
Кѣмъ жила во мнѣ душа.

Цѣпь свою я разрывая,
Только смогъ не умереть:
Но гдѣ твердость есть прямая,
Тамъ чего нельзя стерпѣть!

Птичка бѣдная страдаетъ,
Вольности лишась своей,
И всѣ силы истощаетъ
Выбиваясь изъ сѣтей.

Хоть и перья въ нихъ оставитъ;
Улетитъ хоть чуть жива:
Но ума себѣ прибавитъ—
Впредь не будетъ такова.

Видя, что воспоминаю
Прежній плѣнъ я, Ниса, свой,
Ты помыслишь, что пылаю
И поднесь еще тобой.

Нѣтъ! пловецъ, бѣды избѣгшій,
Какъ у пристани стоитъ,
Объ опасности протекшей
Съ услажденьемъ говоритъ.

Воинъ такъ же, послѣ боя,
Гдѣ побѣда лавръ дала,
Любитъ посреди покоя
Вспоминать свои дѣла.

И невольникъ, въ чувства новы
Скорбь душевну премѣня,
Кажетъ съ радостью оковы,
Чтó влачилъ дотоль стеня.

Истину тебѣ вѣщаю;
Вѣрь ты мнѣ, или не вѣрь—
Я и вѣдать не желаю,
Обо мнѣ что мнишь теперь.

Прелестьми гордясь, не льстися
Замѣнить легко меня:
Не легко найдешь ты, Ниса,
Кто бъ такъ вѣренъ былъ, какъ я.

—

Я потерю не такую
Сдѣлалъ важную въ тебѣ:
Вѣдь обманщицу другую
Скоро льзя найти вездѣ.

—

XVIII.

Le vin est nécessaire, etc.

Вина употребленье
Намъ Богъ не запретилъ.
Зримъ Его въ томъ позволенье
Сладкимъ вино что сотворилъ.

—

Чтобъ мы всѣ страстны были,
Самъ Богъ то учредилъ.

Если бъ хотѣлъ чтобъ не любили,
Каменны-бъ въ насъ сердца вложилъ.

Мнѣ никогда не грустно
Съ красавицей, съ виномъ.
Та будь мила — вино будь вкусно:
Вдругъ отъ обоихъ умъ вверхъ дномъ.

Въ твоей, Ириса, волѣ,
Чтобъ пилъ я все до дна.
Лей, ты нальешь любви мнѣ болѣ,
Болѣ гораздо, чѣмъ вина.

Любовь чтобъ истребилась,
Я съ тою мыслью пилъ.
Ужъ вся душа въ винѣ топилась,
А я все болѣе любилъ.

XIX.

Que l'homme est sot et ridicule.
Quand l'amour viènt s'en emparer, etc.

Какъ глупъ мужчина, какъ не ловокъ,
Когда предастся онъ любви!
Съ начала скрытенъ онъ и робокъ,
И долго вздохи лишь одни.
Потомъ собравшись страсть открыть,
Неумолимость, гнѣвъ встрѣчаетъ.
Все сноситъ; хочетъ вѣрнымъ быть,
И въ скукѣ, грусти утопаетъ.

Любимъ сталъ, — хуже, связанъ въ двое.
И въ счастьи тьма ему помѣхъ.
То то перечитъ, то другое;
Отецъ, мужъ, мать, — онъ бойся всѣхъ.
Ну, все ли!—нѣтъ, въ запасѣ честь:
Честь, наслажденій всѣхъ изнанка.
Управься съ ней! — ни тутъ—то есть.
Хоть къ миру, а придетъ побранка.

Влюбленъ другой, еще забота!
Тутъ сонъ отъ глазъ уходитъ прочь.
Бродить, стеречь пришла работа;
Тревожитъ ревность день и ночь.
Размучась, поцѣлуй схватить
Конецъ и цѣль вся похожденья.
Потухъ какъ жаръ, радъ въ лѣсъ уйтить.
Ну! сѣно, стоило ль кошенья!

XX.

Je vais donc quitter pour jamais, etc.
Florian.

Пришло на вѣки покидать,
И милую, и край любезный.
Отъ нихъ далече вѣкъ мой слезный,
Въ стенаньяхъ будетъ протекать.

Долина, съ дѣтства гдѣ свыкались,
Гдѣ мы невинностью одной

Прямому счастью научались:
На вѣкъ разстанусь я съ тобой!

Ты, поле, гдѣ я рвалъ цвѣты,
Чтобъ ими украшать Эглею;
Вы розы, кои передъ нею
Свои теряли красоты,

Струи, что милую вмѣщали,
И прелестьми ея плѣнясь,
Стремиться въ путь свой забывали:
На вѣкъ я покидаю васъ.

Луга, гдѣ съ самыхъ юныхъ дней,
Мы о любви ужъ говорили;
Гдѣ старыми въ любви мы слыли,
Еще не выйдя изъ дѣтей.

Деревья, вы на коихъ зрѣлось.
Все тоже имя всякой разъ;

Одно, что̀ мнѣ писать умѣлось,
На вѣкъ я покидаю васъ.

XXI.

Cet invincible amour, que je porte en mon sein, etc *.

Непобѣдимую ношу я въ сердцѣ страсть.
Ты вѣдаешь ее, хоть я и не болтаю.
Огня небеснаго она чистѣйша часть;
А я по пустякамъ, увы! ее питаю
Послушай!—не люблю балясничать пустаго.
Воскресну, коль тебѣ я сдѣлаюся милъ;
Сопьюся съ горести, коль буду все постылъ:
А право удавлюсь—лишь полюби другаго.

---

* Стихи Андрея Петровича Шувалова — шуточный переводъ.

СОЧИНЕНІЯ

ДЕЛЬВИГА

(БАРОНА АНТОНА АНТОНОВИЧА.)

Ich singe, wie die Vogel singt,
Der in den Zweigen wohnet:
Das Lied, das aus der Kehle dringt
Ist Lohn, der reichlich lohnet.

Göthe.

Изданіе Александра Смирдина.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.
ВЪ ТИПОГРАФІИ А. ДМИТРІЕВА.
1850.

Печатать позволяется:

съ тѣмъ, чтобы по отпечатаніи представлено было въ Ценсурный Комитетъ узаконенное число экземпляровъ. С.-Петербургъ, 29-го декабря, 1849 года.

Ценсоръ *А. Крыловъ.*

Цѣна за соч. Дельвига и Нелединскаго 1 руб. сер.

ОГЛАВЛЕНІЕ

КЪ

СОЧИНЕНІЯМЪ

БАРОНА ДЕЛЬВИГА.

I.

ДАМОНЪ.

(*Идиллія.*)

Вечернее солнце катилось по жаркому небу,
И западъ, сліянный съ краями далекими моря,
Готовый блестящаго бога принять, загорался;
Въ долинахъ, на холмахъ звучали пастушьи сви-
рѣли;
По холмамъ, долинамъ бѣжали стада и шумѣли;
Въ прохладѣ и блескѣ катилися воды Алфея.

Дамонъ, вдохновенный пѣвецъ, добродѣтельный ста-
рецъ,
Изъ хижины вышелъ, и сѣлъ у дверей на порогѣ.
Ужъ семьдесятъ разъ онъ первыми розами лиру
И длинныя кудри свои украшалъ, воспѣвая

На праздникѣ пышномъ весны и веселье и радость:
А въ юности зрѣлой Камены его полюбили.
Но старость, лишивъ его силъ, убѣливъ ему кудри,
Отнять у него не могла вдохновеннаго дара
И свѣтлой веселости: ихъ добродѣтель хранила.
И старецъ улыбкой и взоромъ привѣтливымъ встрѣтилъ
Отвсюду бѣгущихъ къ нему пастуховъ и пастушекъ.
Любезный Дамонъ, нашъ пѣвецъ, добродѣтельный старецъ!
Намъ пѣсню ты спой, веселую пѣсню, кричали.
Мы любимъ, послѣ трудовъ и полдневнаго жара,
Въ тѣни близь тебя отдыхать подъ веселыя пѣсни
Не самъ ли ты пѣлъ, что внушенныя музами пѣсни.
На сердце больное, усталое вѣютъ прохладой,
Которая слаще прохлады, изъ урны Алфея
Съ разсвѣтомъ ліющейся, слаще прохлады, лилеямъ
Свѣжесть дающей росы, и вина вѣковаго,
Въ амфорахъ хранимаго дѣдами, внукамъ на радость?
Что, добрый? не такъ ли ты пѣлъ намъ? Дамонъ улыбнулся.
Онъ съ юности ранней до поздняго вечера жизни

Ни въ чемъ не отказывалъ дѣвамъ и юношамъ
милымъ.
И какъ отказать? Убѣдительны, сладки ихъ просьбы:
Въ прекрасныхъ устахъ и улыбка и рѣчи прекрасны.
Взглянулъ онъ на Хлою, перстомъ погрозилъ ей,
и молвилъ:
Смотри, чтобъ не плакать! и ты попадешь въ мою
пѣсню.
Взялъ лиру, задумался, къ солнцу лицемъ обра-
тился,
Ударилъ по струнамъ, и началъ хвалою безсмерт-
нымъ:

«Прекрасенъ твой даръ, Аполлонъ, вдохновен-
ныя мысли!
Кого ты полюбишь, къ тому и рано поздно
Въ смиренную хижину любятъ слетаться Камены.
О Эрмій, возвышенъ твой даръ: убѣдительность
рѣчи!
Ты двигаешь силою слова и разумъ и душу.
Какъ вашихъ даровъ не хвалить, о Гименъ, о
Паллада!
Что̀ бѣдную жизнь услаждаетъ? подруга и му-
дрость.

Но выше, безцѣннѣй всего, Эротъ и Киприда,
Даяніе ваше: красою цвѣтущая младость!
Красивы тюльпанъ и гвоздика и макъ пурпуровый,
Ясминъ и лилея красивы: но краше ихъ роза;
Пріятны крылатыхъ пѣвцовъ сладкозвучныя пѣсни:
Пріятнѣй полночное пѣнье твое, Филомела!
Всѣ ваши прекрасны дары, о безсмертные боги!
Прекраснѣе всѣхъ красотою цвѣтущая младость:
Прекраснѣй, проходчивѣй всѣхъ. Пастухи и па–
стушки!
Любовь съ красотою не жители: гости земные,
Блестятъ какъ роса, какъ роса и взлетаютъ на
небо.
А тщетны безъ нихъ намъ и мудрость и даръ
убѣжденья!
Крылатыхъ гостей не приклачешь и лирой Орфея!
Всѣ, други, вы скажете скоро, какъ дѣдъ гово–
ритъ вашъ:
Бывало, любили меня, а нынѣ не любятъ!
Да вотъ и вчера... Что краснѣешь ты, Хлоя?
Взгляните,
Взгляните на щеки ея: какъ шиповникъ алѣютъ!
Глядите: по нимъ двѣ росинки, блестя, покати-
лись!

Не вправду-ль тебѣ говорилъ я: смотри, чтобъ не
плакать!
И ты попадешь въ мою пѣсню: сказалъ, и исполню.»

И всѣ оглянулись на Хлою прекрасную. Хлоя
Щеками горячими робко прижалась къ подругѣ,
И шопотъ веселый и шумъ въ пастухахъ пробудила.
Дамонъ, улыбаясь на шумъ ихъ и шопотъ ве-
селый,
Громчей заигралъ, и запѣлъ веселѣй и быстрѣе.

«Вчера, о друзья, у прохладной пещеры, гдѣ Ним-
фы,
Игривыя дщери Алфея и ближнихъ нотоковъ,
Разчесывать кудри зеленыя любятъ сходиться,
И вторить со смѣхомъ и пѣснямъ и клятвамъ лю-
бовнымъ,
Тамъ встрѣтилъ я Хлою. Старинушка добрый,
спой пѣсню:
Она мнѣ сказала. Съ охотой, пастушка, съ охо-
той!
Но даромъ я пѣсенъ не пѣлъ никогда для па-
стушекъ;

Сперва подари что-нибудь: я спою. Что могу я
Тебѣ подарить? вотъ вѣнокъ я сплела! О, прекрасенъ,
Красиво сплетенъ твой вѣнокъ: но вѣнка мнѣ не надо.
Свирѣлку возьми! Мнѣ свирѣлку! красавица? самъ я
Искусно клею ихъ воскомъ душистымъ. Такъ что же
Тебѣ подарю я? Возмешь ли корзинку? мнѣ нынче
Ее подарилъ мой отецъ: а ты знаешь, корзинки
Плететъ онъ прекрасно. Но, дѣдушка, что же молчишь ты?
Зачѣмъ головой ты качаешь? Иль этого мало?
Возьми же въ придачу ты овцу любую! Шалунья
Шалунья, не знать въ твои годы, чѣмъ платятъ за пѣсни!
Чего же тебѣ? Поцѣлуя. Чего? Поцѣлуя.
Какъ, этой бездѣлицы? Ахъ, за нее бы я отдалъ
Не только вѣнокъ и свирѣлку, корзинку и овцу:
Себя самого! Поцѣлуй же! Ахъ, дѣдушка добрый!
Всѣ овцы мои разбѣжались; чтобъ волкъ ихъ не встрѣтилъ;
Прощай: побѣгу я за ними. Сказала, и мигомъ,

Какъ легкая серна, какъ Нимфа дубравная скры-
лась.
Взглянулъ я на кудри сѣдыя, взглянулъ и про-
молвилъ:
Цвѣтъ бѣлый пастушкамъ пріятенъ въ нарцисахъ,
въ лилеяхъ;
А бѣлыя кудри пастушкамъ не милы. Вотъ, други,
Вамъ пѣсня моя: весела ли, судите вы сами.»

Умолкъ. Всѣ хвалили веселую пѣсню Дамона;
А Хлоя дала поцѣлуй (такъ хотѣли пастушки)
Сѣдому слагателю пѣсней игривыхъ и сладкихъ:
И радость блеснула во взорахъ пѣвца. Возвращаясь
Къ своимъ шалашамъ пастухи и пастушки: о боги,
Молились, пошлите вы намъ добродѣтель и му-
дрость!
Пусть весело встрѣтимъ мы старость, подобно
Дамону!
Пусть также безъ грусти, но съ тихой улыбкою
скажемъ:
Бывало любили меня, а нынче не любятъ!

II.

ОТВѢТЪ.

Зачѣмъ на меня ты и глупость и злобу,
Плетневъ, вызываешь, нескромной хвалой?
Къ чему величаешь любовью безсмертныхъ
Простаго пѣвца?

Такъ, были мгновенья ниспосланы Фебомъ:
Я плавалъ въ восторгахъ, я небомъ дышалъ!
Я пѣлъ — и мнѣ хоромъ, веселые, вторить
Любили друзья.

Я пѣлъ — но въ то время роскошная младость
Мнѣ жизнь озаряла волшебнымъ лучемъ:
Я вѣровалъ въ счастье, я жаждалъ любови,
Я славой горѣлъ!

И опытъ суровой смирилъ обольщенья,
Мой взоръ прояснился; но скрылись мечты,
За ними и счастье, и прелесть любови,
И славы призракъ —

Какъ слушалъ Лаертидъ, привязанный къ мачтѣ.
Волшебныя пѣсни Скилійскихъ Сиренъ
И тщетно къ нимъ рвался — упрямыя верви
Держали его:

Такъ я, твоей лирой печально плѣняясь,
Вотще порываюсь къ святымъ высотамъ,
Знакомымъ бывало, и въ робкія струны
Напрасно звучу.

Напрасно у неба прошу вдохновеній:
Мнѣ путь на родную страну возбраненъ,
И гласъ мой подобенъ унылому гласу
Жестокимъ стрѣлкомъ

Подстрѣленной птицы, когда завываютъ
Осенніе вѣтры, и къ теплымъ странамъ
Веселою стаей при кликахъ несутся
Подруги ея.

III.

ДВѢ ЗВѢЗДОЧКИ.

Со мною мать прощалася
(Съ полкомъ я шелъ въ далекій край);
Весь день лила родимая
Потоки слезъ горючіе,
А вечеромъ свела меня
Къ сестрѣ своей, кудесницѣ.
Въ дверь стукнула, нѣтъ отклика,
А за дверью шелохнулось;
Еще стучитъ, огонь сѣкутъ;
Въ окно глядимъ, тамъ свѣтится.
Вотъ въ третій разъ стучитъ, кричитъ:
— Ты скажешься ль, откликнешься ль,
Отопрешься ль? — Нѣтъ отзыва!
Мы часъ стоимъ, другой стоимъ:
А за дверью огонь горитъ,

Дрова трещатъ, котлы кипятъ,
Ворчатъ поютъ, не русское.
Но полночь бьетъ, все смолкнуло,
Все смолкнуло, погаснуло!
Мы ждать, пождать, дверь скрыпнула,
Идетъ, поетъ кудесница:

«Туманъ, туманъ! Въ туманѣ свѣтъ!
То, дитятко, звѣзда твоя!
Туманъ тебѣ: не милый край;
Туманный свѣтъ: туманно жить.
Молись, молись! туманъ пройдетъ,
Туманъ пройдетъ, звѣзда блеснетъ,
Звѣзда блеснетъ привѣтнѣе,
Привѣтнѣе, прилучнѣе!»
Ахъ, съ той поры въ краю чужомъ
Давнымъ давно я вѣдаю
Тоску–печаль, злодѣйку–грусть;
Злодѣйка–грусть въ душѣ живетъ.
Такъ, старая кудесница,
Туманъ, туманъ не милый край!
Въ немъ тошно жить мнѣ молодцу!
Но та звѣзда, та ль звѣздочка,

Свѣти иль нѣтъ, мнѣ дѣла нѣтъ!
Въ краю чужомъ у молодца
Другія есть двѣ звѣздочки,
Привѣтныя, прилучныя:
Глаза ль моей красавицы!

IV.

ГЕНІЙ-ХРАНИТЕЛЬ.

(*Сновидѣніе.*)

Грустный душою и сердцемъ больной, я на одръ мой, недавно,
Кинулся, плакать хотѣлъ—не могъ, и роптал на безсмертныхъ.
Всѣ испытанья, всѣ муки, меня повстрѣчавшія въ жизни,
Снова, казалось, и вмѣстѣ, на душу тяжелыя пали.
Я утомился, и сонъ въ меня усыпленіе пролилъ:

Вижу—лежу я на камнѣ, покрытый весь ранами, цѣпи
Руки мои бременятъ, надъ мною стоитъ и рыдаетъ
Юноша свѣтлый, крылатый, созданье творящаго Зевса.

«Бѣдный товарищъ, терпѣнье!» онъ молвилъ мнѣ. (Сладость внезапно
Въ грудь мою полилась—и я жадно сталъ дивнаго слушать).
«Я твой геній-хранитель! Вижу улыбку укора,
Вижу болѣзненный взглядъ твой, страдалецъ невинный, и плачу.
Боги позволили мнѣ въ сновидѣньи предутреннемъ нынѣ
Горе съ тобой раздѣлить, и ихъ оправдать предъ тобою.
Любятъ смертныхъ они, и ужъ радость по волѣ ихъ ждетъ васъ
Съ мрачной ладьи принять и вести въ обитель награды.
Но доколѣ вы здѣсь, вы игралище мощнаго Рока;
Властный, законы ужасные пишетъ онъ Паркамъ суровымъ.

Эрмій со мною (тебя еще не было) посланъ былъ Зевсомъ
Мигъ возвѣстить, когда имъ выпрясть нить твоей жизни.
Вняли велѣнью онѣ, и къ дѣлу руки простерли.
Я подошелъ къ нимъ, каждую собственнымъ именемъ назвалъ,
Низко главу наклонилъ, и молилъ всѣхъ вмѣстѣ и розно
Ровно нить сію прясть иль въ началѣ ее перерѣзать.
Нѣтъ! и просьбы и слезы были напрасны! Дико
Пѣсню запѣли онѣ и въ перстахъ веретено закружилось.»

—

V.

НА СМЕРТЬ В....ВА.

Дѣва.

Юноша милый! на мигъ ты въ наши игры вмѣшался!
Розѣ подобный красой, какъ Филомела ты пѣлъ.
Сколько любовь потеряла въ тебѣ поцѣлуевъ и пѣсенъ,
Сколько желаній и ласкъ новыхъ, прекрасныхъ, какъ ты.

Роза.

Дѣва, не плачь! я на прахѣ его въ красотѣ разцвѣтаю.
Сладость онъ жизни вкусивъ, горечь оставилъ другимъ.

Ахъ! и любовь бы измѣною душу пѣвца отравила!
Счастливъ, кто прожилъ, какъ онъ, вѣкъ соловьиный и мой!

VI.

Н. И. ГНѢДИЧУ.

Муза вчера мнѣ, пѣвецъ, принесла закопитную новость:
Въ темный недавно Аидесъ тѣнь Славянина пришла;
Тамъ, окруженная сонмомъ тѣней любопытныхъ, пропѣла,
(Слушалъ и древній Омеръ) пѣснь Иліады твоей.
Старецъ нашъ, къ персямъ вожатаго-юноши сладко приникнувъ,
Вскрикнулъ: вотъ слава моя, вотъ чего вѣки я ждалъ!

VII.

ЭПИТАФІЯ.

Жизнью земною играла она, какъ младенецъ игрушкой.
Скоро разбила ее: вѣрно утѣшилась тамъ.

VIII.

ВЪ АЛЬБОМЪ А. Н. В—ФЪ.

Въ судьбу я вѣрю съ юныхъ лѣтъ.
Ея внушеніямъ покорный,
Не выбралъ я стези придворной,
Не полюбилъ я эполетъ
(Наряда юности задорной),

Но увлеченъ былъ мыслью вздорной,
Мнѣ объявившей: ты поэтъ.

Всегда въ пути моемъ тяжеломъ
Судьба мнѣ спутницей была,
Она мнѣ душу отвела
Въ пріютѣ дружества веселомъ,
Гдѣ васъ узналъ я, гдѣ яснѣй
Моя душа заговорила,
И блескъ Гименовыхъ свѣчей
Пророчественно полюбила.
Такъ при уходѣ зимнихъ дней,
Какъ солнце взглянетъ взоромъ вешнимъ,
Еще до зелени полей
Весны пѣвица въ краѣ здѣшнемъ
Плѣняетъ пѣснію своей.

IX.

ВЪ АЛЬБОМЪ С. Г. К—ОЙ.

Во имя Феба и Харитъ
Я твой альбомъ благословляю,
И по внушенью Аонидъ,
Его судьбу предвозвѣщаю:
Въ немъ перескажетъ дружба вновь
Всѣ увѣренья, всѣ мечтанья,
И безъ намѣренья любовь
Свои откроетъ ожиданья.

X.

РОМАНСЪ.

Друзья, друзья! я Несторъ между вами,
По опыту веселый человѣкъ;
Я пью давно; пилъ съ вашими отцами
Въ златые дни, въ Екатерининъ вѣкъ.

И въ насъ душа кипѣла, въ наши лѣты,
Какъ вы, за честь мы проливали кровь,
Вино, войну намъ славили поэты,
Намъ сладко пѣлъ Мелецкій про любовь!

Не конченъ пиръ — а гости разошлися,
Допировать одинъ остался я:
И что-жъ? ко мнѣ, вы други, собралися,
Весельчаковъ бывалыхъ сыновья!

Гляжу на васъ; ихъ лица съ ихъ улыбкой,
И тотъ же споръ про жизнь и про вино,
И мнится мнѣ, я полагалъ ошибкой,
Что и любовь забыта мной давно.

XI.

РУССКАЯ ПѢСНЯ.

Соловей мой, соловей,
Голосистый соловей!
Ты куда, куда летишь,
Гдѣ всю ночку пропоешь?
Кто-то бѣдная, какъ я,
Ночь прослушаетъ тебя,
Не смыкаючи очей,
Утопаючи въ слезахъ?
Ты лети, мой соловей,
Хоть за тридевять земель,
Хоть за синія моря,

На чужіе берега;
Побывай во всѣхъ странахъ,
Въ деревняхъ и въ городахъ:
Не найти тебѣ нигдѣ
Горемышнѣе меня.
У меня ли у младой
Дорогъ жемчугъ на груди,
У меня ли у младой
Жаръ-колечко на рукѣ,
У меня ли у младой
Въ сердцѣ миленькой дружокъ:
Въ день осенній на груди
Крупный жемчугъ потускнѣлъ,
Въ зимню ночку на рукѣ
Распаялося кольцо,
А какъ нынѣшней весной
Разлюбилъ меня милой.

—

XII.

РУССКАЯ ПѢСНЯ.

Пѣла, пѣла пташечка,
И затихла;
Знало сердце радости,
И забыло.

Чтò, пѣвунья пташечка,
Замолчала?
Какъ ты, сердце, свѣдалось
Съ черным горемъ?

Ахъ! убили пташечку
Злыя вьюги;
Погубили молодца
Злые толки!

Полетѣть бы пташечкѣ
Къ синю морю;
Убѣжать бы молодцу
Въ лѣсъ дремучій!

На морѣ валы шумятъ,
А не вьюги—
Въ лѣсѣ звѣри лютые,
Да не люди!

XIII.

ЛУНА.

Я вечеромъ съ трубкой сидѣлъ у окна;
Печально глядѣла въ окошко луна.

Я слышалъ: потоки шумѣли вдали;
Я видѣлъ: на холмы туманы легли.

Въ душѣ замутилось, я дико вздохнулъ;
Я прошлое живо душой вспомянулъ!

Въ серебряномъ блескѣ вечернихъ лучей
Явилась мнѣ Лила, веселье очей.

Какъ прежде, шепнула коварная мнѣ:
Быть вѣчно твоею клянуся лунѣ.

Какъ прежде, за тучи луна уплыла,
И насъ разлучила невѣрная мгла.

Изъ трубки я выдулъ сгорѣвшій табакъ,
Вздохнулъ, и на брови надвинулъ колпакъ.

XIV.

ЗАСТОЛЬНАЯ ПѢСНЯ.

Други, други! радость
Намъ дана судьбой:
Пейте жизни сладость
Полною струёй.

Прочь отъ насъ печали,
Прочь толпа заботъ!
Юныхъ увѣнчали
Бахусъ и Эротъ.

Пусть трещатъ морозы,
Вѣтръ свиститъ въ окно.
Намъ напомнитъ розы
Съ Мозеля вино.

Насъ любовь лелѣетъ,
Насъ, въ младые дни,
Какъ весна, согрѣетъ
Поцѣлуй любви.

XV.

НА СМЕРТЬ СОБАЧКИ: АМИКИ.

О Камены, Камены всесильныя!
Вы внушите мнѣ пѣсню унылую;
Вы взгляните: въ слезахъ Аматузія;
Горько плачутъ Амуры и Граціи.
Нѣтъ игривой собачки у Лидіи,
Нѣтъ Амики, прекрасной и ласковой.
И Діана, завидуя Лидіи,
Любовалась невольно Амикою.
Ахъ! она была краше, игривѣе
Рѣзвыхъ псовъ звѣроловицы Деліи,
Съ ея шерстью пуховой и вьющейся
Лучшій шелкъ Индостана и Персіи
Не равнялся ни лоскомъ, ни мягкостью.
Не дѣлила Амика любви своей:
Нѣтъ! любила одну она Лидію;
И при ней не приближьтесь вы къ Лидіи

(Ахъ! и ревность была ей простительна!):
Она вскочитъ, залаетъ и кинется,
Хоть на Марса иль Зевса могучаго.
Вотъ какъ нѣжность владѣла Амикою,
И такой мы собачки лишилися!
Какъ на рокъ не роптать и не плакаться?
Семь ужъ люстровъ стихами жестокими
Бавій мучитъ гражданъ и властителей;
А она и пол-люстра, невинная!
Не была утѣшеніемъ Лидіи.
Ты рыдай, ты рыдай, Аматузія,
Горько плачьте Амуры и Граціи!
Ужъ Амика ушла за Меркуріемъ
За Коцитъ и за Лету печальную,
Невозвратно въ обитель Аидову,
Въ тѣ сады, гдѣ воробушекъ Лесбіи
На рукахъ у Катулла чиликаетъ.

XVI.

КУПАЛЬНИЦЫ.

(*Идиллія.*)

«Какъ! ты расплакался! слушать не хочешь и
стараго друга!
Страшное дѣло: Дафна тебѣ ни пол-слова не ска-
жетъ,
Пѣсенъ съ тобою не поетъ, не пляшетъ, почти
лишь не плачетъ,
Только что встрѣтитъ насмѣшливый взоръ Ликори-
сы, и обѣ
Мигомъ краснѣютъ, краснѣе вечерней зари передъ
вихремъ!
Взрослый ребонокъ, стыдись! иль не знаешь сѣ-
даго Сатира?

Кто же младенца тебя баловалъ? День цѣлый бывало,
Бѣдный, на холмѣ сидишь ты одинъ и смотришь за стадомъ:
Сердцемъ и сжалюсь я, старый, приду посмѣяться съ тобой,
Въ кости играя поспорить, попѣть на свирѣли. Что-жъ вышло?
Кто же, какъ ты, свирѣлью владѣетъ и въ кости играетъ?
Самъ ты знаешь, никто. Изъ чьихъ ты корзинокъ плоды ѣлъ?
Все изъ моихъ: я жимолость тонкую самъ выбирая,
Плелъ изъ нея ихъ узорами съ легкой, цвѣтною соломой.
Пилъ молоко изъ моихъ же ты чашъ и кувшиновъ: тыквы
Полныя, словно широкія щеки младаго Сатира,
Я и сушилъ, и долбилъ, и на кожѣ рѣзалъ искусно
Грозды, цвѣты и образы сильныхъ боговъ и героевъ.
То же никто не имѣлъ (могу похвалиться) подобныхъ

Чашъ и кувшиновъ и легкихъ корзинокъ. Часто, бывало,
Послѣ оргій вакхальныхъ другіе Сатиры спѣшили
Либо въ пещеры свои, отдохнуть на душистыхъ постеляхъ,
Либо къ рощамъ пугать и преслѣдовать юныхъ пастушекъ:
Я же къ тебѣ приходилъ, и покой и любовь забывая;
Пьяный, подъ пѣсню твою плясалъ я съ ученымъ козленкомъ;
Рѣзвый на заднихъ ногахъ выступалъ и прыгалъ неловко,
Трясъ головой, и на роги мои и на бороду злился.
Ты задыхался отъ смѣха веселаго, слезы блестѣли
Въ ямкахъ щечекъ надутыхъ: и все забывалося горе.
Горе жъ какое тогда у тебя, у младенца, бывало?
Тыкву мою разобьешь, изломаешь свирѣль, да и только.
Ныньче ль тебя не утѣшу я? ныньче ль оставлю? Повѣрь мнѣ,
Слезы утри! успокойся, и стараго друга послушай.»—

Такъ престарѣлый Сатиръ говорилъ молодому Микону,
Въ грусти безмолвной лежащему въ темной каштановой рощѣ.
Къ Дафнѣ юный пастухъ разгарался въ младенческомъ сердцѣ
Пламенемъ первымъ и чистымъ: любилъ и любилъ небапрасно.
Все до вчерашняго вечера счастье ему предвѣщало:
Дафра охотно плясала и пѣла съ нимъ; даже однажды
Руку пожала ему и чтó-то такое шепнула
Тихо, но сладко, когда онъ сказалъ ей: люби меня, Дафна!
Чтò же? два вечера Дафна не та, не прежняя Дафна?
Только онъ къ ней, она отъ него. Понятные взгляды,
Ласково-дѣтскія рѣчи, улыбка сихъ устъ пурпуровыхъ,
Нѣгой пылающихъ, все, какъ весенней водою уплыло!
Чтó случилось съ прекрасной пастушкой? Не знаетъ ли полно

Старый Сатиръ нашъ объ этомъ? Не просто твердитъ онъ: Послушай!
Ночь же прекрасная: тихо, на небѣ ни облака! Если
Съ каждымъ лучемъ богиня Діана шлетъ по лобзанью
Эндиміону счастливцу: то былъ ли на свѣтѣ кто смертный
Столько, такъ страстно лобзаемъ и въ полную пору любови
Нѣтъ и не будетъ! Лучи такъ и блещутъ, земля утопаетъ
Въ ихъ обаятельномъ свѣтѣ; Иллисъ изъ урны прохладной
Льетъ серебро; соловьи разсыпаются въ сладостныхъ пѣсняхъ;
Берегъ дышитъ томительнымъ запахомъ травъ ароматныхъ:
Сердце полнѣе живетъ и душа упивается нѣгой,
Бѣдный Миконъ Сатира послушался, медленно поднялъ
Голову, сѣлъ, прислонился къ каштану высокому, руки
Молча сложилъ, и взоръ устремилъ на Сатира; а старый

Локтемъ налегся на длинную вѣтвь, и качаясь, так началъ:

«Ранней зарею вчера просыпаюсь я: — холодно что-то!
Развѣ съ вечера я не прикрылся? гдѣ теплая кожа?
Какъ подъ себя не постлалъ я травъ ароматныхъ и свѣжихъ?
Глядь, и зажмурился! свѣтъ ослѣпительный утра, неслитый
Съ мракомъ лѣнивымъ пещеры! Что это? дернулъ ногами:
Ноги привязаны къ дереву! Руку за кружкой: о боги!
Кружка разбита, разбита моя драгоцѣнная кружка!
Ахъ, я хотѣлъ закричать: ты усерденъ по прежнему, старый,
Лишь не по прежнему силенъ, мой другъ, на вакхическихъ битвахъ!
Ты не дошелъ до пещеры своей, на дорогѣ ты вѣрно
Палъ, побѣжденный виномъ, и насмѣшникамъ въ руки попался! —
Но плесканье воды, но веселые женскіе лики

Мысли въ умѣ, а слова въ растворенныхъ устахъ удержали.
Вотъ, не смѣя дышать, чуть—чуть я привсталъ, предо мною
Частый кустарникъ; легко листы раздвигаю; по—двинулъ
Голову въ листья, гляжу: тамъ синѣютъ, тамъ искрятся волны;
Далѣе двинулся: вижу, въ волнахъ Ликориса и Дафна:
Обѣ прекрасны, какъ дѣвы-Хариты, и наги, какъ Нимфы;
Съ ними два лебедя. Знаешь, любимые лебеди: бѣдныхъ
Прошлой весною ты спасъ; ихъ матерь клевала жестоко;—
Мать отогналъ ты, поймалъ ихъ и въ даръ при—несъ Ликорисѣ:
Дафну тогда ужъ любилъ ты, но ей подарить ихъ боялся.
Первыя чувства любви, я помню, застѣнчивы, робки:
Любишь, и милой страшишься наскучить и лаской излишней.
Бѣлыя шеи двухъ лебедей обхвативъ, Ликориса

Вдругъ поплыла, а Дафна нырнула въ кристаль-
ныя воды.
Дафна явилась: и смѣхъ ее встрѣтилъ: «Дафна,
я Леда,
Новая Леда.»—А я Аматузія! видишь, не такъ ли
Я родилася теперь, какъ она, изъ пѣны блестя-
щей?—
«Правда; но прежняя Леда ничто передъ новой!
мнѣ служатъ
Два Зевеса: чѣмъ похвалишься ты передъ Кипри-
дой?»
— Мужемъ не будетъ моимъ Ифестъ хромоногій
и старой!—
«Правда и то, моя милая Дафна; еще скажу:
правда!
Твой прекрасенъ Миконъ; не сыскать пастуха,
его лучше!
Кудри его въ три ряда; глаза небеснаго цвѣта;
Взгляды ихъ къ сердцу доходятъ; какъ персикъ,
въ пору созрѣвшій,
Юный, онъ свѣжъ и румянъ и пухомъ блестя-
щимъ украшенъ;
Что̀ жъ за уста у него? Душистыя, алыя розы,

Полныя звуковъ и словъ, сладчайшихъ всѣхъ пѣсенъ воздушныхъ.
Дафна, мой другъ, поцѣлуй же меня! ты скоро не будешь
Часто твою цѣловать Ликорису охотно; ты скажешь:
Слаще въ лобзаньяхъ уста пастуха молодаго Микона!»
— Все ты смѣешься, подруга лукавая! все понапрасну
Въ краску вводишь меня! И что̀ мнѣ Миконъ твой? Хорошъ онъ—
Лучше ему! я къ нему равнодушно. — «Зачѣмъ же краснѣешь?»
— Я поневолѣ краснѣю: зачѣмъ все ко мнѣ пристаешь ты?
Все говоришь про Микона! Миконъ, да Миконъ; а онъ что̀ мнѣ?—
«Что̀ жъ ты трепещешь, и грудью ко мнѣ прижимаешься? что̀ такъ
Пламенно, что̀ такъ неровно дышитъ она? Послушай:

Если бъ (пошлюсь на безсмертныхъ боговъ, я того не желаю)
Если бъ гонясь за заблудшей овцою, Миконъ очутился
Здѣсь, вотъ на брегѣ; что́ бы ты сдѣлала?» —
— Я бъ? утопилась! —
«Точно, и я бъ утопилась?! Но отъ чего? что́ за странность?
Развѣ хуже мы такъ? Смотри, я плыву: не прекрасны ль
Въ золотѣ струй эти волны власовъ, эти нѣжныя перси?
Вотъ и ты поплыла; вотъ ножка въ водѣ забѣлѣлась,
Словно нашъ снѣгъ, украшеніе горъ! А вся такъ бѣла ты!
Шея же, руки: вглядися, скажешь — изъ кости слоновой
Мастеръ большой ихъ отдѣлалъ, а Зевсъ наполнилъ съ избыткомъ
Сладко-плѣняющей жизнью. Дафна, чего жъ мы стыдимся!»
— Другъ Ликориса, не знаю; но знаю: стыдиться прекрасно!

«Правда; но все непонятнаго много тутъ скрыто! Подумай:
Чтó же мужчины такое? не точно ль, какъ мы, они люди?
То же творенье прекрасное дивнаго Зевса-Кронида.
Какъ же мужчинъ мы стыдимся, съ другимъ же, намъ чуждымъ созданьемъ,
Съ лебедемъ шутимъ свободно: то длинную шею лаская,
Клёвъ его клонимъ къ устамъ и цѣлуемъ; то съ нѣжностью треплемъ
Бѣлыя крылья и персями жмемся ко груди пуховой.
Нѣтъ ли во взорѣ ихъ силы ужасной, Медузиной силы,
Въ камень насъ обращающей? чтò ты мнѣ скажешь?»—Не знаю!
Только Ледой и я была бы охотно! и также
Друга ласкать и лобзать не устала бъ въ семъ образѣ скромномъ,
Въ сей красотѣ бѣлизны ослѣпительной! Дерзкаго жъ, боги.

(Кто бы онъ ни былъ) молю, обратите рогатымъ оленемъ,
Словно ловца Актеона, жертву Діанина гнѣва!
Ахъ, Ликориса, рога! — «Что́ рога?» — Рога за кустами! —
«Дафна, Миконовъ сатиръ!» — Уплывемъ, уплывемъ! — «Все онъ слышалъ,
Все онъ разскажетъ Микону! бѣдныя мы!» — Мы погибли! —

Такъ, осторожный, какъ юноша пылкій, я разговоръ ихъ
Кончилъ внезапно! и все былъ доволенъ: Дафна, ты видишь,
Любитъ тебя, и невинная доли прекрасной достойна:
Сердцемъ Микона владѣть на земли и въ обителяхъ Орка!
Что̀ жъ ты не плачешь по прежнему, взрослый ребенокъ! Сатира
Стараго, видно, слушать полезно? Поди же въ шалашъ свой!

Сладкимъ велѣньямъ Морфея покорствуй! Эротъ
не оставитъ
Дѣла прекраснаго! вѣрь мнѣ, спокойся: онъ кон-
читъ, какъ началъ.»

XVII.

КЪ ЛИЛЕТѢ.

Лилета, пусть вѣтеръ свиститъ и къ верху мя-
телица вьется,
Внимая боренью стихій, и въ бурю мы счастливы
будемъ,
И въ бурю мы можемъ любишь! Ты знаешь, во
мрачномъ Хаосѣ
Родился прекрасный Эротъ.

Въ ужасномъ волненьи морей, когда громы сра-
жались съ громами

И тьма устремлялась на тьму, и бѣлая пѣна ки-
пѣла —
Явилась богиня любви, въ коральной плывя ко-
лесницѣ,
И волны предъ ней улеглись.
И мы, подъ защитой боговъ, потопимъ въ веселіи
время.
Бушуйте, о чада зимы, осыпайтеся желтые
листья!
Но мы еще только цвѣтемъ! но мы еще жить
начинаемъ
Въ объятіяхъ нѣжной любви.

И радостно сбросимъ съ себя мы юности красну
одежду,
И старости тихой дадимъ дрожащую руку съ клюкою
И скажемъ: о старость, веди наслаждаться любовью
въ томъ мірѣ,
Ужъ мы насладилися здѣсь.

XVIII.

КЪ ДОРИДѢ.

Дорида, Дорида! любовью все дышетъ,
Все пьетъ наслажденье съ притекшей весной:
Чуть зефиръ, струяся, березу колышетъ,
И съ берега лебедь понесся волной
Къ зовущей подругѣ на островъ пустынной,
Надъ розой трепещетъ златый мотылёкъ,
И въ гулкой долинѣ любовью невинной
Протяжно вздыхаетъ пастушій рожокъ.

Лишь ты, о Дорида, улыбкой надменной
Мнѣ платишь за слезы и муки любви!
Вглядись въ мою блѣдность, въ мой взоръ помраченной:
По нимъ ты узнаешь, какъ въ юной крови
Свирѣпая ревность томитъ и сжигаетъ!

Не внемлетъ... и въ плясках, смѣясь надо мной,
На зло мнѣ, красою подругъ затемняетъ,
И узниковъ гордо ведетъ за собой.

XIX.

ХОРЪ.

Изъ Колиновой трагедіи: Поликсена.

Гѐліосъ, Гѐліосъ!
Тамъ съ безпредѣльности моря
Снова подъемлешь главу
Въ блескѣ лучей.
Горе мнѣ, горе!
Снова я плачу
Въ срѣтенье бога!
Черезъ пучину —
Съ тяжкими вздохами
Слышишь мои ты стенанія!

Смолкните, смолкните
Вы, разтерзанной груди
Мўки жестокія!
Плѣнницѣ мнѣ
Горе, горе!
Скоро укажетъ мнѣ
Грозной рукою Грекъ:
Скоро сокроется
Берегъ священный отечества!

Троя! Троя!
Ты не Эллинами
Ринута въ прахъ,
Гибель! *гибель*!
Было грозныхъ безсмертныхъ
Вѣчное слово.
Пала—отгрянулъ востокъ,
Западъ содрогнулся,

Троя! Троя!
Ѳеба любимица,
Матерь воителей,
Жизнью кипѣвшая!

А было все напрасно!
Ужъ сыплются мятели
По обнаженнымъ вѣтвямъ—
Она жъ ко мнѣ сурова,
Какъ и въ началѣ мая.

XXII.

ИДИЛЛІЯ.

Нѣкогда Титиръ и Зоя, подъ тѣнью двухъ юныхъ платановъ,
Первыя чувства познали любви, и, полные счастья,
Острымъ кремнемъ на корѣ сихъ деревъ имена начертали,
Титиръ Зои, а Титира Зоя, богу Эроту,
Шумныхъ свидѣтелей страсти своей посвятивши. Подъ старость
Къ двумъ завѣтнымъ платанамъ они прибрели, и видятъ

Чудо: пни ихъ, другъ къ другу склонясь, именами срослися.—
Нимфы деревъ сихъ, тайною силой именъ сочетавшись,
Нынѣ въ древѣ двойномъ вожделѣньемъ на путника вѣютъ;
Нынѣ въ тѣни ихъ могила, въ могилѣ той Титиръ и Зоя.

XXIII.

ПѢСНЯ.

Наяву и въ сладкомъ снѣ
Все мечтаетесь вы мнѣ:
Кудри, кудри шелковыя,
Юныхъ персей красота,
Прелесть—очи и уста
И лобзанія живыя.

И я въ раннюю зарю
Темнымъ кудрямъ говорю:
Кудри, кудри, что́ вы вьетесь?
Мнѣ ужъ вами не играть,
Мнѣ ужъ васъ не цѣлова́ть,
Вы другому достаетесь.

И я утромъ золотымъ
Молвлю персямъ молодымъ:
Пухъ лебяжій, нѣгой страстной
Не дыши по старинѣ:—
Ужъ не быть счастливымъ мнѣ
У груди моей прекрасной.

Я твержу по вечерамъ
Свѣтлымъ взоромъ и устамъ:
Замолчите, замолчите!
Съ лютой долей я знакомъ,
О веселомъ, о быломъ
Вы съ душой не говорите!

Ночью, сплю ли я, не сплю
Все устами васъ ловлю,

Сердцу сладкія лобзанья!
Сердце бьется, сердце ждетъ,—
Но ужъ милая нейдетъ
Въ часъ условленный свиданья.

XXIV.

РОМАНСЪ.

Вчера вакхическихъ друзей
Я посѣтилъ кружокъ веселой;
Взошелъ—и слышу: здраствуй, пей!
Нѣтъ—молвилъ я съ тоской тяжелой.

Не пить, безпечные друзья,
Пришелъ къ вамъ другъ вашъ одичалый:
Хочу на мигъ забыться я
Отъ жизни и любви усталый.

Стучите чашами громчей;
Дружнѣй гетеръ и Вакха пойте!
Волненіе души моей
Хоть на минуту успокойте!

Мнѣ помогите освѣжить
Воспоминанья жизни вольной,
И вопли сердца заглушить
Напѣвомъ радости застольной.

XXV.

ЖАЛОБА.

Воспламенить васъ трудъ напрасной,
Узналъ по опыту я самъ;
Васъ боги создали прекрасной,
Хвала и честь за то богамъ:
Но вмѣстѣ съ прелестью опасной
Они холодность дали вамъ.
Я таю въ грусти сладострастной,
А вы, на зло моимъ мечтамъ,
Улыбкой платите неясной
Любви моей простымъ мольбамъ

XXVI.

РОМАНСЪ.

Одинокъ мѣсяцъ плылъ, зыбляся въ туманѣ,
Одинокъ воздыхалъ витязь на курганѣ.

Свѣжихъ травъ не щипалъ конь его унылой:
«Конь мой, конь, вѣрный конь, понесемся къ милой!

«Не къ добру грудь моя тяжко воздыхаетъ.
«Не къ добру сердцу мнѣ что-то предвѣщаетъ;

«Не къ добру безъ ѣды ты стоишь унылой!
«Конь мой, конь, вѣрный конь, понесемся къ милой!»

Конь вздрогнулъ, и сильнѣй витязь возмутился;
Въ милый край, въ страшный край, какъ стрѣла пустился.

Ночь прошла, все свѣтло: видѣнъ храмъ съ дубровой,
Конь заржалъ, конь взвился надъ могилой новой.

XXVII.

СОНЪ.

«Мой суженый, мой ряженый,
Услышь меня, спаси меня!
Я въ третью ночь, въ послѣднюю,
Я въ вѣщемъ снѣ пришла къ тебѣ,
Забыла стыдъ дѣвической!
Не волкомъ я похищена,
Не Волгою утоплена,
Не злымъ врагомъ утрачена:
По засѣкамъ гуляючи,
Я обошла лѣсничаго
Косматаго, рогатаго;
Я сбилася съ тропы, съ пути,

Съ тропы, съ пути, съ дороженьки,
И встрѣтилась я съ вѣдьмою,
Съ заклятою завистницей
Красы моей—любви твоей.

«Мой суженый, мой ряженый,
Я въ вѣщемъ снѣ впослѣднее
Къ тебѣ пришла: спаси меня!
Съ зарёй проснись, росой всплеснись,
Съ крестомъ вь рукѣ пойди къ рѣкѣ,
Благословясь пустися въ плавь,
И къ берегу заволжскому
Тебя волна прибьетъ сама.
На всей красѣ на берегѣ
Ростетъ, цвѣтетъ шиповничекъ:
Въ шиповничкѣ душа моя:
Тоска—шипы, любовь—цвѣты,
Изъ слезъ моихъ роса на нихъ.
Росу сбери, цвѣты сорви
И буду я опять твоя.»
— Обманчивъ сонъ, не вѣщій онъ!
По гробъ грустить мнѣ молодцу!
Не Волгой плыть, а слезы лить!

По Волгѣ бродъ—саженный ледъ,
По берегу жъ заволжскому
Мятетъ, гудетъ мятелица!

XXVIII.

РАЗОЧАРОВАНІЕ.

Протекшихъ дней очарованья,
Мнѣ васъ душѣ не возвратить!
Въ любви узнавъ однѣ страданья,
Она утратила желанья,
И вновь не просится любить.

Къ ней сны младые не забродятъ,
Опять съ надеждой не мирятъ,
Въ странахъ волшебныхъ съ ней не ходятъ,
Веселыхъ пѣсенъ не заводятъ
И сладкихъ словъ не говорятъ.
Ея одинъ удѣлъ печальной:

Года безчувственно провесть,
И въ край для горестныхъ не дальной,
Подъ гласъ молитвы погребальной,
Однѣ молитвы перенесть.

XXIX.

НА СМЕРТЬ***.

Сельская элегія.

Я зналъ ее: она была душою
Прелестнѣй своего прекраснаго лица.
Умомъ живымъ, мечтательной тоскою,
Какъ бы предчувствіемъ столь ранняго конца,
Любовію къ роднымъ и къ намъ желаньемъ счастья:
Всѣмъ милая, она несчастлива была,
И какъ весенній цвѣтъ, разцвѣтшій въ дни ненастья,

Она внезапно отцвѣла.
И кто жъ? любовь ей сердце отравила!
Она невѣрнаго пришельца полюбила:
На мигъ ея плѣняся красотой,
Онъ кинулся въ объятія другой,
И навсегда ушелъ изъ нашего селенья.
Чтó, чтò ужаснѣе любви безъ раздѣленья,
Простой, довѣрчивой любви!
Несчастная, въ душѣ страданія свои
Сокрыла, ихъ самой сестрѣ не повѣряла,
И грусть безмолвная и жаждущая слёзъ,
Какъ червь цвѣточный, поѣдала
Ея красу и цвѣтъ ланитныхъ розъ!
Какъ часто гробъ она отцовскій посѣщала!
Какъ часто, видѣлъ я, она сидѣла тамъ
Съ улыбкой, безъ слезы роптанья на рѣсницѣ,
Какъ возсѣдитъ Терпѣнье на гробницѣ,
И улыбается бѣдамъ

XXX.

ВДОХНОВЕНІЕ.

Сонетъ.

Не часто къ намъ слетаетъ вдохновенье,
И краткій мигъ въ душѣ оно горитъ;
Но этотъ мигъ любимецъ Музъ цѣнитъ,
Какъ мученикъ съ землею разлученье.

Въ друзьяхъ обманъ, въ любви разувѣренье
И ядъ во всемъ, чѣмъ сердце дорожитъ,
Забыты имъ: восторженный піитъ
Ужъ прочиталъ свое предназначенье.

И презрѣнный, гонимый отъ людей,
Блуждающій одинъ подъ небесами,
Онъ говоритъ съ грядущими вѣками;

Онъ ставитъ честь превыше всѣхъ честей,
Онъ клеветѣ мститъ славою своей,
И дѣлится безсмертіемъ съ богами.

XXXI.

СОНЕТЪ.

Златыхъ кудрей пріятная небрежность
Небесныхъ глазъ мечтательный привѣтъ,
Звукъ сладкій устъ, при словѣ даже: *нѣтъ*,
Во мнѣ родятъ любовь и безнадежность.

На то ли мнѣ послали боги нѣжность,
Чтобъ изнемогъ я въ раннемъ цвѣтѣ лѣтъ?
Но я готовъ, я выпью чашу бѣдъ:
Мнѣ не страшна грядущаго безбрежность!

Не возвратить уже покоя вновь,
Я позабылъ свободной жизни сладость,
Душа горитъ, но смолкла въ сердцѣ радость,

Во мнѣ кипитъ и холодѣетъ кровь:
Печаль ли ты, веселье ль ты, любовь?
На смерть иль жизнь тебѣ я ввѣрилъ младость?

XXXII.

Н. М. ЯЗЫКОВУ.

Сонетъ.

Младой пѣвецъ, дорогою прекрасной
Тебѣ итти къ парнасскимъ высотамъ,
Тебѣ вѣнокъ (повѣрь моимъ словамъ:)
Плететъ Амуръ съ Каменой сладкогласной.

От ранних лѣт я пламень не напрасной
Храню въ душѣ, благодаря богамъ,
Я имъ влекомъ къ возвышеннымъ пѣвцамъ
Съ какою-то любовію пристрастной.

Я Пушкина младенцемъ полюбилъ,
Съ нимъ раздѣлялъ и грусть и наслажденье,
И первый я его услышалъ пѣнье,

И за себя боговъ благословилъ.
Пѣвца *Пировъ* я съ Музой подружилъ,
И славой ихъ горжусь въ вознагражденье.

XXXIII.

С. Д. П—ОЙ.

При посылкѣ книги: Воспоминание объ Испании, соч. Булгарина.

Сонетъ.

Въ Испаніи Амуръ не чужестранецъ,
Онъ намъ не гость, но родственникъ и свой,
Подъ кастаньетъ съ веселой красотой
Поетъ романсъ и пляшетъ, какъ Испанецъ.

Его огнемъ въ щекахъ блеститъ румянецъ,
Пылаетъ грудь, сверкаетъ взоръ живой,
Горятъ уста Испанки молодой;
И вѣетъ миртъ и дышетъ померанецъ.

Но онъ и къ намъ, всесильный, не суровъ,
И къ Сѣверу мы зримъ его вниманье:
Не онъ ли далъ очамъ твоимъ блистанье,

Устамъ кораллъ, жемчужный рядъ зубовъ,
И въ кудри свилъ сей мягкій шелкъ власовъ,
И всю тебя одѣлъ въ очарованье!

XXXIV.

РУССКАЯ ПѢСНЯ.

Чтó, красотка молодая,
Чтò ты, свѣтикъ, плачешь?
Чтò головушку, вздыхая,
Къ бѣлой ручкѣ клонишь?
Или словомъ, или взоромъ
Я тебя обидѣлъ?
Иль не скромномъ разговоромъ
Ввёлъ при людяхъ въ краску?

Нѣтъ, лежитъ тоска иная
У тебя на сердцѣ!
Нѣтъ, кручинушку другую
Ты вложила въ мысли:
Ты не хочешь, не желаешь,
Молодцу открыться,
Ты боишься милу другу
Заповѣдать тайну!

Не слыхали ль злые люди
Нашихъ разговоровъ?
Не спросили ль злые люди
У отца роднаго;
Не спросили ль сопостаты
У твоей родимой:
«Чей у ней на ручкѣ перстень?
«Чья въ повязкѣ лента,
«Лента, ленточка цвѣтная,
«Съ золотой коймою,
«Перстень съ чернью расписною,
«Съ чистымъ изумрудомъ?»
Не томи, открой причину
Слезъ твоихъ горючихъ!

Перелей въ мое ты сердце
Всю тоску-кручину,
Перелей тоску-кручину
Сладкимъ поцѣлуемъ:
Мы вдвоемъ тоску-кручину
Легче растоскуемъ.

XXXV.

РУССКАЯ ПѢСНЯ.

Ахъ ты ночь ли,
Ноченька!
Ахъ ты ночь ли,
Бурная!
Отъ чего ты
Съ вечера
До глубокой
Полночи

Не блистаешь
Звѣздами,
Не сіяешь
Мѣсяцемъ?
Все темнѣешь
Тучами?
И съ тобой, знать,
Ноченька,
Какъ со мною
Молодцемъ,
Грусть злодѣйка
Свѣдалась!
Какъ заляжетъ
Лютая,
Тамъ глубоко
На сердцѣ:
Позабудешь
Дѣвицамъ
Усмѣхаться,
Кланяться;
Позабудешь
Съ вечера
До глубокой
Полночи

Припѣвая,
Тѣшиться
Хороводной
Пляскою!
Нѣтъ, взрыдаешь,
Всплачешься,
И безродный
Молодецъ,—
На постелю
Жесткую,
Какъ въ могилу,
Кинешься!

XXXVI.

ДОМИКЪ.

За далью туманной,
За дикой горой,
Стоитъ надъ рѣкой
Мой домикъ простой;
Для знати жеманной
Онъ замкнутъ ключемъ,
Но горенку въ немъ
Отвелъ я веселью,
Мечтамъ и бездѣлью.
Они берегутъ
Мой скромный пріютъ.
Дана имъ свобода—
Въ кустахъ огорода,
На злакѣ луговъ

И древнихъ дубовъ
Въ тѣни молчаливой,
Гдѣ струйкой игривой
Сверкая бѣжитъ,
Бѣжитъ и журчитъ
Ручей пограничной:—
Съ заботой привычной
Порхать и летать,
И пѣснею сладкой
Въ мой домикъ украдкой
Друзей прикликать.

XXXVII.

ЦЕФИЗЪ.

Идиллія.

(И. А. Б....ОМУ.)

Мы еще молоды, Лидій! вкругъ шеи кудри віются;
Рдѣютъ, какъ яблоко, щеки и свѣжія губы алѣютъ
Въ быстрые дни молодыхъ поцѣлуевъ. Но скоро ль,
не скоро ль,
Все жъ мы, пастухъ, состарѣемся. все жъ подур-
нѣемъ; а Дафна,
Эта шалунья, насмѣшница, вдругъ подрастетъ и,
какъ роза,
Вешнимъ утромъ разцвѣтшая, насъ ослѣпитъ кра-
сотою.

Поздно тогда къ ней ласкаться, поздно и тщетно! вертушка
Врядъ поцѣлуетъ сѣдыхъ — и, локтемъ подругу толкая
Скажетъ съ насмѣшкою: «Взглянь, вотъ бабушкинъ милый любовникъ,
Какъ же щеки румяны, какъ густы волнистыя кудри!
Голосъ его соловьиный, а взоръ его прямо орлиный!»
—Смѣйся, мы скажемъ ей, смѣйся! И мы насмѣхались, бывало!
Здѣсь проходчиво все—одна не проходчива дружба!
«Здравствуй, здравствуй, Филинтъ! Давно мы съ тобой не видались!
Вѣкъ не забуду я дня, который тебя возвратилъ мнѣ,
Мой добродѣтельный старецъ! милый другъ твои кудри
Старость не скупо осыпала снѣгомъ! Приди же къ Цефизу;
Здѣсь отдохни подъ прохладою тѣней: тебя ожидаютъ

Сочный въ саду виноградъ и плодами румяная груша!»
Такъ Цефизъ говорилъ, съ младенчества милому другу:
Старца обнялъ, затворъ отшатнулъ, и ввелъ его въ садикъ.
Съ груши одной Филинтъ плоды вкушалъ и хвалилъ ихъ,
И Цефизъ ему весело молвилъ: «Пріятель отнынѣ
Дерево это твое; а я отъ холодной мятели
Буду прилежно его укутывать теплой соломой.
Пусть оно для тебя и цвѣтетъ и плодомъ богатѣетъ!»
Но — не Филинту оно и цвѣло и плодомъ богатѣло:
Въ ту же осень онъ умеръ. Цефизъ молилъ Жизнедавца
Также мирно уснуть, хоть и бѣднымъ, но добрымъ. Подъ грушей
Старца онъ схоронилъ, и холмъ увѣнчалъ кипарисомъ.

Часто слыхалъ онъ, когда простирала луна отъ деревьевъ
Влажныя, долгія тѣни, священное листьевъ шептанье;
Часто изъ гроба таинственный гласъ исходилъ — казалось,
Былъ благодарности гласъ онъ. И небо давало Цефизу
Много съ тѣхъ поръ и грушъ благовонныхъ и гроздій прозрачныхъ.

XXXVIII.

ДИѲИРАМБЪ.

(На пріѣздъ трехъ друзей.)

О радость, радость, я жизнью бывалою
Снова дышу!
Трепещетъ лира:
Въ струнахъ позабытыхъ
Я звуковъ согласныхъ,
Я звуковъ живительныхъ
Въ восторгѣ ищу.

Гремитъ, какъ прежде, подруга безсмертная;
Други, ко мнѣ!
Опять доступенъ
Я смѣхамъ и пѣснямъ

И чашѣ, вѣнчанной
Минутными розами,
И сладкой любви.

Пришли три гостя въ обитель поэтову
Съ дальнихъ сторонъ:
Отъ Финновъ блѣдныхъ;
Ледяноволосыхъ;
Отъ Реина старца;
Отъ моря сыпучаго
Азiйскихъ песковъ.

Три гостя, съ дѣтства товарищи, спутники,
Братья мои!
За мной ко храму!
Я, плющемъ вѣнчанный,
При гимнахъ священныхъ,
Кастору и Поллуксу
Хвалу воспою.

XXXIX.

МЫ.

Бѣдные мы! что́ нашъ умъ? сквозь туманъ озаряющій факелъ
Бурей гонимый нашъ челнъ по морю бѣдствій и слезъ;
Счастіе наше въ невѣдѣньи жалкомъ, въ мечтахъ и безумствѣ:
Свѣчку хватаетъ дитя, юноша ищетъ любви.

—

XL.

УТѢШЕНІЕ.

Смертный, гонимый людьми и судьбой! разставаяся съ міромъ,
Злобу людей и судьбы сердцемъ прости и забудь.
Къ солнцу впослѣднее взоръ обрати, какъ Руссо, и утѣшься:
Въ тернахъ заснувшіе здѣсь, въ миртахъ пробудятся тамъ.

—

XLI.

КЪ ПТИЧКѢ,

выпущенной на волю.

Во имя Деліи прекрасной,
Во имя пламенной любви,
Тебѣ, летуньѣ сладкогласной,
Дарю свободу я.—Лети!
И я равно счастливой долей
Отъ милой надѣленъ моей:
Какъ ей обязана ты волей,
Такъ я неволею своей.

—

XLII.

РУССКАЯ ПѢСНЯ.

Голова ль моя головушка,
Голова ли молодецкая,
Чтò болишь ты, чтò ты клонишься
Ко груди, къ плечу могучему?
Ты не то была, удалая,
Въ прежни годы, въ дни разгульные,
Въ русыхъ кудряхъ, въ красотѣ твоей,
Въ той ли шапкѣ, шапкѣ бархатной,
Соболями отороченной.
Днемъ ли въ тѣ поры я выѣду,
Въ очи солнце—ты не хмуришься,
Въ темномъ лѣсѣ въ ночь ненастную,
Ты найдешь тропу заглохшую;
Красна ль дѣвица приглянется—

И безъ словъ ей все повыскажешь;
Повстрѣчаются ль недобрые —
Только взглянутъ и вспокаются.
Чтò жъ теперь ты думу думаешь,
Думу крѣпкую, тяжелую?
Иль ты съ сердцемъ перемолвилась,
Иль одно вы съ нимъ задумали?
Иль прилука молодецкая
Ни изъ сердца, ни съ ума нейдетъ?
Ужъ не вырваться изъ клѣточки
Пѣвчей птичкѣ конопляночкѣ:
Знать и вамъ не видѣть болѣе
Прежней воли съ прежней радостью.

XLIII.

РОЗА.

Роза ль ты, розочка, роза душистая!
Всѣмъ ты, красавица, роза цвѣтокъ!
Вѣйся, плетися съ лилеей и ландышемъ,
Вѣйся, плетися въ мой пышный вѣнокъ.

Нынче я встрѣчу красавицу-дѣвицу,
Нынче я встрѣчу пастушку мою:
«Здравствуй, красавица, красная дѣвица!»
Ахъ!.., и промолвлюся, молвлю: люблю!

Вдругъ зарумянится красная дѣвица,
Вспыхнетъ младая, какъ роза цвѣтокъ:
Взглянь въ ручеечекъ, пастушка стыдливая,
Взглянь: предъ тобою ничто мой вѣнокъ!

XLIV.

РОМАНСЪ.

Только узналъ я тебя —
И трепетомъ сладкимъ впервые
Сердце забилось во мнѣ.

Сжала ты руку мою —
И жизнь и всѣ радости жизни
Въ жертву тебѣ я принесъ.

Ты мнѣ сказала: люблю,
И чистая радость слетѣла
Въ мрачную душу мою,

Молча гляжу на тебя,—
Нѣтъ слова всѣ муки, все счастье
Выразить страсти моей. .

Каждую свѣтлую мысль,
Высокое каждое чувство
Ты зараждаешь въ душѣ.

XLV.

ДРУЗЬЯ.

(*Идиллія.*)

Е. А. Баратынскому.

Вечеръ осенній сходилъ на Аркадію. — Юноши, старцы,
Рѣзвыя дѣти и дѣвы прекрасныя, съ ранняго утра,
Жавшіе сокъ виноградный изъ гроздій златыхъ, благовонныхъ,
Всѣ собралися вокругъ двухъ старцевъ, друзей знаменитыхъ.

Славны вы были, друзья Палемонъ и Даметъ! счастливцы!
Знали про васъ и въ Сициліи дальней, средь моря цвѣтущей;
Тамъ, на пастушьихъ бояхъ хорошо искусившійся въ пѣсняхъ,
Часто противниковъ дерзкихъ сражалъ не отвѣтнымъ вопросомъ:
Кто Палемона съ Даметомъ славнѣе по дружбѣ примѣрной?
Кто ихъ славнѣе по чудному дару испытывать вина?

Такъ и теперь передъ ними, подъ тѣнью вѣтвистыхъ платановъ,
Въ чашахъ рѣзныхъ и глубокихъ вино молодое стояло,
Брали они по порядку каждую чашу—и молча
Къ свѣту смотрѣли на цвѣтъ, обоняли и думали долго,
Пили, и судъ непреложный вмѣстѣ вину изрекали:
Это пить молодое, а это на долгіе годы

Въ прокъ положить, чтобы внуки, когда соизволитъ Кроніонъ
Вѣкъ ихъ счастливо продлить, подъ старость, за трапезой шумной
Пивши, хвалилися имъ, разсказамъ пришельца внимая.
Только жъ надъ винами судъ два старца, два друга скончали,
Вакхъ, языковъ разрѣшитель, сидѣлъ ужъ близь нихъ, и незримый,
Къ дружеской тихой бесѣдѣ настроилъ сѣдаго Дамета:

«Другъ Палемонъ, съ улыбкою старецъ промолвилъ: дай руку!
Вспомни, старикъ, еще я говаривалъ, юношей бывши:
Здѣсь проходчиво все, одна не проходчива дружба!
Чтó же, слово мое не сбылось ли? Какъ думаешь, милый?
Чтò, кромѣ дружбы, въ душѣ сохранилъ ты? — Но я не жалѣю,

Вотъ Геркулесъ! не жалѣю о томъ, что прошло; твоей дружбой
Сердце довольно вполнѣ, и веду я не къ этому слово.
Нѣтъ, но хочу я—кто знаетъ?—мы стары! хочу я, быть можетъ,
Нынѣ впослѣднее, все разсказать, что отъ самаго дѣтства
Въ сердцѣ ношу, о чемъ много говаривалъ, небо за что я
Рано и поздно молилъ; Палемонъ, о чемъ буду съ тобою
Часто бесѣдовать даже за Стиксомъ и Летой туманной.
Какъ мнѣ счастливымъ не быть, Палемона другомъ имѣя?
Матери наши, какъ мы, другъ друга съ дѣтства любили,
Вмѣстѣ познали любовь къ двумъ юношамъ милымъ и дружнымъ,
Вмѣстѣ плоды понесли Гименея; другъ другу младыя
Новыя тайны ввѣряя, священный обѣтъ положили:

Если боги мольбы ихъ услышатъ, пошлютъ одной дочерь
Сына другой, то сердца ихъ, невинныхъ, невинной любовью
Крѣпко связать и молить Гименея и бога Эрота,
Да уподобятъ ихъ жизнь двумъ источникамъ, вмѣстѣ текущимъ,
Иль виноградной лозѣ и сошкѣ прямой и высокой.
Вѣрной опорою служитъ одна, украшеньемъ другая;
Если жъ двѣ дочери, или два сына родятся, весь пламень
Дружбы своей перелить въ ихъ младыя, невинныя души.
Мы родилися: нами матери часто мѣнялись,
Каждая сына другой сладкомлечною грудью питала;
Впили мы дружбу, и первое, что̀ лишь запомнилъ я—ты былъ;
Съ первымъ чувствомъ во мнѣ развилася любовь къ Палемону.
Выросли мы — и въ жизни много опытовъ тяжкихъ

Боги на насъ посылали, мы дружбою все усла-
дили.—
Скоръ и пылокъ я, съ молоду былъ, меня все по-
ражало,
Все увлекало;—ты кротокъ, тихъ и съ терпѣньемъ
чудеснымъ,
Свойственнымъ только богамъ, милосердымъ къ
Япетовымъ дѣтямъ.
Часто тебя оскорблялъ я,—смиренно сносилъ ты,
мнѣ даже,
Мнѣ не давая замѣтить, что я поразилъ твое
сердце.
Помню, какъ нынѣ, прощенья просилъ и я пла-
калъ, ты жъ, другъ мой,
Вдвое рыдалъ моего, и крѣпко меня обнимая,
Ты виноватымъ казался, не я.—Вотъ каковъ ты
душою!
Ежели всѣ меня любятъ, любятъ меня по тебѣ же:
Ты сокрывалъ мои слабости; малое доброе дѣло
Ты выставлялъ и хвалилъ: ты былъ все для ме-
ня, и съ тобою
Долгая жизнь пролетѣла, какъ вечеръ веселый
въ разсказахъ.

Счастливъ я былъ! не боюсь умереть! предчув-
ствуетъ сердце
Мы не надолго разстанемся: — скоро мы будемъ, обнявшись,
Вмѣстѣ гулять по садамъ Элисейскимъ, и съ но-
вою тѣнью
Встрѣтясь, мы спросимъ: что на землѣ? все такъ ли, какъ прежде?
Други такъ ли тамъ любятъ, какъ въ старые го-
ды любили?
Что же услышимъ въ отвѣтъ: по старому родина наша
Съ новой весною цвѣтетъ и подъ осень плодами пестрѣетъ,
Но друзей уже нѣтъ подобныхъ бывалымъ; не-
рѣдко
Слушалъ я, старцы, за полною чашей веселыя рѣчи:
«Это вино дорогое!—Его молодое хвалили
Славные други, Даметъ съ Палемономъ; прошли, пролетѣли

Тѣ времена! хоть ищи, не найдешь здѣсь людей
им подобныхъ,
Славныхъ и дружбой и даромъ чудеснымъ испы-
тывать вина.»

XLVI.

МУЗАМЪ.

Съ благоговѣйною душой
Поэтъ, упавши на колѣны,
И фиміамомъ и мольбой
Васъ призываетъ, о Камены,
Въ свой домикъ низкой и простой!

Придите, дѣвы, воскресить
Въ немъ прежній пламень вдохновеній
И лиру къ звукамъ пробудить:
Другъ вашъ и другъ его Евгеній
Да будетъ гласъ ея хвалить.

Когда жъ весна до вѣчныхъ льдовъ
Прогонитъ вьюги и морозы—
На вашъ алтарь, красу цвѣтовъ,
Положитъ первыя онъ розы
При пѣньи радостныхъ стиховъ.

XLVII.

ЭПИГРАММА.

Свитокъ истлѣвшій съ трудомъ развернули. Напрасны усилья:
Въ старомъ свиткѣ прочли книгу извѣстную всѣмъ.
Юноша! къ Лидѣ ласкаясь, ты стараго то же добьешься:
Лида подъ часъ и тебѣ вымолвитъ слово: люблю.

XLVIII.

СМЕРТЬ.

Мы не смерти боимся, но съ тѣломъ разстаться
нам̀ъ жалко:
Такъ не съ охотою мы старый смѣняемъ ха-
латъ.

XLIX.

ВЪ АЛЬБОМЪ.

О сила чудной красоты!
Къ любви по опыту холодный,
Я забывалъ, душой свободный,

Безумной юности мечты,
И пѣлъ, товарищамъ угодный,
Вино и дружество:—но ты
Явилась, душу мнѣ для му́ки пробудила,
И лира про любовь опять заговорила.

L.

РОМАНСЪ.

Прекрасный день, счастливый день:
И солнце и любовь!
Съ нагихъ полей сбѣжала тѣнь.
Свѣтлѣетъ сердце вновь.
Проснитесь, рощи и поля;
Пусть жизнью все кипитъ:
Она моя, она моя!
Мнѣ сердце говоритъ

Что вьешься, ласточка, къ окну,
Что, вольная, поешь?
Иль ты щебечешь про весну
И съ ней любовь зовешь?
Но не ко мнѣ, и безъ тебя
Въ пѣвцѣ любовь горитъ:
Она моя, она моя!
Мнѣ сердце говоритъ.

LI.

РОМАНСЪ.

Но говори: любовь пройдетъ,
О томъ забыть твой другъ желаетъ;
Въ ея онъ вѣчность уповаетъ,
Ей въ жертву счастье отдаетъ.

Зачѣмъ гасить душѣ моей
Едва блеснувшія желанья?

Хоть мигъ позволь мнѣ безъ роптанья
Предаться нѣжности твоей.

За что̀ страдать? что мнѣ въ любви
Досталось отъ небесъ жестокихъ
Безъ горькихъ слезъ, безъ ранъ глубокихъ,
Безъ утомительной тоски?

Любви дни краткіе даны,
Но мнѣ не зрѣть ея остылой;
Я съ ней умру, какъ звукъ унылый
Внезапно порванной струны.

—

LII.

ЭПИТАФІЯ.

Что̀ жизнь его была? тяжелый сонъ;
Что̀ смерть? отъ грезъ ужасныхъ пробужденье:
Въ просонкахъ улыбнулся онъ
И снова, можетъ быть, тамъ началъ сновидѣнье.

LIII.

ВАКХЪ.

Прощай, Киприда, Богъ съ тобою!
Съ фіаломъ счастливъ я:
Двоихъ дружишь ты межъ собою,
А Вакхомъ всѣ друзья.

(Русск. Старина 1884 г., кн. 1, стр. 172).

LIV.

РУССКАЯ ПѢСНЯ.

Сиротинушка, дѣвушка,
Полюби меня молодца,
Полюбя приголубливай,
Мои кудри расчесывай.
Хорошо цвѣтку на полѣ,
Любо пташечкѣ на небѣ:
Сиротинушкѣ, дѣвушкѣ
Веселѣй того съ молодцомъ.
У меня въ дому волюшка,
Отъ бѣды оборонушка,
Что отъ дождичка кровелька,
Отъ жары древной ставеньки,

От лихой же разлучницы,
От лукавой укащицы
На воротахъ замòкъ виситъ,
Въ подворотенку песъ глядитъ.

LV.

РУССКАЯ ПѢСНЯ.

Скучно, дѣвушки, весною жить одной:
Не съ кѣмъ сладко побесѣдовать младой.
Сиротинушка, на всей землѣ одна,
Подгорюнясь ли присядешь у окна —
Подъ окошкомъ все такъ весело глядитъ,
И мнѣ душу то веселіе томитъ:
То веселье—не веселье, а любовь,
Отъ любви той замираетъ въ сердцѣ кровь.
И я выду во широкія поля—
Съ нихъ ли нѣгой такъ и вѣетъ на тебя:
Свѣжій запахъ каждой травки полевой

Вреденъ дѣвицѣ весеннею порой,
Хочешь съ кѣмъ—то этимъ запахомъ дышать,
И другимъ устамъ его передавать;
Бѣлой груди чѣмъ—то сладкимъ тяжело,
Голубымъ очамъ при солнцѣ не свѣтло.
Больно, больно безнадежной тосковать!
И я кинусь на тесовую кровать,
Къ изголовью правой щечкою прижмусь,
И горючими слезами оболъюсь:
Какъ при солнцѣ лѣтомъ дождикъ пошумитъ,
Травку вспрыснетъ, но ее не освѣжитъ,
Такъ и слезы не свѣжатъ меня, младой;
Скучно, дѣвушки, весною жить одной!

—

LVI.

ПУШКИНУ.

Кто, какъ лебедь цвѣтущей Авзоніи,
Осѣненный и миртомъ и лаврами,
Майской ночью при хорѣ порхающихъ,
Въ сладкихъ грезахъ отвился отъ матери;

Тотъ въ совѣтахъ не мудрствуетъ; на стѣны
Побѣжденныхъ знамена не вѣшаетъ;
Столбъ, кормами судовъ непріятельскихъ
Онъ не краситъ предъ храмомъ Ареевымъ;

Флотъ, съ несчетнымъ богатствомъ Америки,
Съ тяжкимъ золотомъ, купленнымъ кровію,
Не взмущаетъ двукраты Экватора
Для него кораблями бѣгущими.

Но съ младенчества онъ обучается
Воспѣвать красоты поднебесныя,
И ланиты его отъ привѣтствія
Удивленной толпы горятъ пламенемъ.

И Паллада туманное облако
Разсѣваетъ отъ взоровъ—и въ юности
Онъ ужъ видитъ священную истину
И порокъ, изъ-подлобья взирающій!

Пушкинъ! Онъ и въ лѣсахъ не укроется;
Лира выдастъ его громкимъ пѣніемъ,
И отъ смертныхъ восхититъ безсмертнаго
Аполлонъ на Олимпъ торжествующій.

—

LVII.

ХАТА.

Скрой меня, бурная, ночь! заметай слѣды мои вьюга,
Вѣтеръ холодный, бушуй вкругъ хаты Лилеты прекрасной,
Мѣсяцъ свѣти, не свѣти—а дорогу навѣрно любовникъ
Къ робкой подругѣ найдетъ.

Тихо дверь отворилась! о Лилета, твой милый съ тобою,
Нѣжной, лилейной рукой ты къ сердцу его прижимаешь;
Что же съ перстомъ на устахъ, боязливая, смотришь на друга?
Или твой Аргусъ не спитъ?

Богъ утѣшитель, Морфей, будь хранителемъ таинъ
Амура!
Сны, готовые насъ разлучить до скучнаго утра,
Роемъ тяжелымъ скорѣй опуститесь на хладное
ложе
Аргуса милой моей.

Намъ ли страшиться любви! счастливецъ, мои поцѣлуи
Сладко *ее* усыпятъ подъ шумомъ порывистымъ
вѣтра;
Тихо пробудитъ *ее* съ предвѣстницей юнаго утра
Пламенный мой поцѣлуй!

LVIII.

РОМАНСЪ.

«Сегодня я съ вами пирую, друзья,
Веселье намъ пѣсни заводитъ
А завтра, быть можетъ, тамъ буду и я,
Откуда никто не приходитъ!»

Я такъ беззаботнымъ друзьямъ говорилъ
Давно—но отъ самаго дѣтства
Печаль въ безпокойномъ я сердцѣ таилъ
Предвѣстьемъ грядущаго бѣдства.

Друзья мнѣ смѣялись, и свѣжій вѣнецъ
На кудри мои надѣвая:
«Стыдись, восклицали, мечтатель-пѣвецъ!
Измѣнитъ ли жизнь молодая!»

Война запылала, къ роднымъ знаменамъ
Друзья какъ на пиръ полетѣли:
Я съ ними—но жребьи, враждебные намъ,
Мнѣ съ ними разстаться велѣли.

Въ бездѣйствіи тяжкомъ я думой слѣдилъ
Ихъ битвы, предтечи побѣды;
Ихъ славою часто я первый живилъ
Родителей грустныхъ бесѣды.

Года пролетали, я часто въ слезахъ
Былъ черной повязкой украшенъ...
Брань стихла, гдѣ жъ други? лежатъ на поляхъ,
Близь ими разрушенныхъ башенъ.

Съ тѣхъ поръ я печально сижу на пирахъ
Гдѣ все мнѣ твердитъ про былое;
Дрожитъ моя чаша въ ослабшихъ рукахъ:
Мнѣ тяжко веселье чужое.

LIX.

КЪ МАЛЬЧИКУ.

Мальчикъ, солнце встрѣтить должно
Съ торжествомъ въ концѣ пировъ!
Принеси же осторожно
И скорѣй изъ погребовъ:
Въ кубкахъ длинныхъ и тяжелыхъ,
Какъ любила старина,
Нашихъ прадѣдовъ веселыхъ
Пережившаго вина.

Не забудь края златые
Плющемъ, розами увить!
Весело въ года сѣдые
Чашей молодости пить.

Весело, хоть на мгновенье
Бахусомъ наполнивъ грудь,
Обмануть воображенье,
И въ былое заглянуть.

LX.

ПЕРВАЯ ВСТРѢЧА.

Мнѣ минуло шестнадцать лѣтъ,
  Но сердце было въ волѣ;
Я думала: весь бѣлый свѣтъ
  Нашъ боръ, потокъ и поле.

Къ намъ юноша пришелъ въ село:
  Кто онъ? отколь? не знаю—
Но все меня къ нему влекло,
  Все мнѣ твердило. знаю!

Его кудрявые власы
Вкругъ шеи обвивались,
Какъ макъ сіяетъ отъ росы,
Сіяли, разсыпались.

И взоры пламенны его
Мнѣ что́-то изъясняли;
Мы не сказали ничего,
Но ужъ другъ друга знали.

Куда пойду—и онъ за мной.
На долгую ль разлуку?
Не знаю! только онъ съ тоской
Безмолвно жалъ мнѣ руку.

«Что́ хочешь ты?» спросила я,
«Скажи, пастухъ унылой?
И съ жаромъ обнялъ онъ меня,
И тихо назвалъ милой.

И мнѣ бъ тогда его обнять!
Но рукъ не поднимала,
На перси потупила взглядъ,
Краснѣла, трепетала.

Ни слова не сказала я;
  За что̀ жъ ему сердиться?
Зачѣмъ покинулъ онъ меня?
  И скоро ль возвратится?

LXI.

ПѢСНЯ.

«Дѣдушка!» дѣвицы
Разъ мнѣ говорили:
«Нѣтъ ли небылицы,
Иль старинной были?»

— Какъ не быть! — уныло,
Краснымъ отвѣчалъ я,
Сердце васъ любило:
Такъ чего не зналъ я!

Было время! Гдѣ вы,
Годы золотые?
Какъ плѣняли дѣвы,
Въ ваши дни былые!

Ужъ онѣ — старушки;
Но отъ нихъ, порою,
Много на подушки
Слезъ пролито мною.

Душу волновали
Ихъ уста и очи,
По огню бѣжали
Дни мои и ночи. —

«Дѣдушка». толпою
Дѣвицы вскричали,
«Жаль намъ, а тобою
Бабушки играли!

Какъ не стыдно! злыя,
Вотъ надъ кѣмъ шутили!
Нѣтъ, мы не такія,
Мы бъ тебя любили!»

— Вы бъ любили? сказки!
Вѣры мнѣ неймется!
И на ваши ласки
Дѣдушка смѣется.—

LXII.

КЪ ДІОНУ.

Сядемъ, любезный Діонъ, подъ сѣнью развѣси-
стой рощи,
Гдѣ прохлажденный въ тѣни, сверкая, стремит-
ся источникъ:
Тамъ позабудемъ на время заботы мірскія, и Вакху
Вечера часъ посвятимъ.

Мальчикъ, наполни фіалъ фалернскимъ виномъ
искрометнымъ!
Въ честь вѣчноюному Вакху осушимъ мы дно зо-
лотое;

Въ чашѣ, обвитой вѣнкомъ, принеси дары щедрой
Помоны,
Вкусны, румяны плоды.

Тщетно юность спѣшитъ удержать престарѣлаго
Хрона,
Проситъ, молитъ его: не внимая, онъ далѣе
мчится;
Маленькій только Эротъ смѣется, поетъ, и сѣдаго
За руку взявши, бѣжитъ.

Чтó намъ въ жизни сей краткой за тщетною сла-
вой гоняться,
Вѣчно въ трудахъ только жить, не видѣть ве-
селій до гроба?—
Боги для счастія намъ и веселія дни даровали,
Для наслажденій любви.

Пой, въ хороводѣ дѣвицъ бѣлогрудыхъ, пѣсни
веселью,
Прыгай подъ звонкую флейту, сплетяся руками,
кружися,

И твоя жизнь протечетъ, какъ быстро, въ зеле-
ной долинѣ,
Скачетъ и вьется ручей.

Другъ, за лавровый вѣнокъ не кланяйся гордымъ
Пританамъ.
Пусть за слѣпою богиней Лициній гоняется вѣчно,
Пусть и обниметъ ее. Фортуна косы всеразящей
Не отвратитъ отъ главы.

Что намъ богатства искать? имъ счастья себѣ
не прикупимъ:
Всѣхъ на одной ладіѣ, и бѣднаго Ира и Креза,
Въ мрачное царство Плутона, чрезъ волны ужа-
снаго Стикса,
Старый Харонъ отвезетъ.

Сядемъ, любезный Діонъ, подъ сѣнью развѣси-
стой рощи,
Гдѣ прохлажденный въ тѣни, сверкая, стремится
источникъ:
Тамъ позабудемъ на время заботы мірскія, и Вакху
Вечера часъ посвятимъ.

LXIII.

ЭЛЕГІЯ.

Когда, душа, просилась ты
Погибнуть иль любить,
Когда желанья и мечты
Къ тебѣ тѣснились жить,
Когда еще я не пилъ слёзъ
Изъ чаши бытія:
Зачѣмъ тогда, въ вѣнкѣ изъ розъ,
Къ тѣнямъ не отбылъ я!

Зачѣмъ вы начертались такъ
На памяти моей,
Единый молодости знакъ,
Вы, пѣсни прошлыхъ дней!

Я горько долы и лѣса
И милый взглядъ забылъ:
Зачѣмъ же ваши голоса
Мнѣ слухъ мой сохранилъ!

Не возвратите счастья мнѣ,
Хоть дышитъ въ васъ оно!
Съ нимъ, въ промелькнувшей старинѣ,
Простился я давно.
Не нарушайте жъ, я молю,
Вы сна души моей
И слова страшнаго: люблю
Не повторяйте ей!

LXIV.

КОНЕЦЪ ЗОЛОТАГО ВѢКА.

Идиллія.

Путешественникъ.

Нѣтъ, не въ Аркадіи я! Пастуха заунывную пѣсню
Слышать бы должно въ Египтѣ, иль Азіи средней, гдѣ рабство
Грустною пѣсней привыкло существенность тяжкую тѣшить.
Нѣтъ, я не въ области Реи! о боги веселья и счастья!
Можетъ ли въ сердцѣ, исполненномъ вами, найтися начало

Звуку единому скорби мятежной, крику напасти?
Гдѣ же и какъ ты, Аркадскій пастухъ, воспѣвать научился
Пѣсню, противную вашимъ богамъ, посылающимъ радость?

Пастухъ.

Пѣсню, противную нашимъ богамъ! Путешественникъ, правъ ты!
Точно, мы счастливы были, и боги любили счастливыхъ:
Я еще помню оное свѣтлое время! Но счастье
(Послѣ узнали мы), гость на землѣ, а не житель обычной.
Пѣсню же эту я выучилъ здѣсь: а съ нею впервые
Мы услыхали и голосъ несчастья, и бѣдныя дѣти,
Думали мы, отъ него земля развалится, и солнце,
Свѣтлое солнце погаснетъ! Такъ первое горе ужасно!

Путешественникъ.

Боги, такъ вотъ гдѣ впослѣднее счастье у смертныхъ гостило!

Здѣсь его слѣдъ не пропалъ еще. Старецъ, пастухъ сей печальный
Былъ на проводахъ гостя, котораго тщетно искалъ я
Въ дивной Колхидѣ, въ странахъ Антлантидовъ, Гипербореевъ,
Даже у края земли, гдѣ обильное розами лѣто
Кратче зимы Африканской, гдѣ солнце съ весною проглянетъ,
Съ осенью въ море уходитъ, гдѣ люди на темную зиму
Сномъ непробуднымъ, въ звѣриныхъ укрывшись мѣхахъ, засыпаютъ.
Чѣмъ же, скажи мнѣ, пастухъ, вы прогнѣвали бога Зевеса?
Горе раздѣлъ услаждаетъ; повѣдай мнѣ горькую повѣсть
Пѣсни твоей заунывной? Несчастье меня научило
Живо несчастью другихъ сострадать. Жестокіе люди
Съ дѣтства гонятъ меня далеко отъ родимаго града.

Пастухъ.

Вѣчная ночь поглоти города! Изъ вашего града
Вышла бѣда и на бѣдную нашу Аркадію! Сядемъ,
Здѣсь, на семъ берегѣ, противъ платана, котораго вѣтви
Долгою тѣнью кроютъ рѣку и до насъ досягаютъ.—
Слушай же. Пѣсня моя тебѣ показалась унылой?

Путешественникъ.

Грустной, какъ ночь!

Пастухъ.

А ее Амарилла прекрасная пѣла.
Юноша къ намъ приходившій изъ города, эту пѣсню
Выучилъ пѣть Амариллу, и мы, незнакомые съ горемъ,
Звукамъ незнаемымъ весело, сладко внимали. И кто бы
Сладко и весело ей не внималъ? Амарилла, пастушка
Пышноволосая, стройная, счастье родителей старыхъ,

Радость подружекъ, любовь пастуховъ, была удивленье,
Рѣдкое Зевса твореніе, чудная дѣва, которой
Зависть не смѣла коснуться и злоба, зажмурясь, бѣжала.
Сами пастушки съ ней не равнялись и ей уступали
Первое мѣсто съ прекраснѣйшимъ юношей въ пляскахъ вечернихъ;
Но хариты—богини живутъ съ красотой неразлучно:
И Амарилла всегда отклонялась отъ чести излишней.
Скромность въ замѣнъ предпочтенья любовь ото всѣхъ получала.
Старцы отъ радости плакали, ею любуясь, покорно
Юноши ждали, кого Амарилла сердцемъ замѣтитъ?
Кто изъ прекрасныхъ, младыхъ пастуховъ назовется счастливцемъ?
Выборъ упалъ не на нихъ! Клянуся богомъ Эротомъ,
Юноша, къ намъ приходившій изъ города, нѣжный Мелетій,

Сладкорѣчивый, какъ Эрмій, былъ Ѳебу красою подобенъ,
Голосомъ Пана искуснѣй! Его полюбила пастушка.
Мы не роптали! мы не винили ее! мы въ забвеньи
Даже думали, глядя на нихъ: «вотъ Арей и Киприда
Ходятъ по нашимъ полямъ и холмамъ; онъ въ шлемѣ блестящемъ,
Въ мантіи пурпурной, длинной, небрежно спустившейся сзади,
Сжатой камнемъ драгимъ на плечѣ бѣлоснѣжномъ. Она же
Въ легкой одеждѣ пастушки простой, но не кровь, а безсмертье,
Видно, не менѣе въ ней протекаетъ по членамъ нетлѣннымъ.»
Кто жъ бы дерзнулъ и помыслить изъ насъ, что душой онъ коваренъ,
Что въ городахъ и образъ прекрасный и клятвы преступны.
Я былъ младенцемъ тогда. Бывало обнявши руками
Бѣлыя, нѣжныя ноги Мелетія, смирно сижу я,

Слушая клятвы его Амариллѣ, ужасныя клятвы
Всѣми богами: любить Амариллу одну и съ нею
Жить неразлучно у нашихъ ручьевъ и на нашихъ долинахъ.
Клятвамъ свидѣтелемъ я былъ; Эротовымъ сладостнымъ тайнамъ
Гамадріады присутственны были. Но что жъ? и весны онъ
Съ нею не прожилъ, ушелъ невозвратно! Сердце простое
Черной измѣны постичь не умѣло. Его Амарилла
День и другой и третій ждетъ, все напрасно! О всемъ ей
Грустныя мысли приходятъ, кромѣ измѣны: не вепрь ли
Какъ Адониса, его разтерзалъ; не раненъ ли въ спорѣ
Онъ за игру, всѣхъ ловче тяжелые круги метая?
«Въ городѣ, слышала я, обитаютъ болѣзни! онъ боленъ!»
Утромъ четвертымъ вскричала она, обливаясь слезами,
«Въ городъ къ нему побѣжимъ, мой младенецъ!» И сильно схватила

Руку мою и рванула, и съ ней мы какъ вихрь побѣжали.
Я не успѣлъ, мнѣ казалось, дохнуть, и ужъ городъ предъ нами
Каменный, многообразный, съ садами, столпами открылся;
Такъ облака передъ завтрешней бурей на небѣ вечернемъ
Разные виды съ отливами красокъ чудесныхъ пріемлютъ.
Дива такого я и не видывалъ! Но удивленью
Было не время. Мы въ городъ вбѣжали, и громкое пѣнье
Насъ поразило—мы стали. Видимъ: толпой передъ нами
Стройныя жены проходятъ въ бѣлыхъ, какъ снѣгъ, покрывалахъ.
Зеркало, чаши златыя, ларцы изъ кости слоновой
Женщины чинно за ними несутъ. А младыя рабыни
Рѣзвыя, громкоголосыя, съ персей по поясъ нагія,
Около блещутъ очами лукавыми въ пляскѣ веселой,

Скачутъ, кто съ бубномъ, кто съ тирсомъ, однажъ головою кудрявой
Длинную вазу несетъ и подъ пѣсни тарелками плещетъ.
Ахъ, путешественникъ добрый, что̀ намъ рабыни сказали!
Стройныя жены вели изъ купальни младую супругу
Младаго Мелетія.—Сгибли желанья, исчезли надежды!
Долго въ толпу Амарилла смотрѣла, и вдругъ зашатавшись
Пала. Холодъ въ рукахъ и ногахъ и грудь безъ дыханья!
Слабый ребенокъ, не зналъ я, что̀ дѣлать. Отъ мысли ужасной
(Страшной и нынѣ воспомнить): что болѣе нѣтъ Амариллы—
Я не плакалъ, а чувствовалъ: слезы, сгустившися въ камень,
Жали внутри мнѣ глаза и горячую голову гнули.
Но еще жизнь въ Амариллѣ, къ несчастью, ея пламенѣла:

Грудь у нея поднялась и забилась, лицо загорѣ-
лось
Темнымъ румянцемъ, глаза, на меня проглянувъ,
помутились.
Вотъ и вскочила, вотъ побѣжала изъ города,
будто
Гнали ее Эвмениды, суровыя дѣвы Айдеса!

Былъ ли младенецъ я въ силахъ догнать злопо-
лучную дѣву!
Нѣтъ... я нашелъ ужъ ее въ сей рощѣ, за этой
рѣкою,
Гдѣ искони возвышается жертвенникъ богу Эроту,
Гдѣ для священныхъ вѣнковъ и цвѣтникъ разве-
денъ благовонный,
(Встарь, четою счастливой!) и гдѣ ты не разъ,
Амарилла,

Съ вѣрою сердца невиннаго, клятвамъ преступ-
нымъ внимала.
Зевсъ милосердый! съ визгомъ какимъ и съ какою
улыбкой

Въ рощѣ сей пѣсню она выводила! сколько съ корнями
Разныхъ цвѣтовъ въ цвѣтникѣ нарвала, и какъ быстро плела ихъ!
Скоро странный нарядъ изготовила. Цѣлыя вѣтви,
Розами пышно облитыя, словно роги торчали
Дико изъ вязей вѣнка многоцвѣтнаго, чудобольшаго;
Плющъ же широкій, цѣпями съ вѣнка по плечамъ и по персямъ
Длинный спадалъ и шумя по землѣ волочился за нею.
Такъ разодѣтая, важно, съ поступью Иры богини,
Къ хижинамъ нашимъ пошла Амарилла Приходитъ, и что́ же?
Мать и отецъ ее не узнали; запѣла, и въ старыхъ
Трепетомъ новымъ забились сердца, предвѣщателемъ горя.
Смолкла—и въ хижину съ хохотомъ дикимъ вбѣжала, и съ видомъ
Грустнымъ стала просить удивленную матерь «Родная,

Пой, если любишь ты дочь, и пляши: я счастлива, счастлива!»
Мать и отец, не поняв, но услышав ее, зарыдали.
«Развѣ была ты когда несчастлива, дитя дорогое?»
Дряхлая мать, съ напряженіемъ слёзы унявъ, вопросила.
«Другъ мой здоровъ! я невѣста! изъ города пышнаго выйдутъ
Стройныя жены, рѣзвыя дѣвы на встрѣчу невѣстѣ!
Тамъ, гдѣ онъ молвилъ впервые: *люблю* Амариллѣ пастушкѣ,
Тамъ, изъ подъ тѣни завѣтнаго древа, счастливица вскрикну:
Здѣсь я, здѣсь я! Вы, стройныя жены, вы, рѣзвыя дѣвы!
Пойте: Гименъ, Гименей! и ведите невѣсту въ купальню.
Что жъ не поете вы, что жъ вы не пляшете! Пойте, пляшите!»
Скорбные старцы, глядя на дочь, безъ движенья сидѣли,
Словно мраморъ обильно обрызганный хладной росою.

Еслибъ не дочь, но иную пастушку привелъ Жизнедавецъ
Видѣть и слышать такой, пораженной небесною карой,
То и тогда бъ превратились злосчастные въ томностенящій,
Слезный источникъ — нынѣ жъ, тихо склоняся другъ къ другу,
Сномъ послѣднимъ заснули они. Амарилла запѣла,
Гордымъ взоромъ нарядъ свой окинувъ, и къ древу свиданья,
Къ древу любви измѣнившей пошла. Пастухи и пастушки,
Пѣсней ея привлеченные, весело, шумно сбѣжались,
Съ нѣжною ласкою къ ней ненаглядной, любимой подругѣ.
Но — нарядъ ея, голосъ и взглядъ... Пастухи и пастушки
Робко назадъ отшатнулись и молча въ кусты разбѣжались.
Бѣдная наша Аркадія! Ты ли тогда измѣнилась,
Наши ль глаза, въ первый разъ увидавшіе близко несчастье,

Мрачнымъ туманомъ подернулись? Вѣчно-зеленыя сѣни,
Воды кристальныя, всѣ красоты твои страшно поблекли.
Дорого боги цѣнятъ дары свои! Намъ ужъ не видѣть
Снова веселья! Если бъ и Рея съ милостью прежней
Къ намъ возвратилась, все было бъ напрасно! Веселье и счастье
Схожи съ первой любовью. Смертный единожды въ жизни
Можетъ упиться ихъ полною, дѣвственной сладостью! Зналъ ты
Счастье, любовь и веселье? Такъ понялъ, и смолкнемъ объ ономъ.

Страшно поющая дѣва стояла уже у платана,
Плющъ и цвѣты съ наряда рвала и ими прилежно
Древо свое украшала. Когда же нагнулася съ брега,
Смѣло за прутъ молодой ухватившись, что бъ цѣпью цвѣточной

Эту вѣтвь обвязать, до насъ достающую тѣнью,
Прутъ, затрещавъ, обломился, и съ брега она полетѣла
Въ волны несчастныя. Нимфы ли водъ, красоту сожалѣя
Юной пастушки, спасти ее думали, платье ль сухое,
Кругомъ широкимъ поверхность воды обхвативъ, не давало
Ей утонуть? не знаю, но долго, подобно Наядѣ,
Зримая только по грудь, Амарилла стремленьемъ неслася,
Пѣсню свою распѣвая, не чувствуя гибели близкой,
Словно во влагѣ рожденная древнимъ отцемъ Океаномъ.
Грустную пѣсню свою не окончивъ — она потонула.
Ахъ, путешественникъ, горько! ты плачешь! бѣги же отсюда!

В земляхъ иныхъ ищи ты веселья и счастья! Уже ли
В мірѣ ихъ нѣтъ, и отъ насъ отъ послѣднихъ их позвали боги!—

ПРИМѢЧАНІЕ.

Читатели замѣтятъ въ концѣ сей идилліи близкое подраженіе Шекспирову описанію смерти Офеліи. Сочинитель, благоговѣя къ поэтическому дару великаго Британскаго трагика, радуется, что могъ повторить одно изъ прелестнѣйшихъ его созданій.

LXV.

ЭПИЛОГЪ.

Такъ пѣвалъ безъ принужденья,
Какъ на вѣткѣ соловей,
Я живыя впечатлѣнья
Полной юности моей.
Счастливъ другомъ, милой дѣвы
Все искалъ душою я—
И любви моей напѣвы
Долго кликали тебя.

СОЧИНЕНІЯ

ДЕЛЬВИГА,

НАПЕЧАТАННЫЯ ПОСЛѢ ЕГО СМЕРТИ.

I.

ОТСТАВНОЙ СОЛДАТЪ.

(*Русская идиллія*).

Солдатъ

Нѣтъ, не звѣзда мнѣ изъ лѣсу свѣтила:
Какъ звѣздочка, манилъ меня часъ цѣлый
Огонь вашъ, братцы! Кашицу себѣ
Для ужина варите? Хлѣбъ да соль!

Пастухи.

Спасибо, служба! Хлѣба кушать.

Солдатъ.

Быть такъ,
Благодарю васъ. Я усталъ порядкомъ!
Ну, костыли мои, вамъ роздыхъ! Рядомъ
Я на траву васъ положу, и подлѣ
Присяду самъ. Да, верстъ пятнадцать
Ушелъ я въ вечеръ.

1-й Пастухъ.

А идешь откуда?

Солдатъ.

А изъ Литвы, изъ Виленской больницы.
Вотъ какъ изъ матушки-Россіи ладно
Мы выгнали гостей незваныхъ — я
На первой заграничной перестрѣлкѣ,
Бѣда такая, безъ ноги остался!
Товарищи меня стащили въ Вильну;
Съ годъ лекаря и тѣмъ и сѣмъ лечили,
И вотъ какимъ злодѣи отпустили.
Теперь на костыляхъ бреду кой-какъ
На родину, за Курскъ, къ женѣ и сестрамъ.

2-й Пастухъ.

На руку, обопрись! Да не сюда,
А на тулупъ раскинутый ложись.

Солдатъ.

Спасибо, другъ, Господь тебѣ заплатитъ!—
Ахъ, братцы! что за рай земной у васъ
Подъ Курскомъ! Въ этотъ вечеръ, словно чудомъ

Помолодѣлъ я, въ волю надышавшись
Тепломъ и запахомъ цѣлебнымъ! Любо,
Легко мнѣ въ воздухѣ родномъ, какъ рыбкѣ
Въ рѣкѣ студеной! Въ царствахъ многихъ былъ я!
Попробовалъ вездѣ весны и лѣта!
Въ иныхъ краяхъ земля благоухаетъ,
Какъ въ свѣтлый праздникъ русска генеральша,
И дорого и чудно, да не мило,
Не такъ, какъ тутъ! Здѣсь цѣлымъ тѣломъ дышишь,
Здѣсь всѣ суставчики въ себя впиваютъ
Простой, но сладкій, теплый воздухъ; словомъ,
Здѣсь нѣжишься, какъ въ банѣ старыхъ баръ!
И спать не хочется! Игралъ бы все
До солнышка въ дѣвичьемъ хороводѣ.

3-й Пастухъ.

И мы бъ, землякъ, играть не отказались!
Да лихъ нельзя! Село далеко! Стадо жъ
Покинуть безъ присмотра, положившись
Лишь на собакъ, опасно, самъ ты знаешь!
Какъ быть! Но вотъ и кашица поспѣла!
Перекрестяся, примемся за ужинъ.
А послѣ, если къ сну тебя не клонитъ,

То разскажи намъ (говоришь ты складно)
Про старое свое житье–бытье!
Я чай, вездѣ бывалъ ты, все видалъ!
И домовыхъ, и водяныхъ, и лѣшихъ,
И маленькихъ людей, живущихъ тамъ,
Гдѣ край земли сошелся съ краемъ неба,
Гдѣ можно въ облако любое вбить
Крючекъ иль гвоздь, и свой кафтанъ повѣсить.

Солдатъ.

Вздоръ мелешь, малый! Уши вянутъ! Полно!
Старухи врутъ вамъ, грѣясь на печи,
А вы имъ вѣрите! Какіе черти
Крещеному солдату захотятъ
Представиться? Да нынѣ жъ человѣкъ
Лукавѣй бѣса! Нѣтъ, другое чудо
Я видѣлъ, и не въ ночь до пѣтуховъ,
Но днемъ оно предъ нами совершилось!
Вы слышали ль, какъ заступился Богъ
За православную Державу нашу,
Какъ сжалился Онъ надъ Москвой горящей,
Надъ бѣдной землею, не посѣвомъ,
А вражьими ватагами покрытой—

И раннюю зиму послалъ намъ въ помощь,
Зиму съ морозами, какіе только
Въ Николинъ день, да около Крещенья
Трещатъ и за щеки и уши щиплютъ?
Свѣжо намъ стало, а Французамъ туго!
И жалко и смѣшно ихъ даже вспомнить!
Окутались отъ стужи, чѣмъ могли,
Кто шитой душегрѣйкой, кто лохмотьемъ,
Кто ризою поповской, кто рогожей,
Убрались всѣ, какъ святочныя хари,
И ну бѣжать скорѣе изъ Москвы!
Не далеко ушли же. На дорогѣ
Морозъ схватилъ ихъ и заставилъ ждать
Дня суднаго на мѣстѣ преступленья:
У Божьей Церкви, ими оскверненной,
Въ разграбленномъ анбарѣ, у села,
Сожженнаго ихъ буйствомъ!—Мы, бывало,
Окончивъ трудный переходъ, сидимъ,
Какъ здѣсь, вокругъ огня, и варимъ щи,
А около лежатъ, какъ это стадо,
Замерзлые Французы. Какъ лежатъ!
Когда бъ не лица ихъ и не молчанье,
Подумалъ бы, живые на бивакѣ
Комедію ломаютъ. Тотъ уткнулся

Въ костеръ горящій головой, тотъ лошадь
Взвалилъ, какъ шубу, на себя, другой
Ея копыто гложетъ; тѣ жъ, какъ братья,
Обнялись крѣпко, и другъ въ друга зубы
Вонзили, какъ враги!

Пастухи.

Ухъ! Страшно, страшно!

Солдатъ.

А между тѣмъ, курьерскій колокольчикъ,
Вотъ какъ теперь, и тамъ гремитъ, и тамъ
Прозвякнетъ на морозѣ; отовсюду
Везутъ извѣстья о побѣдахъ въ Питеръ
И въ обгорѣлую Москву.

1-й пастухъ.

Э, братцы,
Смотрите, вотъ и къ намъ тележка скачетъ,
И офицеръ про что-то ямщику
Кричитъ; ямщикъ ужъ держитъ лошадей;
Не спросятъ ли о чемъ насъ?

Солдатъ.

Помоги
Мнѣ встать: солдату вытянуться надо...

Офицеръ (*подъѣхавъ*)

Огня, ребята, закурить мнѣ трубку!

Солдатъ.

Въ минуту, ваше благородье!

Офицеръ.

Ба?
Товарищъ, ты какъ здѣсь?

Солдатъ.

Къ женѣ и сестрамъ
Домой тащуся, ваше благородье!
За рану въ чистую уволенъ!

Офицеръ.

Съ Богомъ!
Снеси жъ къ своимъ хорошее извѣстье,
Мы кончили войну въ столицѣ вражьей;
Въ Парижѣ Рускіе отмстили честно
Пожаръ Московскій! Ну, прости, товарищъ,

Солдатъ.

Прощенья просимъ, ваше благородья!

(*Офицеръ уѣзжаетъ*)

Благословеніе Господне съ нами
Отъ нынѣ и во вѣки буди! Вотъ какъ
Господь утѣшилъ матушку—Россію!
Молитесь, братцы! Божьи чудеса
Не совершаются ль предъ нами явно!

II.

УДѢЛЪ ПОЭТА.

Юноша.

Сладко! Еще перечту! О, слава тебѣ, пѣснопѣвецъ!
Дивно глубокую мысль въ звучную ткань ты облекъ!
Въ чьихъ ты, счастливецъ, роскошныхъ садахъ надышался весною,
Гдѣ нажурчали ручьи говоръ любовный тебѣ?

ГЕНІЙ ПОЭТА.

Гдѣ? я нашелъ пѣснопѣвца на ложѣ недуга, бѣднѣе
Старца Гомера, грустнѣе Тасса, страдальца любви!
Но я такимъ заставалъ и Камоэнса въ дикой пещерѣ,
Такъ и Сервантесъ со мной скорбь и тюрьму забывалъ!

III.

РУССКАЯ ПѢСНЯ.

Какъ у насъ ли на кровелькѣ,
Какъ у насъ ли на крашеной,
Собиралися пташечки,
Мѣлки пташечки, ласточки,
Щебетали, чиликали,
Несобравшихся кликали:
«Вы слетайтесь, не медлите,

Въ путь—дороженьку пустимся!
Красны дни миновалися,
Вдоволь вы наигралися;
Здѣсь не ждать же вамъ гибели
Отъ мороза трескучаго!

Государь ты мой, батюшка,
Государыня матушка!
Меня суженый сватаетъ,
Меня ряженый сватаетъ:
Поспѣшите, не мѣшкайте
Меня поѣзду выдайте,
Съ хлѣбомъ—солію, съ образомъ,
Съ красотой проходящею!
Мнѣ не вѣкъ вѣковать у васъ,
Не сидѣть же все дѣвицей
Безъ любви и безъ радости,
До ворчуньи ль до старости.

IV.

МАЛОРОССІЙСКАЯ МЕЛОДІЯ.

Я ль отъ стараго бѣжала,
Въ полночь травы собирала,
Травы съ розами мѣшала,
Все о волѣ чаровала.
Птичкѣ волю, сердцу волю!
Скоро ль буду я вдовою?...
Дайте, дайте, погуляю,
Какъ та рыбка по Дунаю;
Какъ та рыбка съ окунями,
Я молодка съ молодцами,
Какъ та рыбка со плотвою,
Я съ прилукой—красотою!

V..

КЪ МОРФЕЮ.

Увы! Ты измѣнилъ мнѣ,
Нескромный другъ, Морфей!
Одинъ ты былъ свидѣтель
Моихъ сокрытыхъ чувствъ,
И вздóховъ одинокихъ,
И тайныхъ сердца думъ.
Зачѣмъ же, какъ предатель,
Въ видѣніи ночномъ
Святую тайну сердца
Безмолвно ты открылъ?
Зачѣмъ, меня явивши
Красавицѣ въ мечтахъ,
Безмолвными устами
Принудилъ все сказать?
О! будь же, богъ жестокій,
Будь болѣ справедливъ:
Открой и мнѣ взаимно,

Хотя въ одной мечтѣ,
О тайныхъ чувствахъ сердца,
Сокрытыхъ для меня.
О! дай мнѣ образъ милый
Хоть въ призракѣ узрѣть;
И пылкими устами
Прильнуть къ ея рукѣ...
Когда увижу розы
На дѣвственномъ челѣ,
Когда услышу трепетъ
Стыдливой красоты,
Довольно — и, счастливецъ,
Я богу сей мечты
И жертвы благовонны
И пурпурные маки
Съ Авророй принесу!

VI.

РУССКІЯ ПѢСНИ.

1

И я выйду ль на крылечко,
    На крылечко погулять,
И я стану ль у колечка
    О любезномъ горевать;
Какъ у этого ль колечка
    Онъ впослѣдніе стоялъ,
И печальное словечко
    Мнѣ прощаючись сказалъ:
За Турецкой за границей
    Въ басурманской сторонѣ,
По тебѣ лишь по дѣвицѣ
    Слезы лить досталось мнѣ...

. . . .

. . . .

2.

Какъ за рѣченькой слобудушка стоитъ,
По слободкѣ той дороженька бѣжитъ,
Путь—дорожка широка, да не длинна,
Разбѣгается въ двѣ стороны она:
Какъ на лѣво—на кладбище къ мертвецамъ,
А на право къ Закавказскимъ молодцамъ.
Грустно было провожать мнѣ молодой
Двухъ родимыхъ и по той, и по другой:
Обручальника по лѣвой проводя,
Съ плачемъ матерью — землей покрыла я;
А налетный другъ уѣхалъ по другой,
На прощанье мнѣ кивнувши головой.

—

VII.

ОТРЫВОКЪ.

«На теплыхъ крыльяхъ лѣтней тьмы
Чрезъ запахъ розъ промчались мы,
И по лучамъ ночныхъ свѣтилъ
Тебя спустили средь могилъ
Гляди смѣлѣй: кладбище здѣсь,
Плакучихъ ивъ печальный лѣсъ
Надъ урной мраморной шумитъ;
Вблизи ея сѣдой гранитъ
Едва виднѣетъ межъ цвѣтовъ;
Кругомъ кресты, и безъ крестовъ
Лишь двѣ могилы...»

VIII.

ЧЕТЫРЕ ВОЗРАСТА ФАНТАЗІИ.

Вмѣстѣ съ няней, фантазія тѣшитъ игрушкой младенцевъ
Даже во снѣ ихъ уста сладкой улыбкой живитъ;
Вмѣстѣ съ любовницей, юношу мучитъ, маня непрестанно
Въ лучшій и лучшій міръ, новой и новой красой;
Мужа степеннаго лавромъ иль вѣткой дубовой прельщаетъ,
Бѣдному жъ старцу она тщетнымъ ничѣмъ не блеститъ!
Нѣтъ! на землѣ опустѣвшей кажетъ печальную урну,
Съ прахомъ потерянныхъ благъ, съ надписью: въ небѣ найдешь.

IX.

СОНЕТЪ.

Что̀ вдали блеснуло и дымится?
Что́ за громъ раздался по заливу?
Подо мной конь вздрогнулъ, поднялъ гриву,
Звонко ржетъ, грызетъ узду, бодрится.

Снова блескъ... громъ, грянувъ, долго длится,
Отданный прибрежному отзыву...
Зевсъ ли то, гремя, летитъ на ниву
И она, роскошная, плодится?

Нѣтъ, то флотъ. Вотъ выплыли вѣтрилы,
Притекли, громада за громадой:
Нашъ орелъ надъ Русскою армадой
Распростеръ блистательныя крилы,
И гласитъ: » Съ кѣмъ испытать мнѣ силы?
Кто дерзнетъ, и станетъ мнѣ преградой?

Ревель,
въ іюлѣ 1827 г.

—

X.

ГРУСТЬ.

Счастливъ, здоровъ я! Чтó жъ сердце грустить?
Грустить не о прежнемъ:
Нѣтъ! не грядущаго страхъ жметъ и волнуетъ его
Чтó же? иль въ мигъ сей родная душа разстается
съ землею?
Иль мной оплаканный другъ вспомнилъ на небѣ
меня?

XI.

СЛЕЗЫ ЛЮБВИ.

Сладкія слезы первой любви! какъ роса вы изсохли!
— Нѣтъ! на бесмертныхъ цвѣтахъ въ свѣтломъ
раю мы блестимъ!—

XII.

ХОРЪ.

Для выпуска воспитанницъ Императорскаго Харьковскаго Института *.

3 или 4 голоса.

Подруги, скорбное прощанье
И намъ досталось на удѣлъ:
Какъ сновидѣнье, какъ мечтанье
Златый нашъ возрастъ пролетѣлъ
Простите... Жизненное море
Уже принять готово насъ;
На немъ что̀ встрѣтимъ? счастье ль, горе?
Еще судьбы безмолвенъ гласъ.

---

* Хоръ сей былъ всеподданнѣйше представленъ г-жею начальницею Императорскаго Харьковскаго Института, А. Г. Литинскою, блаженныя памяти Государынѣ Императрицѣ Маріи Ѳеодоровнѣ, и былъ удостоенъ лестнаго для меня вниманія Ея Величества. Печатаю его, какъ посильную дань мою памяти незабвенной и неутѣщно оплакиваемой покровительницы сиротъ и младенцевъ, и въ воспоминаніе о семъ заведеніи, которое стараніями почтеннѣйшей начальницы, членовъ Институтскаго Совѣта и Инспектора Классовъ, Профессора П. П. Артемовскаго—Гулака, доведено до возможнаго совершенства.

1 голосъ.

Но не безмолвенъ голосъ сердца!
Онъ громко мнѣ благовѣститъ:
Кто здѣсь призрѣлъ меня младенца,
Меня и тамъ пріосѣнитъ.
И наша Матерь, наше счастье,
Отрада стороны родной,
Намъ будетъ въ жизненномъ ненастьѣ
Путеводительной звѣздой.

Хоръ.

Свѣти, свѣти, звѣзда Россіи,
Свѣти, безкровныхъ благодать!
Пусть долго съ именемъ *Маріи*
Мы будемъ радость сочетать.
А ты, Святое Провидѣнье,
Внемли моленію дѣтей.
Она всѣхъ бѣдныхъ утѣшенье,
За нихъ Воздателемъ будь Ей!

XIII.

ИЗОБРѢТЕНІЕ ВАЯНІЯ.

Идиллія.

(Посвящается В. И. Григоровичу).

«Въ кущу ко мнѣ, пастухи и пастушки! Въ кущу скорѣе,
Старцы и жены, годами согбенныя! Къ чуду васъ кличу!
Боги благіе меня, презрѣннаго дѣвой жестокой,
Дивно возвысили! Слабые взоры мои усладились
Свѣтлымъ небеснымъ видѣніемъ! Персты мои совершили,
Смертные, дѣло безсмертное! Зовъ мой услышьте, бѣгите
Въ кущу ко мнѣ, пастухи и пастушки! Въ кущу скорѣе,
Старцы и жены, годами согбенныя! Къ чуду васъ кличу!»

Такъ по холмамъ и долинамъ бѣгалъ и голосомъ звонкимъ
Кликалъ мирно пасущихъ стада пастуховъ Іоній-скихъ,
Ликидасъ юный, изъ розовой глины творившій искусно
Чаши, амфоры и урны печальныя, именемъ славный,
Пламеннымъ сердцемъ несчастный! Любовь безъ раздѣла несчастье!
Ликидасъ, всѣми любимый, былъ презрѣнъ единой пастушкой,
Злою Харитой, которою онъ безразсудно плѣнился!—
— Образъ Хариты! Харита живая! Харита изъ глины!—
Разомъ вскричали вбѣжавшіе въ кущу. Крики слилися
Въ радостный вой, восходящій до неба, и въ узкія двери,
Словно рѣка, пастухи потекли, толпа за толпою.
«Други, раздайтесь! имъ Ликидасъ молвилъ «Такъ, образъ Хариты
Дѣвы жестокой вы видите! Боги сей подвигъ великій

Мнѣ помогли совершить, и глину простую въ небесный
Обликъ одѣли, но въ прочности ей отказали! Раздайтесь,
Други, молю васъ! Можетъ иной, въ тѣснотѣ продираясь,
Вдругъ безъ намѣренья ринуться прямо на ликъ сей, и глину
Смять, и меня еще въ злѣйшую долю повергнуть. Садитесь
Крайніе, вы же всѣ замолчите, вамъ чудо скажу я!
«Много дней и ночей, томимъ безнадежной любовью,
Сна не зналъ я, пищи не бралъ и дѣла не дѣлалъ.
Словно призракъ печальный, людей убѣгая, блуждалъ я
Вдоль по пустынному брегу морскому; слушалъ стенанье
Волнъ и имъ отвѣчалъ неутѣшнымъ рыданіемъ. Нынче
Ночью,—какъ и когда, не припомню,—упалъ на песокъ я,
Смолкъ и забылся. Къ утру, чувствую, теплой рукою

Кто-то плечо мое тронулъ и будитъ меня, и пріятно
На ухо шепчетъ! Ликидасъ, встань! подкрѣпи себя пищей,
Въ кущу иди и за дѣло примися! Что̀ сотворишь ты,
Вѣчно Кипридѣ въ даръ принеси: уврачуетъ богиня
Сердце недужное!» Взоры я поднялъ—напрасно! Поднялся—
Нѣтъ никого ни въ близи, ни въ дали! Но совѣты благіе
Въ сердце запали послушное: въ кущу иду я и глину
Мну, и мягкій кусокъ отдѣливши, на кругъ повергаю;
Сѣлъ я, не знаю что́ дѣлать: по глыбѣ послушной безъ мыслей
Пальцы блуждаютъ, глаза не смотрятъ за ними, а сердце—
Сердце далеко, на гордость Хариты, несчастное, ропщетъ!
Вдругъ, какъ лучемъ неожиданнымъ въ бурю, меня поразило

Что́—то знакомое: я встрепенулся, и сердце за-
билось.
Боги! на глинѣ я вижу очеркъ прямой и чудесный
Лба и носа прекрасной Хариты, дивно похожій!
Вижу: и кудри густыя, кругомъ завиваясь, по-
висли;
Мѣсто для глазъ ужъ назначено, пальцы жъ тру-
дятся добраться
Въ мякоти чудной до устъ говорливыхъ! Съ этого
мига
Я не знаю, что̀ было со мною! Пламя не сердце
Билось во мнѣ, и не въ персяхъ, а въ цѣломъ
разлитое тѣлѣ,
Съ темя до ногъ! И руки мои, и глина, и куща,
Дивно блистая, вертѣлись! Лишь помню: пре-
красный младенецъ
Стрѣлкой златою по глинѣ сверкалъ, придавая то
гордость
Свѣтлому лбу, то понятливость взгляду, то рос-
кошь ланитамъ;
Кончилъ улыбкой, улыбкой заманчиво—сладкой!
Свершилось!
Съ мѣста возсталъ я, закрылъ рукою глаза, а
другою

Кудри свои захватилъ и подернулъ: хотѣлъ я скорѣе,
Боль почувствовать, все ли живу я узнать!— «Совершилось
«Смертнымъ безсмертное!» Голосъ священный внезапно раздался:
«Эрмій, разкуй Промеѳея! старецъ, утѣшься межъ славныхъ
«Тѣней! Небесный огонь не вотще похищенъ былъ тобою!
«Пользой твое святотатство изгладилось! Ты же, мгновенной,
«Бренной красѣ даровавшій безсмертье, взглянь, какъ потомкамъ
«Позднимъ твоимъ представятся боги въ нетлѣнномъ сіяньи,
«Камень простой, искусствомъ твоимъ оживить въ ихъ подобьи,
«Смертныхъ красой къ небесамъ восхищать и о Зевсѣ глаголать!»
«Гдѣ я? Стрѣла-прорѣзала небо! Олимпъ предо мною!
Ѳебъ—Аполлонъ, это ты, это ты! Тетива еще стонетъ,

Взоръ за стрѣлой еще слѣдуетъ, славой чело и ланиты
Блещутъ; лишь длань успокоилась, смерть со стрѣлою пустивши!
Мнѣ ли предъ вами стоять, о безсмертные боги! Колѣни
Гнутся, паду! Тебѣ я сей ликъ приношу, Киѳерея,
Дивно изъ моря изшедшая въ радость безсмертнымъ и смертнымъ!
Слѣпну! Узрѣлъ я Зевеса съ Горгоной на длани могучей!
Кудри, какъ полные грозды, вѣнчаютъ главу золотую,
Въ легкомъ наклонѣ покрывшую вѣчный Олимпъ и всю землю!

КОНЕЦЪ.

